

федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина»

РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

*IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ*

6 июня 2023 г.

материалы конференции

Москва, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
2023

УДК 061.3
ББК 63.3(2)
Р76

Россия в историческом измерении: прошлое, настоящее, будущее : IV Международная научно-практическая конференция : материалы конференции / авторы-составители: В.В. Калинов, О.В. Каримов, З.А. Мусаева. – М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2023. – 2,11 МБ – Электрон.дан. - 1 электрон.опт.диск (CD-ROM); 12 см. Электрон.дан. - 1 электрон.опт.диск (CD-ROM); 12 см. – Систем.требования: компьютер IBM-PC совместимый; монитор, видеокарта, поддерживающ. разреш.1024x768; привод CD-ROM; программа для чтения pdf-файлов. – Загл.с этикетки диска. – ISBN 978-5-91961-497-5. – Текст. Изображение : электронные.

В сборнике представлены доклады участников IV Международной научно-практической конференции «Россия в историческом измерении: прошлое, настоящее, будущее». Участники конференции рассмотрели различные аспекты, связанные с развитием российской государственности; экономического развития нашей страны; участия советского народа в Великой Отечественной войне, политического и культурного развития; патриотизма как национальной идеи и фактора безопасности СССР и современной России.

Сборник предназначен для специалистов, преподавателей и студентов вузов, учителей и учащихся школ, а также для всех интересующихся историей Отечества.

Ответственность за содержание и достоверность сведений, предоставляемых для опубликования, несут авторы. Редакция не несет ответственности за содержание предоставленного материала. Мнение авторов публикаций не обязательно отражает точку зрения редакции.

Ответственный редактор:
О.В. Каримов

Редакционная комиссия:
В.В. Калинов, О.В. Каримов, Л.А. Левина

Авторы-составители:
В.В. Калинов, О.В. Каримов, З.А. Мусаева

Минимальные системные требования:

Тип компьютера, процессор, частота: IBM-PC совместимый

Видеосистема: монитор, видеокарта, поддерживающая разрешение 1024x768

Дополнительное оборудование: привод CD-ROM

Дополнительное программное обеспечение: программа для чтения pdf-файлов.

ISBN 978-5-91961-497-5

© РГУ нефти и газа (НИУ) имени
И.М. Губкина, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ДРЕВНЯЯ И МОСКОВСКАЯ РУСЬ: ОТ РАЗДРОБЛЕННОСТИ К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВУ, ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И НАРОДНОСТИ.....	7
СУЭТИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ. ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ СЕРЕДИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ.....	7
РАЗДЕЛ II. МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ В XIX – НАЧ. XX ВВ. – ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ.....	13
ВАСИЛЬЕВ ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ . ИСТОРИЯ РОССИИ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ М.В. ЛОМОНОСОВА.....	13
ЧИКАЛОВА ИРИНА РОМУАЛЬДОВНА. АМЕРИКАНСКИЙ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОПЫТ В ОТЧЕТАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ИНЖЕНЕРОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.	19
РАЗДЕЛ III. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ.....	28
МАУЛЬ ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ. ЯКОБИНЦЫ – БОЛЬШЕВИКИ – ТРАНЗИТ: УРОКИ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ.....	28
КУЛАНОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ. ПУТЬ ИЗ РЕВОЛЮЦИИ: А.А. ВАННОВСКИЙ – ПОЛВЕКА В ЯПОНИИ.....	40
СЁПЕЛЕВ ОЛЕГ ОЛЕГОВИЧ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА.....	49
ПЛЕХАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. ОРГАНЫ ЗАЩИТЫ РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ: БОРЬБА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ (1917–1922 ГГ.).....	55
РАЗДЕЛ IV. УСПЕХИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ, ТРУДОВОЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.....	63
СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ. КРИЗИС «СМЫЧКИ» ГОРОДА И ДЕРЕВНИ НАКАНУНЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	63
МЕДВЕДЕВ АРТЁМ ВИКТОРОВИЧ. КАНАЛ МОСКВА-ВОЛГА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА (1931-1937 ГГ.).....	69
БОДРОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, КАЛИНОВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ. КРИЗИС СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ М.И. КУБАНИНА.....	75

ПУМПЯНСКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, МУСАЕВА ЗАРЕМА АБДУЛМАГОМЕДОВНА. ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР (1920-1940-Е ГГ.)	85
КАРИМОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ. ЗАПАДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МАРТЕ-АПРЕЛЕ 1939 ГОДА (ПО ДАННЫМ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ)	92
КУКАНОВ АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ. К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ В 1938-1941 ГОДАХ	103
РАЗДЕЛ V. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И НАРОДЫ СССР	110
САПОЖНИКОВ МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ. ХРОНИКА ГИБЕЛИ УДАРНОЙ ГРУППИРОВКИ 50-Й АРМИИ В ДОЛИНЕ СМЕРТИ В ФЕВРАЛЕ 1942 ГОДА	110
ИЗОНОВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ. ОПЫТ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 20-Й АРМИИ ПРИ ПРОРЫВЕ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА НА Р. ЛАМА 10 ЯНВАРЯ 1942 Г. СОСРЕДОТОЧЕНИЯ УСИЛИЙ АРТИЛЛЕРИИ. К 80-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ	117
ЛАШКОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ, КУРАШОВ ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ. ПРОТИВОВОЗДУШНЫЙ ЩИТ «ДОРОГИ ЖИЗНИ» НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ (12 СЕНТЯБРЯ 1941 Г. – АПРЕЛЬ 1942 Г.)	125
ВОРСИН ВЛАДИМИР ФЕДОТОВИЧ, СНЕГОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА. ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ	133
ЛАШКОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ, КУРАШОВ ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ. ПРОТИВОВОЗДУШНЫЙ ЩИТ «ДОРОГИ ЖИЗНИ» НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ (МАЙ 1942 Г. – МАРТ 1943 Г.)	146
ЛАВРЕНОВ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ. ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ СОВЕТСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ РЕШЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ КУРСКОЙ БИТВЫ (К 80-Й ГОДОВЩИНЕ)	154
АЩЕУЛОВ ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ. РОЛЬ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЕТНЫХ ЧАСТЕЙ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА В ХОДЕ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЕВ КУРСКОЙ БИТВЫ	161
МОЗОХИН ОЛЕГ БОРИСОВИЧ. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА В. Н. ГОРДОВА И. В. СТАЛИНУ О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К ПОЛИТКОМИССАРАМ, ПОЛИТРАБОТНИКАМ И ВОЕННЫМ СОВЕТАМ В АРМИИ	169
БУКАТИНА МАРГАРИТА ИГОРЕВНА. ВКЛАД НЕФТЕПЕРЕВОЗОК ПАРОХОДСТВА «ВОЛГОТАНКЕР» В МАСШТАБАХ ЭКОНОМИКИ СССР В 1941–1943 ГГ.	176
БЕЛОНОГОВ ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ТРУДОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ	183

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ЩЕРБАКОВА ВАЛЕНТИНА РОСТИСЛАВОВНА. «ПОДВИГ ПАРТИЗАН»: УЧАСТИЕ УРОЖЕНЦЕВ ДЖАНКОЙСКОГО РАЙОНА В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ КРЫМА В 1941–1942 ГГ.	189
РАЗДЕЛ VI. РАСЦВЕТ И КРИЗИС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ..	199
ШУНЯКОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ СССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПЕРЕХОД ОТ ВОЕННОГО К МИРНОМУ ВРЕМЕНИ (1945–1947 ГГ.).....	199
КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ. НАЛЁТЫ АВИАЦИИ США НА ГЭС КНДР ВО ВРЕМЯ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1952 Г.....	206
ГОРЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. НАЧАЛО ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ ПРОГРАММЫ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СССР	213
КАРПОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ. О РОЛИ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В СОЗДАНИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА.....	219
ТЫНЫБАЕВ САНДЫБЕК КЫСТАУБЕКОВИЧ, ЧЕРНЯГИН ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, МАЙТАНОВА АЛИЯ МАРАТОВНА. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1969–1989 ГГ.)	225
МАСЛОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА. СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1980-1984 ГОДОВ....	233
РАЗДЕЛ VII. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	246
ПРИЩЕПА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ХМАО-ЮГРЫ В 1990-2010-ГГ.	246
ДЖАРЧЫЕВ ТУРАЛ МИСИР ОГЛЫ. ОЗЕЛЕНЕНИЕ ГОРОДОВ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	255
ЛЯХОВ МИХАИЛ ИГОРЕВИЧ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В УРБАНИЗИРОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРА СИБИРИ.....	262
ЗАВРАЖИН АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ШУБИНА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА. ПЕРВЫЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ 1992 ГОДА).....	268
ЕРОХИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ. ЭТНИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	275

РАЗДЕЛ VIII. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО – ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАЗНООБРАЗИЯ.....	283
ТАРАДАНОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА. ЭСТЕТИКА СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	283
ФАЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, ФИЛАТОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА. ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	297
РАЗДЕЛ IX. РОССИЯ И МИР – «РОССИЯ И ЕВРОПА»: ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ. ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.....	294
ЛЕВИНА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА. РУССКОЕ МЕССИАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Ф. ОДОЕВСКОГО, Н. В. ГОГОЛЯ, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	294
ЖУКОВА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА. ГУМАНИСТИЧНОСТЬ, КАК СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ВЕРОТЕРПИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО, Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, Н.И. ПИРОГОВА).....	303
МАНАННИКОВА МАРИНА ВИКТОРОВНА. КОНЦЕПЦИЯ ВИЗАНТИЗМА, КАК ОСНОВА РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	310
СЕМЕНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, СИТНОВА ЛАРИСА ИВАНОВНА. ДИАЛОГ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	315
СУВОРОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА. РОССИЯ И КИТАЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ).....	322
РАЗДЕЛ X. УНИВЕРСИТЕТ И ЕГО ШКОЛА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ.....	329
ПАПИЛОВА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА. О РАБОТЕ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ МОСКОВСКОГО НЕФТЯНОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	329
АЛЕКСАНДРОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА. К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ.....	335
АГЕЕВА НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, МАКСИМОВА МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА, СИМАКОВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА. О СТАНОВЛЕНИИ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ РГУ НЕФТИ И ГАЗА (НИУ) ИМЕНИ И.М. ГУБКИНА	342

**РАЗДЕЛ I. ДРЕВНЯЯ И МОСКОВСКАЯ РУСЬ: ОТ
РАЗДРОБЛЕННОСТИ К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВУ,
ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И
НАРОДНОСТИ**

УДК 94(47)

Суэтин Алексей Владимирович

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СЕВЕРО-
ВОСТОЧНОЙ РУСИ СЕРЕДИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XIV ВЕКОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ
ИСТОЧНИКАХ**

кандидат исторических наук,

доцент кафедры гуманитарных наук и технологий,

Тюменский индустриальный университет, Россия, Тюмень

e-mail: avshc@bk.ru

Аннотация. Статья содержит обзор летописных источников о политической борьбе в Северо-Восточной Руси середины XIII – первой четверти XIV вв.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Древняя Русь, политическая борьба, летописание, летопись, летописный свод, исторический источник.

**REFLECTION OF THE POLITICAL STRUGGLE IN NORTH-EASTERN
RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE XIII – FIRST QUARTER OF THE XIV
CENTURIES IN THE OLD RUSSIAN CHRONICLE**

Alexey V. Suetin

candidate of historical Sciences, associate Professor of history

Industrial University of Tyumen. Russia, Tyumen

e-mail: avshc@bk.ru

Abstract. The article contains an overview of chronicle sources about the political struggle in North-Eastern Russia in the middle of the XIII – first quarter of the XIV centuries.

Key words: North-Eastern Russia, Ancient Russia, political struggle, annals, chronicle, chronicle summary, historical source.

Рассматриваемый период русской средневековой истории чрезвычайно беден письменными источниками. Около трех десятков грамот, несколько летописей, единичные послания и жизнеописания – это все, чем располагает современная наука для изучения столь интересного и важного этапа в истории нашей страны.

Наибольший интерес для нас представляют летописи, т. к. подавляющее большинство фактического материала по политической борьбе в Северо-Восточной Руси в данный период содержится именно в них. Характерной особенностью летописей является их тенденциозность, которая выражалась в преднамеренном сокрытии некоторых фактов или их искажении и определялась политическими взглядами составителей. Чтобы определить политическую направленность летописи, следует выяснить условия ее возникновения, для чего требуется выявить все входящие в нее своды с точным определением места, времени и условий их написания.

Почти все известные ныне летописи ведут свое происхождение от Свода 1305 г., который является основным источником по политической истории Северо-Восточной Руси середины XIII в. Данный свод представляет собой памятник великокняжеского летописания и посвящен основным событиям великого княжения Владимирского [4, с. 20-26; 6, с. 80; 8, с. 192; 16, с. 94]. Он был составлен на основе более раннего Свода 1282 г., который представляет собой владимирскую летописную традицию, но испытал сильное ростовское влияние [4, с. 20-26; 6, с. 64-65; 8, с. 192-198]. В центре внимания летописца – борьба за титул великого князя, съезды русских князей, крупные церковные события, поездки в Орду и стихийные бедствия, обрушившиеся на русские

земли [6, с. 80]. К сожалению, Свод 1305 г. до нас не дошел, сохранился лишь список этого свода, составленный в 1377 г. монахом Лаврентием для Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича и известный как Лаврентьевская летопись [10]. Особенностью этого памятника является его плохая сохранность, поэтому возможности использования Лаврентьевской летописи в работе ограничены.

Другим важным источником по истории Северо-Восточной Руси середины XIII – первой четверти XIV вв. является Новгородская первая летопись старшего извода, написанная примерно в 30-х годах XIV в. в Новгороде и, следовательно, отражающая новгородскую точку зрения на события политической жизни Руси [9]. Особенностью этой летописи является то, что она не ограничивается описанием местных событий, а включает значительное количество общерусских известий. Это делает ее весьма ценной для исследователя.

Свод 1305 г. в составе Лаврентьевской летописи и Новгородская первая летопись старшего извода являются единственными летописными памятниками, современными событиям политической истории данного периода. Сведений, которые содержатся в них, явно недостаточно для основательного исследования, поэтому необходимо привлечение более поздних источников. Таковыми являются летописные своды XV в. Все они восходят к различным летописным традициям, самыми заметными и устойчивыми из которых являются тверская, новгородская и московская. Эти традиции не существовали изолированно, а взаимодействовали друг с другом. Поэтому летописи XV в. представляют собой сложное переплетение московских, тверских, новгородских и других известий. Следует учитывать, что в XVI в. была проведена ревизия местных летописцев, при которой выбрасывались все сведения, негодные московской власти [3, с. 87].

Историческим памятником, отразившим практически все существовавшие в XV в. летописные традиции, был Свод 1448 г., наиболее

полно сохранившийся в составе Новгородской четвертой и Софийской первой летописей [11; 12]. Он включал в себя московские, новгородские, суздальско-ростовские, тверские, псковские и южнорусские известия. Основная его черта – компромиссность, отсутствие пристрастия к какому-либо княжеству или земле, противоречивое объединение московской, тверской, суздальской, новгородской точек зрения, что сильно затрудняет работу с ним и делает ненадежным источником [4, с. 93-120]. Почти все известия Свода 1448 г. содержатся и в других летописях, принадлежащих к различным традициям.

Самым ранним памятником московского летописания является Свод 1408 г., известный в литературе как Троицкая летопись. Этот источник является общерусским по содержанию, но с промосковской направленностью, хотя он и не отражает официальную московскую точку зрения. Это объясняется тем, что Троицкая летопись была написана в кругах, близких митрополиту Киприану, мнение которого не всегда совпадало с мнением московского князя [4, с. 93-120; 7, с. 193-198]. К сожалению, Троицкая летопись не сохранилась до наших дней, она погибла при пожаре Москвы в 1812 г. Но существует вполне удовлетворительная реконструкция этой летописи, сделанная М.Д. Приселковым [17]. Наиболее полно официальная московская традиция представлена в Московском своде 1479 г., который был основой всего великокняжеского и царского летописания последующего времени [15; 4, с. 167; 7, с. 17].

Тверское летописание представлено двумя памятниками: Рогожским летописцем, написанным в 1412 г. и Тверским сборником, который был создан в 1534 г. и отражал официальную точку зрения тверских князей [14; 6, с. 53]. Оба памятника в начальной своей части содержат ростовский летописный материал. Затем в Тверском сборнике с 1275 г., а в Рогожском летописце – с 1288 г. идет общая для них тверская летопись [4, с. 52; 5, с. 13-15].

Наибольшее количество сведений о политической борьбе в Северо-Восточной Руси середины XIII – первой четверти XIV вв. содержится в

Патриаршей или Никоновской летописи; многие из них отсутствуют в других источниках [13]. Никоновский свод был составлен в конце 20-х годов XVI в. при митрополичьей кафедре под непосредственным руководством митрополита Даниила [1, с. 4]. Он объединил все существовавшие до него летописные традиции и включает в себя сведения общерусского, московского, тверского, новгородского, ростовского, рязанского происхождения, которые очень трудно отделить друг от друга [1, с. 134-181]. К тому же он довольно сильно идеологизирован. Эти обстоятельства, а также позднее время написания памятника делают его не надежным источником. Тем не менее, Никоновский свод содержит уникальный материал, отсутствующий в других летописях, поэтому его сведения, в сочетании с их критическим анализом, можно широко использовать в исторических исследованиях.

Таким образом, письменный материал по политической истории Северо-Восточной Руси второй половины XIII – первой четверти XIV вв. восходит к трем летописным традициям – новгородской, тверской и московской, среди которых значительно доминирует последняя. Необходимо учитывать возможную идеологическую направленность летописи при анализе исторического материала, так как различные традиции дают разную оценку одних и тех же событий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. – М.: Наука, 1980. 312 с.
2. Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX вв. – М.: Институт истории СССР, 1990. Кн. 1. С. 15-69.
3. Лурье Я.С. Роль Твери в создании русского национального государства //

- Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1939. № 36. Вып. 3. С. 84-96.
4. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. –Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1976. 283 с.
 5. Лурье Я.С. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
 6. Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. – М.: Наука, 1983. 295 с.
 7. Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. – М.: Наука, 1991. 224 с.
 8. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. – М.: Наука, 1969. 555 с.
 9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 642 с.
 10. Полное собрание русских летописей. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. Т. 1. Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку. 578 с.
 11. Полное собрание русских летописей. – Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. 576 с.
 12. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1851. Т. 5. Софийская первая летопись. 493 с.
 13. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. Т. 9-10. Патриаршая или Никоновская летопись. XI + 256 + 244 с.
 14. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. VIII + 186 + VII + 504 с.
 15. Полное собрание русских летописей. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. 464 с.
 16. Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. – Л., 1940. 188 с.
 17. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 515 с.

РАЗДЕЛ II. МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ В XIX – НАЧ. XX ВВ. – ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ

УДК 94(47)

Васильев Юрий Альбертович

ИСТОРИЯ РОССИИ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории
и регионоведения, Московский гуманитарный университет, Россия, Москва
e-mail: vasyural@mail.ru

Аннотация. В публикации освещается просветительский проект выдающегося
русского мыслителя М.В. Ломоносова в области российской истории. Данный проект
был ориентирован, с одной стороны, на познание отечественной истории посредством
живописного изобразительного искусства, с другой – на продвижение исторических знаний
и внедрение их в общественное сознание российских граждан.

Ключевые слова: Россия; история; М.В. Ломоносов; просветительский проект;
изобразительное искусство; национальное самосознание.

THE HISTORY OF RUSSIA IN THE EDUCATIONAL PROJECT OF M.V. LOMONOSOV

Yuri A. Vasiliev

Doctor of History, a Professor of the Department of History and Regional
Studies of Moscow University for the Humanities. Russia, Moscow
e-mail: vasyural@mail.ru

Abstract. The publication highlights the educational project of the outstanding Russian thinker
M.V. Lomonosov in the field of Russian history. This project was focused, on the one hand, on

the knowledge of national history through pictorial art, on the other hand, on the promotion of historical knowledge and its introduction into the public consciousness of Russian citizens.

Key words: Russia; history; M.V. Lomonosov; educational project; art; national identity.

В контексте современного измерения истории поучителен опыт русской исторической школы, связанный с преодолением разрыва между историческим знанием и общественным сознанием. В этом русле следует рассматривать просветительский проект М.В. Ломоносова, предложившего способ познания российской истории и продвижения исторических знаний посредством средств изобразительного искусства. По свидетельству самого Ломоносова, императрица Екатерина II передала ему распоряжение о выборе в российской истории сюжетов для написания живописных картин по русской истории [см.: 1, с. 438].

Если Екатерина II стремилась к созданию образа собственного правления в качестве «просвещенного абсолютизма», воспринимая картины в качестве предметов для эстетического украшения придворных залов, то для Ломоносова преобразование реальных событий в художественные произведения имело глубокий смысл: они олицетворяли живую связь настоящего и прошлого. Он определенно видел в этом важнейшую просветительскую задачу. Именно с этой функцией связано его стремление приблизить русских художников к практическому осуществлению задачи – украсить картинами по русской истории не только дворцы правителей, но и общественные здания, оказывая *«сие о великости благодеяния»* всему российскому народу: живописные произведения *«пренесут в настоящее время минувшия российския деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливыя и противныя обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе»* [2, с. 311].

В условиях подъема национального самосознания возрос интерес к русской истории. Волновавшие общественное сознание вопросы социального

и политического устройства государства, идеи гражданственности, патриотизма, общего нравственного идеала человека эпохи могли найти свое воплощение в сюжетных композициях исторических картин. Таким образом историческое изобразительное искусство второй половины XVIII в. не только содействовало распространению исторических знаний среди сравнительно широких кругов просвещенного российского общества, но и способствовало более глубокому пониманию исторических фактов, ко многим из которых и привлек внимание Ломоносов своими предложениями. В речи, подготовленной Ломоносовым к предполагавшейся в конце 1764 г. торжественной инаугурации *«Академии трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры»* он призывал художников к поиску собственного пути, а не копированию и заимствованию мифологических сюжетов зарубежных живописцев, которое *«едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древняя Греческия и Римския, по большей части баснотворные деяния»*. В российской истории с ее замечательными сюжетами предлагалось *«российские деяния показывать»* [2, с. 311].

Репрезентация темы обусловлена методологическим основанием, суть которого сводится к признанию наличия современного *кризиса понимания истории* [см.: 3, с. 50], интеллектуального осознания *смысла истории* [см.: 4, с. 145] и феномена *понимания* в историческом процессе [см.: 5, с. 220].

Список живописных картин русской истории Ломоносов отправил 24 января 1764 г. с письмом в Москву к вице-канцлеру князю А.М. Голицыну, которому был подчинен Архив Коллегии иностранных дел. Он выбрал из прошлого значимые исторические сюжеты и образы. Ломоносов предложил темы для 25 картин: 1) взятие Искореста (Искоростеня); 2) основание христианства в России; 3) совет Владимиру от духовенства; 4) единоборство князя Мстислава с касожским вождем Редедей; 5) Горислава (Рогнеда); 6) единоборство Владимира Мономаха с генуэзским князем; 7) венчание Владимира Мономаха на царство; 8) победа Александра Невского над

немцами ливонскими на Чудском озере; 9) обручение князя Феодора Ростиславича с дочерью ордынского хана; 10) начало сражения с Мамаем; 11) низвержение татарского ига; 12) приведение новгородцев под самодержавие; 13) царица Сумбек (после взятия Казани); 14) право династии Романовых на всероссийский престол; 15) гибель Расстриги (Лжедмитрия I); 16) Кузьма Минин; 17) Олег перед Царьградом (Константинополем); 18) смерть Олега от укуса змеи; 19) сражение Святослава с печенегами в порогах; 20) избавление Киева от осады печенегов; 21) киевский князь Святослав Ярославич показывает свое великое богатство немецким послам; 22) князь Дмитрий Михайлович Пожарский в опасности; 23) князь Пожарский сражается с поляками; 24) царь Василий Иванович Шуйский; 25) патриарх Гермоген в неволе [см.: 6, с. 257-262]. Данный перечень ломоносовских тем свидетельствует о том, что большая их часть посвящена реальным историческим событиям (он точно освещал известные исторические события), но некоторые сюжеты основаны на легендах. Первые 16 тем расположены в хронологическом порядке и охватывают более шести столетий российской истории: с периода Киевской Руси до Смутного времени. Темы с 17 по 21 возвращаются к событиям истории Киевской Руси, сюжеты с 22 по 25 посвящены событиям, связанным с борьбой за национальную независимость в период Смуты начала XVII в. Можно предположить, что Ломоносов неоднократно возвращался к выбору и уточнению исторических тем.

М.В. Ломоносов предлагал не просто перечень тем для исторических картин. Он разработал подробное содержание и композицию каждой из них, проявив тонкое и глубокое понимание задач живописи. Для художников предлагалось детальное описание каждого сюжета, включая смысловые акценты и художественные решения как общей композиции, так и исторических и бытовых деталей. Ломоносов указывал на необходимость точности и тщательности в изображении деталей и исторических аксессуаров – одежды, предметов быта, музыкальных инструментов. Предлагаемые им

описания картин полны движения и красочных подробностей, они давали простор воображению и мастерству художника.

Содержательный контент-анализ ломоносовских исторических сюжетов позволяет разделить их на три группы. Подобное деление является условным, поскольку темы многоплановы и находятся во внутренней взаимосвязи. Некоторые темы являются общими для всех трех групп. Однако в каждой теме может быть выделена доминирующая идея. К первой группе относятся темы, посвященные поворотным событиям русской истории, наложившим отпечаток на весь ход ее развития: темы 2, 7, 12, 14, 17. Почти половина тем составляет вторую группу сюжетов – о национально-освободительной борьбе русского народа: темы 4, 8, 11, 15, 16, 19, 20, 23. В третью группу тем включены сюжеты, основанные на морально-этических проблемах: темы 5, 9, 10, 13, 18, 22, 24, 25.

Ломоносовская просветительская деятельность имела огромное значение. Разработанные им *«Идеи для живописных картин из российской истории»* являются источником для исследования исторических взглядов самого Ломоносова. Но представляется, что еще в большей степени определение исторических сюжетов для картин и описание их композиций имели значение для тогдашних российских живописцев: художники 1760-х гг. еще просто не имели источника, откуда они могли черпать сюжеты для написания исторических картин: русские летописи в то время еще не были изданы. Ломоносов понимал, что летописи малодоступны художникам, поэтому старался изложить сюжеты подробнее, часто опираясь в своих описаниях на летописные миниатюры. Разработка ломоносовских *«Идей»* способствовала развитию исторической живописи XVIII в. Об этом свидетельствует факт, что с самого начала в Академии художеств класс исторической живописи имел главенствующее положение. Следует подчеркнуть, что данный процесс проходил в условиях создания национальной школы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765. – М.: Ломоносовъ, 2010. 512 с.
2. Ломоносов М.В. Слово благодарственное ея императорскому величеству на освящение Академии художеств // Ломоносов М. В. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. История. Филология. Поэзия. – М.: Наука, 1986. 496 с. С. 310-315.
3. Васильев Ю.А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты. Часть I // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 49-58.
4. Васильев Ю.А. Идеи М. В. Ломоносова в русской исторической школе // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 141-148.
5. Васильев Ю.А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 218-226.
6. Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // Ломоносов М. В. Избранная проза. – М.: Сов. Россия, 1980. 512 с. С. 257-262.

Чикалова Ирина Ромуальдовна

**АМЕРИКАНСКИЙ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ОПЫТ В ОТЧЕТАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ
ИНЖЕНЕРОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории,
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Республика Беларусь, Минск
e-mail: irina_chikalova@mail.ru

Аннотация. В статье показано, что промышленный подъём в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. повлек за собой также рост внимания в России к мировым научно-техническим достижениям. При этом большое внимание уделялось изучению опыта экономического развития США, знакомство с которым стало значимым для развития научно-технической культуры в России, в частности, в нефтяной и транспортной отраслях, в том числе, под влиянием посещения Всемирной промышленной выставки в Чикаго в 1893 г. Освоение американского промышленно-технического опыта российскими специалистами происходило, как показала автор статьи, в ходе целого ряда служебных командировок, давших возможность приобрести знания, ставшие полезными для развития российской экономики.

Ключевые слова: США, Российская империя, промышленность, нефтяная отрасль, железнодорожный транспорт, водный транспорт, Всемирная промышленная выставка 1893 г. в Чикаго.

**AMERICAN INDUSTRIAL AND TECHNICAL EXPERIENCE IN THE
REPORTS AND STUDIES OF RUSSIAN ENGINEERS AT THE TURN OF
THE 19th – 20th CENTURIES**

Irina R. Chikalova

Dr. Sc. (History), Professor, Professor, Department of World History and Methods of Teaching History, Belarusian State Pedagogical University Named after Maxim Tank, Republic of Belarus, Minsk
e-mail: irina_chikalova@mail.ru

Abstract. The article shows that the industrial boom in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries also led to an increase in attention in Russia to world scientific and technological achievements. At the same time, much attention was paid to studying the experience of the US economic development, acquaintance with which became significant for the development of scientific and technical culture in Russia, in particular, in the oil and transport industries, including under the influence of visiting the World Industrial Exhibition in Chicago in 1893. The reception of American industrial and technical experience by Russian specialists took place, as the author of the article showed, in the course of a number of business trips, which made it possible to acquire knowledge that became useful for the development of the Russian economy.
Key words: USA, Russian Empire, industry, oil industry, rail transport, water transport, World Industrial Exhibition of 1893 in Chicago.

Промышленный подъем в России конца XIX – начала XX вв. сопровождался возрастающим интересом к мировым научно-техническим достижениям. Важным каналом ознакомления с ними стали Всемирные промышленные выставки. Между 1851 г., когда в Лондоне состоялась первая, и 1914 г. прошли 18 подобных выставок, из них 3 на территории США – в Филадельфии (1876), Чикаго (1893), Сент-Луисе (1904).

Особый интерес в России вызвала Чикагская выставка, или «Колумбийская» или «Колумбовая», как ее тогда называли, поскольку она была посвящена 400-летию открытия Америки Х. Колумбом. Выставка представила широкую панораму прогресса мировой экономики и культуры. В ее экспозиции главное место заняли США, но и другие страны, в том числе Россия, достойно показали свои производительные силы. Выставка вызвала интерес во многих странах и возможностью заявить об актуальных проблемах

в различных сферах материального производства и интеллектуальной жизни. Представленные на ней экспонаты отражали мировой уровень научно-технического прогресса и давали возможность воспринять огромный пласт информации, позволявшей осмыслить место России в ряду крупнейших мировых держав с точки зрения научно-технического потенциала. Для изучения мирового научно-технического опыта, отраженного в экспозициях Чикагской выставки, в США были командированы многие профессионалы высокого уровня.

Впечатления и выводы о работе выставки и ее значении для мировой научно-технической культуры нашли отражение в немалом количестве публикаций. В одних случаях это были зарисовки журналистов, постоянно живших в Америке, таких как П.А.Тверской [13; 14], в других – очерки специально приезжавших на выставку в качестве туристов, наподобие доктора медицины В.В. Святловского [11]. Эти публикации были рассчитаны на массового читателя и отражали эмоциональные впечатления их авторов («*научиться здесь можно было многому*», хотя «*американские идеалы чужды русскому человеку*» [11, с. 475]), но преимущественно восторженные.

Видное место, куда более важное для народного хозяйства, заняли другие публикации – отчеты российских ученых и инженеров, командированных в Америку для ознакомления с выставкой, и во многих случаях опубликовавшие книги с подробными описаниями и выводами, адресованными специалистам соответствующих отраслей производства [3; 6; 7; 12]. Так, профессор Санкт-Петербургского практического технологического института А.Д. Гатцук был отправлен на выставку решением Министерства финансов изучить американский станочный парк и методы обработки металлов и выяснить, какое значение «*они могут иметь для нас*». Выводы Гатцук обобщил в опубликованном отдельной книгой отчете: «*Мне кажется, нам можно многому поучиться у Америки и полезно будет внимательно следить за новыми успехами ее в деле машиностроения*», однако «*я меньше*

всего решился бы рекомендовать простое копирование приемов работы и перенесение американских заводов целиком на нашу почву. Слишком уже различны экономические условия для того, чтобы можно было думать, что все, полезное в Америке, непременно будет хорошо и для нас» [2, с. 19-20].

Еще одним командированным решением Министерства финансов был С.И. Гулишамбаров, выпускник Санкт-Петербургского технологического института, автор ряда трудов по истории и экономике нефтяной промышленности в России и за границей – *«Нефтяные источники Брэдфорда (в Северной Америке) с планом Брэдфорда», «Русские и иностранные законы о нефти», «Библиография нефтяной промышленности»*. Последний вышел, помимо русского, на немецком, английском, французском, итальянском, голландском, шведском, испанском, польском и японском языках.

Итогом поездки Гулишамбарова на Чикагскую выставку стала книга *«Нефтяная промышленность Соединенных Штатов Северной Америки в связи с общим промышленным развитием страны»* [4]. При этом отчет об экспонировании на выставке всего, что относится к нефти и ее продуктам, составил лишь незначительную часть книги, а ее подавляющий объем посвящен исследованию нефтедобычи, нефтепереработки и транспортировки нефтяных продуктов в США в связи с общим промышленным развитием страны. Последнее Гулишамбаров рассматривает с момента отделения английских колоний от метрополии до начала монополизации производства и возникновения трестов, включая образование рокфеллеровской *«Стандард ойл компании»* с ее стремлением распространить влияние на мировые рынки. Не замыкаясь в рамках страны, Гулишамбаров дал обзор нефтяной промышленности и торговли более чем в 100 государствах и территориях, в том числе и России.

Первая поездка Гулишамбарова в США была в 1881 г., и к моменту его командировки на Чикагскую выставку он был единственным из российских специалистов нефтяного дела, кто посещал их дважды. Благодаря этому он

получил уникальную возможность воочию проследить этап ускоренного развития нефтяной отрасли Америки, установить ее общие и специфические черты. В своем труде, сравнивая условия и положение американской и российской нефтяной промышленности, он делает вывод о том, что российской отрасли по уровню нефтедобычи по силам не только догнать американскую, но даже превзойти ее, что, впрочем, и произошло в последние годы XIX в. Идеи, высказанные Гулишамбаровым, стали серьезным аргументом для правительства и ведущих нефтепромышленников России при принятии решений по ускоренному развитию отрасли.

Изучение технического опыта США не сводилось к разовым поездкам по случаю акций, подобных всемирным выставкам, а проводилось постоянно и охватывало самые различные отрасли. Тот же Гулишамбаров в 1901 г. получил возможность вновь совершить поездку в США. Отчет о ней частично был опубликован в *«Вестнике финансов, промышленности и торговли»* (№ № 25, 26 за 1902 г.) под названием *«Поездка в Техас и Калифорнию»* и вышел отдельным оттиском [5].

Служебные поездки за рубеж поощрялись властями. Российские управленцы внимательно присматривались к опыту строительства Канадской тихоокеанской железной дороги. В России строительство железных дорог шло, начиная с 1840-х гг., но отсутствие опыта, нехватка частных капиталовложений и неспособность государственной казны самостоятельно финансировать столь дорогостоящее предприятие существенно замедлили их рост в последующие десятилетия. Сознавая большое стратегическое значение проекта создания Великой Сибирской железной дороги, Россия рассматривала успешное строительство Канадской тихоокеанской железной дороги как хороший пример. Для практического изучения канадского опыта Министерство путей сообщения направило в 1880-е гг. в Канаду несколько специалистов в этой области – инженеров Н.А. Волошинова, А.Ф. Эдзиарского, Н.С. Кругликова и А.И. Имшеник-Контрадовича. После их

возвращения в журналах *«Железнодорожное дело»*, *«Известия Собрания инженеров путей сообщения»* были опубликованы подробные отчеты с детальными планами, выкладками, рисунками и картами [1; 8; 15].

Одним из командированных был дипломат и предприниматель, автор исторических, политических и экономических трудов о Дальнем Востоке Д. Д. Покотилов. Его статья, посвященная влиянию, оказанному Канадской тихоокеанской дорогой на рост экономического благосостояния страны, появилась в *«Вестнике финансов, промышленности и торговли»* [10], а затем в виде отдельного оттиска. Несомненно, практическое использование канадского опыта во многом способствовало успешному завершению строительства Великой Сибирской железной дороги за исключением небольшого ее участка у озера Байкал.

Министерство путей сообщения России всячески поддерживало командировки инженеров для изучения опыта строительства и эксплуатации американских железных дорог. Два российских министра путей сообщения – П.П. Мельников (1865-1869) и М.И. Хилков (1895-1905) учились железнодорожному делу в США. Так, Хилков в тридцатилетнем возрасте, несмотря на княжеский титул и перспективы блестящей карьеры, уехал в Америку и поступил на службу в англо-американскую компанию, занятую постройкой Трансатлантической железной дороги. Работал простым рабочим, слесарем, кочегаром, помощником машиниста и машинистом, а затем стал заведующим службой подвижного состава и тяги Трансатлантической железной дороги. Оставив Америку, около года трудился слесарем на паровозном заводе в Ливерпуле. Познав железнодорожное дело во всех тонкостях, вернулся в Россию. Начав с небольших должностей, быстро продвинулся по службе и стал одним из наиболее успешных министров в Российской империи. Десять лет, проведенные Хилковым на этом посту, характеризуются небывалыми темпами строительства железнодорожных магистралей и шоссейных дорог, возводимых в центральных и

промышленных районах страны, в Сибири и в Средней Азии. При нем протяженность железных дорог России выросла с 35 до 60 тыс. км, а их грузооборот удвоился. Ежегодно возводилось около 2,5 тыс. км железнодорожных путей (таких темпов не было даже в советский период) и около 500 км автомобильных дорог.

Интерес вызывал также опыт строительства водных каналов, создание которых имело большое значение в увеличении транспортно-пассажирских потоков и удешевлении перевозок. Наиболее грандиозным и осуществленным проектом стало сооружение межокеанского канала, который должен был связать Тихий и Атлантический океаны. Для изучения строительства Панамского канала российским Министерством путей сообщения были командированы видные представители научно-технической интеллигенции – В.Е. Тимонов, и В.Е. Ляхницкий. Задачей каждого из них было рассмотреть грандиозный проект межокеанского канала под углом зрения интересов России, а затем реализовать на российской почве американской научно-технические достижения. С ней они успешно справились, занимая ответственные посты в своих отраслях деятельности. Тимонов по возвращении опубликовал в 1913 г. в Петербурге объемный отчет [9]. Он в 1909-1917 гг. руководил Отделением статистики и картографии Министерства путей сообщения, с 1917 г. работал в Высшем техническом комитете Наркомата путей сообщения. В.Е. Ляхницкий в 1914-1918 гг. работал начальником Управления портовых изысканий на мурманском побережье Баренцева моря, на побережье Белого моря и в устье реки Северная Двина; в СССР работал профессором, являлся проектировщиком строительства и реконструкции крупнейших морских портов: Ленинградского, Мурманского, Архангельского, Бакинского, Красноводского, Махачкалинского, Сочинского, в Арктике и на острове Сахалин.

Изучение зарубежного опыта российскими инженерами и учеными было ориентировано на использование его достижений в интересах отечественного

производства. В этом отношении их отличала способность предвидеть потенциальные перспективы неочевидных по своему экономическому потенциалу, на первый взгляд, проектов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Волошинов Н.А. Тихоокеанская-канадская и сибирская железные дороги // Железнодорожное дело. 1887. № 19. С. 155-157; № 25-26. С. 191-193.
2. Гатцук А.Д. Американские станки для обработки металлов и работа на них. СПб.: Деп. торговли и мануфактур М-ва фин., 1896. С. 19-20.
3. Глуховской П.И. Колумбова выставка в Чикаго: Отчет Генерального комиссара русского отдела. СПб.: П.И. Глуховской, 1895. 210 с.
4. Гулишамбаров С.И. Нефтяная промышленность Соединенных Штатов Северной Америки в связи с общим промышленным развитием страны. СПб.: Изд. Деп. торговли и мануфактур М-ва фин., 1894.
5. Гулишамбаров С.И. Поездка в Техас и Калифорнию (Извлечение из отчета по поездке в Англию и Соединенные Штаты для выяснения некоторых вопросов нефтяной промышленности). СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902.
6. Карейша С.Д. Северо-американские железные дороги. Исследование железнодорожного дела в Соединенных Штатах Северной Америки во время Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго в 1893 г. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896. XX, 782 с.
7. Кирпичев В.Л. Отчет о командировке в Северную Америку В.Л. Кирпичева, директора Харьковского технологического института. СПб.: Деп. торговли и мануфактур М-ва фин., 1895. 72 с.
8. Кругликов Н.С., Имшеник-Контрадович А.И. О канадской тихоокеанской железной дороге. Записки инженеров // Железнодорожное дело. 1891. № 3-4. С. 25-44; № 7-8. С. 77-111.

9. Мировой водный путь через Панамский перешеек / сост. В. Е. Тимонов. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ., 1913. 213 с. + 42 л.ил. (Материалы для изучения постановки дела водяных сообщений) В надзаг.: М-во путей сообщ., Междувед. комис. для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщ. Империи, 1909-1912.
10. Покотиллов Д.Д. Канадская тихоокеанская дорога и влияние, оказанное ею на рост экономического благосостояния Канады // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1894. № 45. С. 382-385; № 46. С. 525-529.
11. Святловский В.В. По белу свету. За Атлантическим океаном. Екатеринослав: Изд. М.С. Копылова, 1898. [8], 477 с.
12. Смирнов А.И. Электротехника в Америке. Отчет по командировке в Америку, в Чикаго на Всемирную Колумбову выставку в 1893 году. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К^о), 1895. 80 с.
13. Тверской П. Колумбийская всемирная выставка//Книжки недели. 1893. № 12.
14. Тверской П. Колумбийская всемирная выставка // Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. С. 451-453.
15. Эдзиарский А.Ф. Краткий очерк Канадской Тихоокеанской железной дороги // Известия Собрания инженеров путей сообщения. Т. 10. 1890. № 7-8.

РАЗДЕЛ III. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

УДК 930.1+323.4

Мауль Виктор Яковлевич

ЯКОБИНЦЫ – БОЛЬШЕВИКИ – ТРАНЗИТ: УРОКИ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

доктор исторических наук, профессор филиала ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске, Россия
e-mail: VYMaul@mail.ru

Аннотация. В статье описывается эволюция большевистской рецепции якобинского опыта Великой французской буржуазной революции. С опорой на труды большевистских вождей показано, как воспринимался ими исторический опыт якобинского террора и термидорианского переворота с учетом тех перемен, что происходили в нашей стране на протяжении 1920-х гг.

Ключевые слова: Якобинцы; большевики; исторический опыт; уроки истории; якобинский террор; большевистская рецепция, термидорианский переворот.

JACOBINS – BOLSHEVIKS – TRANSIT: LESSONS OF THE GREAT REVOLUTIONS

Victor Ya. Maul

Doctor of Historical Sciences, Professor of history Tyumen
Industrial University, branch in Nizhnevartovsk, Russia, Nizhnevartovsk
e-mail: VYMaul@mail.ru

Abstract. The article describes the evolution of the Bolshevik reception of the Jacobin experience of the Great French Bourgeois Revolution. Based on the works of the Bolshevik leaders, it is shown how they perceived the historical experience of the Jacobin terror and the Thermidorian coup, taking into account the changes that took place in our country during the 1920s.

Key words: Jacobins; Bolsheviks; historical experience; history lessons; Jacobin terror; Bolshevik reception, Thermidorian coup.

Для сегодняшних людей, живущих в клиповом формате быстротечных перемен, сравнительно недавно и, как показалось, незаметно миновал вековой юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей колоссальное воздействие на всю отечественную и мировую историю человечества. Спустя столетие можно задуматься над вопросом, насколько грамотно были усвоены «уроки Октября» его потомками и наследниками. Причем очевидно, что адекватно понять их телеологические реакции можно только с учетом исторической ретроспективы, то есть того, насколько сами пламенные революционеры могли и умели использовать соответствующий опыт прошлого.

При этом аксиоматично, что опыт прошлого является необходимым фундаментом адекватного понимания современности. Историческая наука выводит из него уроки, которые понимались в разное время по-разному. Следовательно, исторический опыт и уроки истории – понятия смежные, но не тождественные. Исторический опыт является объективной категорией, это прошлое в его наиболее существенных проявлениях. Уроки же истории – категория субъективная, означает истолкование накопленного опыта в интересах и с позиций кого-либо или чего-либо [14, с. 133-139]. С учетом сказанного эвристически важно выяснить, каким образом руководители большевиков оценивали и корректировали свою практическую деятельность сквозь призму истории Великой французской революции, в целом занимавшей заметное место в общественной мысли тогдашней России.

Необходимо отметить, что французские аналогии самим себе большевики пытались обосновать уже в ранних своих работах и далее продолжали поиски на протяжении десятилетий. Вплоть до 150-летней годовщины начала Французской революции, пришедшейся на 1939 г., когда

окончательно утвердилась официальная точка зрения на нее, затем прочно закрепившаяся в советской историографии.

После раскола социал-демократического лагеря на большевиков и меньшевиков участники революционного движения в России стали проводить исторические параллели с актуальными для себя французскими героями 1789-1794 гг. Меньшевики, как правило, отождествлялись с жирондистами, а большевики – с якобинцами [5, с. 38-54].

В.И. Ленин в 1905 г., когда большевики были преисполнены радужных надежд относительно своих далеких целей – освобождения трудящихся масс от гнета капитала, писал: *«Якобинцы современной социал-демократии, – большевики... хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного пролетариата... Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа – программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли мы доживем до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса»* [8, с. 47].

Рассуждая о потенциальных перспективах взятия власти с последующим установлением диктатуры пролетариата, В.И. Ленин продолжил исторический экскурс, приняв за ориентир диктатуру Конвента, который *«был именно диктатурой низов, т.е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полномочное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т.е. именно то, что мы называем: "пролетариат и крестьянство"»* [9, с. 52].

Оценивая деятельность якобинцев, В.И. Ленин в своих ранних работах выражал твердую надежду, что большевицкие средства будут целиком соответствовать поставленной ими цели. Можно заметить, что В.И. Ленин, казалось, не одобрял якобинский способ действий – террор. Вероятно, в тот момент он и его адепты не очень задумывались о прагматической стороне осуществления революции. Отсутствовала и насущная потребность в том, ибо текущей задачей большевиков объявлялась борьба за программу-минимум, а реальная перспектива социалистической революции казалась уплывающей в призрачную даль.

Между тем время неумолимо бежало вперед в безумной гонке самодержавия к собственному краху. Одновременно возрастала вероятность успеха социалистического движения в России. Чем сильнее ощущалось дыхание пролетарской революции, тем более востребованной становилась потребность определиться с конкретными шагами для ее свершения. В результате с поразительной контрастностью переменились ленинские оценки Великой французской революции. Якобинские террористические средства теперь воспринимались как вполне приемлемые для большевиков. Накануне Октября 1917 г. В.И. Ленин решительно заявлял: *«Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней "чудес" массового героизма, надо с "якобинской" беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию хозяйственно»* [7, с. 194].

После прихода большевиков к власти акценты в оценках якобинского опыта сдвинулись еще дальше. Отныне В.И. Ленин открыто ставил в заслугу соратникам, что им во многом удалось превзойти своих далеких кумиров – якобинцев: *«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, смести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей*

стране. И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад» [10, с. 144].

Не удивительно, что из обширного опыта предшественников востребованным оказалось отнюдь не разнообразное демократическое наследие, ведь французская революция – не только террор и «*святая гильотина*», но и, например, Декларация прав человека и гражданина. Глубоко же был усвоен именно урок якобинской диктатуры, ибо большевики не могли допустить предоставления политических свобод для буржуазии, которая была обречена на уничтожение как класс. Историческое обоснование для такой меры также можно было почерпнуть в делах и трудах Ж.-Ж. Дантона, Ж.-П. Марата, М. Робеспьера, Л.-А. Сен-Жюста, Ж.-Р. Эбера и других французских революционных радикалов. В.И. Ленин подчеркивал: *«Мы говорим, что свобода собраний для капиталистов – это величайшее преступление против трудящихся ... Потому и названа французская революция великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 года, а что она была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца. Также и мы сумеем поступить с господами капиталистами, ибо мы знаем, что для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их «свободу» отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала ... Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную свободу» [12, с. 345].* В таких рассуждениях прослеживается практически полное совпадение с мыслью якобинского триумвира М. Робеспьера о том, что *«Конституция – это режим победившей и мирной свободы» [15, с. 193].*

Как известно, одной из главных причин якобинского террора его организаторы называли необходимость обуздать разгул спекуляции. Подобная проблема во весь рост встала и перед большевиками. Поэтому французский пример мог оказаться для них практически пособием с учетом необходимых корректив: *«Если 125 лет назад французским мелким буржуа, самым ярким и искренним революционером, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих "избранных" и громами деклараций, – подчеркивал В.И. Ленин, – то теперь чисто французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента... Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т.е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо»* [11, с. 208].

Спекуляция – явление, безусловно, вредное для экономики и не только в период революций, но поражает одинаковая убежденность революционеров XVIII и XX столетий, что казни и вообще насилие способны наладить хозяйственную жизнь страны и народа. В частности, серьезные сомнения в таковой возможности высказывал В.Г. Короленко, сам имевший за плечами богатую революционную биографию. В письме к А.В. Луначарскому, основываясь на тех же событиях французской истории, он приходил к иным выводам: *«Вообще, все это мрачное происшествие, – писал он, – напоминает общественный эпизод Великой французской революции. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это также самым близоруким образом – происками аристократов и спекулянтов и возбуждало слепую ярость толпы. Конвент "пошел навстречу" народному чувству, и головы тогдашних*

Ароновых и Миркиных летели десятками под ножом гильотины. Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла ... Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке могут лучше нормировать цены, чем гильотины?» [6, с. 589].

Однако подобные соображения бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев не могли сдержать вознесенный над головой «топор пролетарской диктатуры». «Демон революции» Л.Д. Троцкий разъяснял необходимость его услуг: *«Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищным положением революционной Франции... Суровость пролетарской диктатуры в России – скажем тут же – была обусловлена не менее тяжкими обстоятельствами» [16, с. 49].*

Даже В.И. Ленин терял всякое хладнокровие, когда встречал критику большевистских действий. С праведным негодованием он возмущался: *«Ее (буржуазии. – В.М.) слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649 год, французы – свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищем и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии... Террор стал чудовищем и преступен, когда его стали применять в интересах свержения эксплуататорского меньшинства в интересах действительно огромного большинства» [13, с. 59-60].*

Опираясь на опыт прошлого, В.И. Ленин подчеркивал: *«Возьмите великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции... Наша революция для нашего класса, для которого мы служим, для пролетариата, сделала за полтора года уже несравненно больше, чем то, что сделали великие французские революционеры... Всякий, сознательно относящийся к истории,*

скажет, что французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы... если бы даже, беря возможный гипотетически, худший из возможных случаев, если бы завтра какой-нибудь счастливый Колчак перебил поголовно всех и каждого большевика, революция осталась бы непобедимой» [14, с. 359].

Для достижения поставленной цели была задействована вся мощь большевистской государственной машины. Когда же оказалось, что пролетарская диктатура не столь всемогущая, как полагали, когда растущие крестьянские восстания поставили под угрозу само существование коммунистической власти, тогда ради ее сохранения пришлось менять политический вектор, делать то, что «любимец всей партии» Н.И. Бухарин назвал «умением круто поворачивать руль» [3, с. 37]. Речь идет о введении так называемой новой экономической политики, казалось бы, не вписывавшейся в доктринальные конструкции марксизма-ленинизма. Политолог А.Г. Авторханов следующим образом оценил этот концептуальный поворот: «Выражение "новая экономическая политика", или "нэп", вообще не присутствует ни в докладах Ленина, ни в решениях съезда. Говорили и приняли решение... о переходе от продовольственной разверстки... к продовольственному налогу... Это, первоначально частное, налоговое мероприятие X съезда было после съезда расширено до рамок нэпа – до поворота во всей экономической политике как в деревне, так и в городе. Случилось это опять-таки не добровольно, и не по экономическим соображениям, а вынужденно и по политическим соображениям, чтобы спастись под ударами новой рабоче-крестьянской революции, в данном случае даже против большевиков ("За Советы, но без коммунистов" – таков был лозунг новой революции)» [1, с. 194].

С этого времени среди большевистских теоретиков, а, тем более, в эмигрантских кругах и заграничной буржуазной прессе активно начал

муссироваться вопрос о «термидоре» русской революции. Французская исследовательница Т.С. Кондратьева выделила несколько этапов разгоревшейся дискуссии (1921-1924, 1925, 1926-1927). Она подчеркивала, что большевики, как якобинцы русской революции, были *«вынуждены как-то реагировать на шквал этих сравнений, которые они считают для себя оскорбительными... Сам Ленин в беседе с французским коммунистом Жоржем Садулем объяснял озаменованное нэпом отступление термином "самотермидоризация". Несмотря на это, большевики были не согласны, что нэп означает русский Термидор»* [5, с. 55-156].

Отвергая упреки многочисленных критиков в термидорианстве, Н.И. Бухарин заявлял, что один из самых заметных среди них, – *«сменовеховец»* Н.В. Устрялов, автор книги *«Под знаком революции»*, – *«не видит основного: передвижки классов. Он не понимает (или не хочет понимать), что термидор был совсем не "органическим", а весьма катастрофическим (хотя и "подготовленным" всем предшествующим развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции ... Ничего подобного нет в нашей революции. Наоборот, здесь налицо строгое соответствие между объективно-историческим "смыслом" революции и основной классовой ее пружиной: пролетарская революция – пролетариат – пролетарская диктатура»* [4, с. 27].

Подытоживая приведенные аргументы, Н.И. Бухарин иронизировал, что *«после победы Красной армии и меньшевики, и эсеры, и кадеты, и монархисты – все вдруг прониклись исторической премудростью, и вооруженные не то чтобы уж очень тяжелым багажом исторических аналогий, с важностью настоящих "социологов" стали заниматься глубокомысленными прорицаниями на предмет "термидора" для ободрения пасомых белых стад, уже жалобно мычавших на тощих лугах российской эмиграции»* [4, с. 23-24].

Тем не менее, вплоть до начала 1930-х годов, тема *«термидора»* превратилась едва ли не в одну из ведущих в партийной полемике. *«Против*

аналогии "нэп – Термидор" разворачивается гигантская кампания, масштабы которой явно не соответствуют силе оппозиционного натиска, – писала Т.С. Кондратьева, – внутри страны призрак Термидора порождает атмосферу неуверенности и страха. Упоминания о "преступной аналогии" все чаще мелькают в речах прежде всего Бухарина и Рыкова» [5, с. 136-156].

С полемическим задором тот же Н.И. Бухарин бросал едкие замечания в адрес оппонентов: *«Значит, наша власть есть блок наших выродившихся хозяйственников и термидорианцев, по выражению тов. Залуцкого. И тогда люди, которые не связаны с нашей партией, доводят эту мысль до логического конца... Вот, если бы говорили так: у нас госпромышленность социалистическая, но бедная – это было бы правильно; что мы строим социализм, но у нас трудные задачи – это было бы правильно... Но если говорят, что ЦК термидорианский, а термидорианцы были контрреволюционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контрреволюционный переворот, то это вздор... я думаю, что некоторые товарищи чрезмерно начитались белогвардейских газет и очень испугались того, что они пишут, страшно испугались того, что наши противники говорят про нас, так испугались, что сами стали верить тому, что там пишут» [2, с. 263].*

В конце концов, на излете 1920-х гг. в СССР начинается кампания по свертыванию нэпа и переходу к «большому скачку» к социализму: *«С окончанием нэпа и развертыванием с 1928 года антинэповской политики приходит конец уступкам капитализму, которые и питали идею о сходстве с Термидором» [5, с. 198-203].* В стране утверждался режим личной власти, могущий вызвать не очень завидные для И.В. Сталина ассоциации с Наполеоном Бонапартом как душителем французской революции. В такой ситуации сюжеты о Конвенте, якобинском триумvirате, «святой гильотине» и, конечно же, термидоре становятся все менее востребованными политической мыслью и практикой партийного руководства. Великой отныне

была признана Октябрьская революция, что привело к перестановке идеологических акцентов. Избирательная же рецепция большевиками французского революционного опыта, по сути, заложила одну из исторических опор большого террора.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авторханов А.Г. X съезд и осадное положение в партии // Новый мир. 1990. № 3. С. 193-205.
2. Бухарин Н. И. Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП (б) // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. С. 231-276.
3. Бухарин Н.И. Железная когорта революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. С. 34-38.
4. Бухарин Н.И. Цезаризм под маской революции: по поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции». – М.:Изд. газеты «Правда», 1925.45[2] с.
5. Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак термидора. – М.: Ипол, 1993. 240 с.
6. Короленко В.Г. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. – М.: Современник, 1989. 718 с.
7. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 51-199.
8. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 11. С. 1-131.
9. Ленин В.И. Доклад об объединительном съезде РСДРП // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 13. С. 1-66.
10. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 144-152.

11. Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 205–242.
12. Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. С. 333-372.
13. Ленин В.И. Письмо к американским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.37. С. 48-64.
14. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. – М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
15. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. – М.: Гос. изд. юрид. лит-ры, 1959. 276 с.
16. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. – Пб.: Гос. изд., 1920. 179 с.

Куланов Александр Евгеньевич

**ПУТЬ ИЗ РЕВОЛЮЦИИ: А.А. ВАННОВСКИЙ – ПОЛВЕКА В
ЯПОНИИ**

научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук,

Россия, Москва

e-mail: aekulanov@gmail.com

Аннотация. В статье с помощью как известных, так и ранее неизвестных, источников восстанавливается биография одного из 9 основателей РСДРП – А.А. Ванновского, после Гражданской войны коренным образом изменившего свое мировоззрение и ставшего профессором токийского университета Васэда. Особый интерес представляет в связи этим трансформация взглядов Ванновского на русскую революцию и характер и роль в ней В.И. Ленина.

Ключевые слова: Япония; РСДРП; Ванновский; Вановский; российская эмиграция в Японии; Ленин.

**THE PATH FROM THE REVOLUTION:
A.A. VANNOVSKY – HALF A CENTURY IN JAPAN**

Alexander E. Kulanov

Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,

Russia, Moscow

E-mail: aekulanov@gmail.com

Abstract. In this article, with the help of known and previously unknown sources, is restored the biography of one of the 9 founders of RSDLP – Aleksandr Vannovsky. After Civil War Vannovsky became a professor at Waseda University in Tokyo and dramatically changed his worldview, views on the Russian revolution and the role of Vladimir Lenin in it are of particular interest.

Keywords: Japan; RSDRP; RSDLP; Vannovski; Wanofisiki; Vanonsky; Russian emigrations in Japan; Lenin.

Александр Алексеевич Ванновский (на равных правах существует вариант написания – Вановский) родился в 1874 г. в Тульской губернии в богатой семье. Окончил кадетский корпус, после чего вследствие отчисления из университета старшим братом Виктором, увлекся социалистическими идеями, хотя сам отмечал, что его скорее привлекали харизматические личности революционеров. Военное образование завершил в Киеве, был произведен в подпоручики, после чего ушел в отставку и поступил в Московское техническое училище. Там он был привлечен к подпольной работе и вскоре стал одним из лидеров созданного в Москве в 1897 г. «*Союза борьбы за освобождение рабочего класса*». От этой организации, вместе с С.И. Радченко, П.Л. Тучапским, К.А. Петрусевичем, в марте 1898 г. Ванновский был делегирован в Минск для участия в I съезде РСДРП. Кроме них, в съезде участвовали Ш.Ш. Кац, А.И. Кремер, А.Я. Мутник (Всеобщий еврейский рабочий союз Бунд), а также Б.Л. Эйдельман и Н.А. Вигдорчик – от киевской «*Рабочей газеты*».

Вскоре после этого Ванновский был арестован и отправлен в ссылку [2, сс. 52-53]. Освободившись в 1903 г., он немедленно вернулся к подпольной работе, и снова был арестован. Выйти на свободу он сумел только в 1905 г., и в Киеве присоединился к начинавшемуся вооруженному восстанию. Он лично возглавил колонну распропагандированных социалистами солдат, вышедших на улицы Киева вместе с рабочими. Верные правительству войска открыли огонь, восстание захлебнулось, а Ванновский впервые задумался о бесперспективности вооруженной борьбы против власти [2, с. 172-177]. Спасаясь от ареста, он бежал в Москву, где попытался сагитировать на восстание солдат, находившихся в Покровских казармах, и взять вместе с ними Кремль. После провала этой попытки Ванновскому пришлось уйти в

подполье. Скрываясь на конспиративных квартирах, он подготовил и издал методички *«Тактика уличного боя»*, *«Тактика милиции»*, *«Сборник статей по огнестрельному оружию»* и *«Технология взрывчатых веществ»*. Тогда же он познакомился с В. И. Лениным [2, с. 180-181].

Период 1906-1907 гг. стал временем наиболее интенсивного их общения. Они встречались в Москве, в Петербурге, позже – в Финляндии. Ванновский вошел в узкий круг приближенных Ильича, но очень скоро между ними наметились разногласия. *«Я-то пережил киевское восстание, – вспоминал Александр Алексеевич, – на моих глазах – сотни убитых. ...надо действовать так, чтобы поменьше жертв, а Ленин как-то об этом не думал. „Да, – говорил он, – ничего не поделаешь. Без жертв ничего не будет“ ... Он сам не участвовал, он рассуждал как теоретик, сам ни одного восстания не устраивал, не видел, не пережил, поэтому он относился к этому прощ»* [2, с. 183].

Главным вопросом для Ванновского стало не преобразование общества после революции, а то, как она повлияет на Человека. В это время он начал работу над своей первой книгой, не имеющей отношения к тактике вооруженной борьбы – *«Сын человеческий. Выявление скрытого иудейского сюжета трагедии Шекспира „Гамлет“»*. Ванновский резюмировал свои искания неожиданным выводом: *«Я дополнил Маркса Шекспиром»* [2, с. 215]. Экс-боевик начал *«склоняться к мысли, что истинный социализм требует духовного обновления человечества, в силу чего классовая борьба должна быть соединена с борьбой за личность, способную творить новую, более совершенную культуру»*, и решил, что на этом пора закончить свое участие в революции.

С началом мировой войны Ванновский добровольно отправился на фронт, где заслужил орден Св. Анны с мечами и бантом, но в 1916 г. оказался в Хабаровске, в должности начальника местной военной радиостанции. Застигшая его там Февральская революция на время вернула Ванновского в

политику, но еще больше отдалила от позиции большевиков. В августе 1917 г. Ванновский отправился в Петроград как делегат от Приамурского военного округа. Там он в последний раз встретился с Лениным и принялся убеждать того в пагубности идеи мира с Германией. Ильич выгнал из своего кабинета старого друга со словами: *«До свиданья! До свиданья! Когда одумаетесь, приходите!»* [1].

Вернувшись в Хабаровск, Ванновский показал себя полностью неспособным к военной службе *«по причине нервного расстройства»*, и был отправлен на лечение сначала в Приморье, а затем в Японию [2, с. 225]. Там он и провел следующие 48 лет своей жизни.

В Иокогаме Ванновскому удалось быстро найти контакты среди японской профессуры, и он принял приглашение занять место преподавателя русского языка и литературы в престижном токийском университете Васэда. Первоначально темы его научных изысканий были непосредственно связаны с русской литературой. В частности, Ванновский написал большую статью *«Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина. Загадки мести за душу»*, где попытался разобраться в общности обозначенных гениями религиозно-нравственных проблем [3, р. 11]. Однако со временем Ванновский неизбежно стал все дальше удаляться от берегов европейской философской мысли, испытывая все больший интерес к японской истории. Особое впечатление на него произвели вулканы, тем более, что в первое десятилетие своей жизни на островах ему довелось стать свидетелем нескольких извержений. Ванновский выпустил поэтическое эссе о священной горе Фудзи – *«Огненный богатырь»*, в лучших традициях японской пропаганды того времени сравнивая этот вулкан со стражем счастья и покоя японского народа [3, pp. 11-13].

В научной работе Ванновский обратился за помощью в исследованиях к другому эмигранту – бывшему поручику Михаилу Петровичу Григорьеву, блестящему переводчику, гражданину Японии и, судя по косвенным данным, сотруднику японской военной разведки. Григорьев тогда как раз работал над

переводом «Кодзики» – священным текстом VIII века о происхождении Японии, и Ванновский использовал его труды для своей статьи «Мифология „Кодзики“ и Библия», опубликованной в 1934 г. в Париже и получившей благожелательные отзывы Рериха и Бердяева [2, с. 230]. К 1941 г. он завершил работу «Вулканы и Солнце», в которой предлагал новое толкование «Кодзики» с точки зрения вулканической природы Японии. Уже после войны книга вызвала бурный восторг японских ученых, изучающих мифологию своей страны [2, с. 230]. При этом основная тема исследований Ванновского не изменилась: Шекспир и христианство. Этому посвящены его работы «Путь Иисуса от иудаизма к христианству в толковании Шекспира», «Третий завет или Апокалипсис», уже упоминавшийся «Сын человеческий...» и др. [3, 13].

В 1926 г. Ванновский обратился в советское полпредство с просьбой о предоставлении ему гражданства. Второй секретарь посольства Л.Сверчевский побеседовал с ним и составил многостраничный отчет, в котором самым подробным образом воспроизвел жизненный путь кандидата на гражданство, начиная с 1905 г. и заканчивая их встречей в полпредстве: полная «идеологическая эволюция» Ванновского «от участия в вооруженного восстания в 1905 г. – к изучению Шекспира, от изучения Шекспира – к участию в империалистической войне во имя защиты культуры царской России». Сверчевский даже дискутировал сам с собой в аналитической записке по этому делу: «Представляет ли в настоящее время ту или иную опасность для СССР возвращение Ванновского? На этот вопрос надо ответить утвердительно, и вот почему. Мистические поправки к учению Маркса и Ленина, несомненно, могут прийтись по вкусу и найти себе аудиторию... Особенно это явление возможно в период тех или иных затруднений, перед которыми может оказаться в тот или иной момент наша партия и советская власть...» [2, сс. 242-244].

Летом 1927 г. Ванновский получил советский паспорт и собрался вернуться на Родину, но сначала в Токио приехала его дочь Оксана. Пережившая Гражданскую войну, взятие большевиками Крыма, работавшая там в статусе «трофейного врача», дважды арестованная и чудом избежавшая расстрела, она рассказала отцу о том, что происходило и происходит на Родине на самом деле. Возвращаться Ванновский передумал.

Весной 1967 г., в преддверии 50-й годовщины Октябрьской революции, корреспондент Гостелерадио СССР В.Я. Цветов записал на аудиопленку большое интервью с Ванновским, который к тому времени оставался единственным живым участником I съезда РСДРП. Из-за своеобразия жизненной позиции интервьюируемого полностью этот материал никогда не был опубликован и существует только в формате аудиозаписи и ее текстовой расшифровки в архиве автора настоящей статьи.

Интервью открылось длинным монологом Ванновского: *«Я дружил с Лениным. Очень его высоко ценил. В 1905 году я пришел к заключению, что нужно иметь нового человека в виду при создании социалистического общества. И вот оказалось, что этот новый человек – Христос. У меня вышло, что атрибут социалистического общества – это человечность. Против этого ничего не мог бы возразить Ленин, потому что Маркс во имя человечности свой Манифест выпустил. Во имя чего он боролся? [Во имя] человечности. В его время был жестокий режим, он во имя человечности восстал. Тут вообще никакой драмы нет – в том, что я пришел к новому человеку. Но драма для меня лично начинается, когда [наступил] Октябрь. Ленин связал создание социалистического общества с массовым террором. Вот это, я считаю, его ошибка...*

Оказалось, что социалистическое общество [находится] в связи с ЧК. Потом эти агенты – служащие ЧК составили особый класс, который очень много навредил партии. Вот тут для меня драма. Я во имя человечности не могу принять массовый террор и, следовательно, вместе с тем коммунизм.

Но в то же время у меня есть желание защитить Ленина! Вот мне и приходится окунуться в философию и историю. Доказать, что в истории действуют темные, демонические силы, которые могут влиять на волю человека. Человек сам не виноват – это их дело. Я оправдываю до известной степени Ленина и, кроме того, учитываю то, что обстоятельство, что Ленин очень много сделал полезного» [1].

В разговоре Цветов предупредил Ванновского, что в случае приезда того в СССР он должен будет вспоминать о Ленине исключительно в положительном ключе. «Если что-то против Ленина – нет», – четко зафиксировал позицию Москвы журналист [1]. Ванновский попытался соответствовать этому требованию: «Во-первых, он сохранил государство от распада. Оно распадалось, Керенский не мог сохранить его. Ленин, хотя и жестокими средствами, государство сохранил – это его большая заслуга. Потом, его мысль была взять власть в руки, а потом постепенно улучшать положение, постепенно отказаться от террора – это до известной степени партия осуществила. С каждым годом положение в стране улучшается. Все лучше и лучше. Так что до известной степени он оказался прав.

[...] Я считаю, что внутренняя политика партии ведет страну к подъему, к возрождению. А внешняя политика, попытки сговориться с Китаем, из чего ничего не выйдет, это опасная политика. Советскому Союзу один на один бороться с Китаем трудно. Так же как Гитлера один на один Сталин не мог бы одолеть. А с помощью Америки и Англии одолел. Объективные обстоятельства внешней политики сейчас таковы, что требуют от Советского Союза не вражды к Америке, а наоборот, дружбы, чтобы соединенными усилиями не дать развиваться китайской агрессии. [...] Но партия – не лежачий камень, а живой организм и подлежит эволюции. [...] В Пекине сидят умные люди. Они понимают, что соединяться им с Советским Союзом против Америки нет расчета, так как это приведет к ослаблению Китая. Гораздо выгоднее, если Америка столкнется с Советским

Союзом. Тогда обе стороны ослабнут, и они голыми руками возьмут Россию. Поэтому Советскому Союзу нет смысла враждовать с Америкой». [1].

После услышанного Цветов внезапно спросил: *«Александр Алексеевич, а вот знаете, я слышал от кого-то, что вы поддерживаете связь с кем-то из американского посольства – работником американской разведки. Это правильно?»*. Несколько замешкавшись, Ванновский ответил: *«Я знаком с русскими американцами, а что они там делают – черт их знает. Я не знаю. Один мой ученик был, а так никаких особенных связей у меня нет. Насчет разведки я совершенно не интересуюсь этим вопросом. Я по-японски не говорю. Никакой от меня пользы не может быть...»*. [1].

Цветов завершил разговор, возможно, неожиданным для самого себя выпадом: *«Если вы до конца честный и твердый человек, эмигрировать нечего. Если вы не согласны с коммунистическим строем, оставайтесь, выступайте против, боритесь – пусть даже вас расстреляют!»*.

А. А. Ванновский пережил юбилей революции чуть более, чем на месяц. 16 декабря 1967 г. он скончался и был похоронен у подножия горы Такао неподалеку от Токио. Надпись на памятнике выбили на русском языке. По истечении полувека после захоронения могила одного из 9 основателей РСДРП была признана бесхозной и снесена, но табличка с его именем, написанным уже по-японски, и поныне находится на специальной стене поминовения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аудиозапись неопубликованного интервью корреспондента Гостелерадио в Токио В.Я. Цветова с А.А. Ванновским. Архив автора.
2. Яковенко М.М. *«Куда ушла моя жизнь?..»*. Повествование в письмах, дневниковых записях, воспоминаниях и официальных документах о жизни трудах Александра Алексеевича Ванновского. – М., 2009.

3. Камада Годзи. Кадзан то Нихон но синва бо:мэй росиахито Ванофусуки но Кодзики-рон (Вулканы и японская мифология. Теория «Кодзики» русского эмигранта Ванновского). – Токио. 2016.

Сёпелев Олег Олегович

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В
ОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ
ВЕСНОЙ 1917 ГОДА**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
языкознания российской академии наук, начальник отдела материально-
технического и хозяйственного обеспечения

e-mail: o.o.sepelev@iling-ran.ru

Аннотация. В статье отражено образование и деятельность Временного правительств в реализации закона о хлебной монополии, организации продовольственных комитетов и их деятельность по обеспечению населения продуктами питания.

Ключевые слова: Временное правительство; Министерство Продовольствия; продовольственные комитеты; хлебная монополия; твердые цены; свободная торговля.

**ACTIVITIES OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT
IN FOOD PROVISION OF THE POPULATION IN THE SPRING OF 1917**

Sëpelev Oleg Olegovich

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences,
Head of Logistics and Economic Support Department

e-mail: o.o.sepelev@iling-ran.ru

Annotation. The article reflects the formation and activities of the Provisional Governments in the implementation of the law on the grain monopoly, the organization of food committees and their activities to provide the population with food.

Key words: Provisional government; Ministry of Food; food committees; grain monopoly; fixed prices; free trade.

Временное Правительство с момента образования столкнулось с острой проблемой организации поставок продовольствия в армию и обеспечением гражданского населения. Поэтому среди многих неотложных задач, стоящих перед ним, забота о продовольственном деле заняла главное место, и одним из первых было решение о создании Продовольственной комиссии. В телеграмме, разосланной по всем городским самоуправлениям России от 2 марта, настоятельно рекомендовалось *«не останавливая обычных закупок и получения хлеба по разверстке приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников»*. Губернским земским управам поручалось организовывать комитеты *«на которые можно положиться»* [1, л. 3]. Уже 9 марта Продовольственная комиссия и оставшиеся от царского правительства продовольственные организации реорганизовывались в Общегосударственный продовольственный комитет.

Следующим важным шагом было издание постановления от 25 марта 1917 г. *«О передаче хлеба в распоряжение государства»* то есть вводилась хлебная монополия, согласно которой в пользу государства должны отходить все избытки производителей хлеба по установленным ценам [2, л.48]. Суть этого закона сводилась к тому, что весь полученный в государстве хлеб и в том числе сохранившиеся запасы прошлых лет, за вычетом количества необходимого для удовлетворения нужд производящего хозяйства, является собственностью государства. Отчуждение хлеба от собственников зерна должно было производиться по твердой цене франка, что обязывало владельца доставить отчуждаемый от него зерновой материал от места хранения к месту сбора, то есть станции или пристани. Для этой цели государство собиралось использовать кооперацию и частную торговлю в качестве технического

аппарата при получении и ссыпке хлеба, также брало на себя обязательство распределять хлеб через вновь образуемые продовольственные комитеты.

Органы проведения продовольственных мероприятий на местах губернские, уездные и волостные комитеты, согласно *«Временного положения о местных продовольственных органах»*, определившего их состав, функции и ведомственную подчиненность образовывались из представителей всех существовавших на тот момент общественных организаций. Исполнительным органом комитетов были избираемые им управы. В свою очередь управы – являлись уже государственными учреждениями, на которые возлагалось непосредственное выполнение под общим руководством комитетов, всех заданий государственной власти по продовольственному делу, в которое входило заготовка хлеба и распределение его между нуждающимися.

Временное правительство приступило к реорганизации продовольственного дела на демократических началах. Заготовка продуктов, распределение были переданы губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам. На волостные комитеты возлагалась основная задача производить учет продуктов непосредственно на местах: 1) снабжать население предметами первой необходимости; 2) оказывать содействия по организации сельскохозяйственного производства.

Закон о хлебной монополии отвечал требованиям наиболее радикально настроенных политических групп, но при этом ограничивалось право свободной торговли, отстранялись от заготовки хлеба частные предприниматели, что естественно вызвало протесты представителей торгово-промышленных кругов, которые хотели использовать хлебную монополию в своих интересах. Добиваясь симпатий от производителей хлеба, правительством были повышены твердые цены на все хлеба на 60%.

Для организации планомерной работы необходимо было кроме образования продовольственных комитетов на местах создать заготовительный аппарат. В производящих губерниях продолжали работать

уполномоченные заготавливающие хлеб и фураж для армии, агенты из потребляющих губерний, закупающие хлеб и отправляющих в адрес уполномоченных и вновь образованных Губернских комитетов. В результате сложилась ситуация, когда одновременно заготовлением продовольствия занимались и старые организации и вновь созданные.

Отчеты из губерний в архивном фонде *«Общегосударственного продовольственного комитета»* показывают, что в потребляющих губерниях управы и комитеты образовались сразу и повсеместно, так как голодающее население спешило создать органы, которые должны были обеспечивать их продовольствием и с которых они могли спросить, почему оно отсутствует [3, л.13]. В таких губерниях комитеты выполняли функцию распределения хлеба, который заготавливался в других губерниях, и на его заготовку они не могли, согласно закону оказать какое-либо влияние.

Волостные комитеты сразу столкнулись с давлением местного населения, в потребляющих губерниях от них требовали доставлять продовольствие, а в производящих нежеланием предоставлять хлеб и фураж по твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Поэтому состав волостных комитетов часто менялся, желающих работать в продовольственных органах, было мало, а там где они функционировали, они, как правило, вели соглашательскую политику. Губернские комитеты и управы не испытывали такого давления населения, но столкнулись с другой проблемой. В производящих губерниях, где должна была вестись заготовка зерна, продовольственные комитеты образовывались медленно, а образовавшись, вели бездеятельную политику. В результате заготовка хлеба, выходя за рамки закона о хлебной монополии, ложилась на агентские конторы и агентов, направляемых в производящие губернии. Собственники зерна отрицательно восприняли данный закон, считая его несправедливым, *«вольные цены»* были значительно ниже рыночных, а отсутствие предметов первой необходимости – мануфактуры, кожи, железа и т.д., высокая цена на

них, показывала несоответствие цен на хлеб, которые не соотносились с ценами на продукты фабрично-заводской промышленности [4, с. 190].

Издавая закон о хлебной монополии, Временное правительство планировало провести ряд мероприятий по регулированию распределения всех остальных предметов первой необходимости крестьянского обихода, чтобы заинтересовать производителя, обеспечив деревню промышленными товарами по приемлемым ценам. Правительство добилось, чтобы из «мануфактуры», вырабатываемой для гражданского обихода 40%, поступало в распоряжение Министерство Продовольствия, для распределения по нормировочным нормам, а 60% поступало в торговлю по «вольной цене». На товар устанавливались две цены, как и на хлеб при введении твердых цен, в результате земледельческое население страны должно было почти все производство своего труда отдавать государству по установленным ценам, которое собственника зерна не устраивало. К производителям промышленных товаров первой необходимости, которой не хватало в деревне такие меры, не применялись. В итоге закон о хлебной монополии не изменил положения вещей складывающихся при заготовке продуктов питания, он только узаконил хлебную повинность, которая существовала до его издания, и даже увеличил, распространив на весь хлеб, производимый в хозяйстве.

Для производящего зерно крестьянина закон о хлебной монополии был несправедливой хлебной повинностью. Контролировать исполнение закона должны были продовольственные комитеты, выбранные самим населением, отсюда возникает противоречие, как в производящих губерниях такие организации могли исполнять такой закон. Продовольственные управы тормозили проведение закона о хлебной монополии, на что законом предусматривалось исполнение повинности путем принуждения (ст.13 п. 7, 2-е приложение к Отделу I-му закона о хлебной монополии). В первые месяцы революции, когда народ, добившись свободы, понимал эту свободу, как

освобождение всех обязательств перед государством и принудительное отбирание хлеба было просто невозможно.

В стране сложилась сложная обстановка, с одной стороны – отмена хлебной монополии, которая явилась логическим завершением всех мероприятий по продовольствию в стране, была невозможна, так как свободная торговля вызвала бы спекуляцию и отказ от регулирования производства и распределения. С другой – хлебная монополия отвергалась земледельческим населением и ухудшала и без того сложное положение с обеспечением армии и гражданского населения продуктами питания.

Перед продовольственными организациями встала трудная задача: сохранить хлебную монополию и дать хлеб голодающему населению, что практически без потрясений исполнить было невозможно. Опыт деятельности Временного правительства показывает, что кризис продовольственного обеспечения населения может вызвать революционные настроения в обществе и привести к смене политического режима.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 3087. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
2. ГА РФ. Ф.1788. Оп. 2. Д. 176. Л. 48.
3. ГА РФ. Ф.3087. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.
4. Артемов С.Н. Земельный вопрос на крестьянско-казачьих съездах юга России// Новый исторический вестник. РГГУ. 2007. С.190.

Плеханов Андрей Александрович

**ОРГАНЫ ЗАЩИТЫ РЕВОЛЮЦИИ И
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ: БОРЬБА НА
ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ (1917–1922 гг.)**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия.

e-mail: yanus60@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются формы и методы борьбы большевистской партии, органов ВРК, ВЧК–ОГПУ с контрреволюционной печатью в первые годы Советской власти. Теоретическая основа исследования – принцип системности и сравнительно-исторический метод. Автор делает вывод о том, что органы жестко проводили линию партии на утверждение коммунистической идеологии в обществе. Это впоследствии явилось одним из главных направлений дальнейшей деятельности советских спецслужб.

Ключевые слова: Военно-революционный комитет; Всероссийская Чрезвычайная комиссия; средства массовой информации; периодическая печать; идеология; издательство.

**THE ORGANS OF PROTECTION OF THE REVOLUTION AND THE
COUNTER-REVOLUTIONARY PRESS: THE STRUGGLE ON THE
IDEOLOGICAL FRONT
(1917-1922)**

Plekhanov Andrey Alexandrovich

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Research Center (Fundamental Military-Historical Problems) Military University named after

Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia.

e-mail: yanus60@mail.ru

Annotation. The article examines the forms and methods of struggle of the Bolshevik Party, the organs of the Central Committee, the Cheka–OGPU with the counterrevolutionary press in the early years of Soviet power. The theoretical basis of the research is the principle of consistency and the comparative historical method. The author concludes that the authorities rigidly pursued the party line on the approval of communist ideology in society. This subsequently became one of the main areas of further activity of the Soviet special services.

Keywords: Military Revolutionary Committee; All-Russian Emergency Commission; mass media; periodical press; ideology; publishing house.

В первые годы Советской власти в условиях, когда шел процесс формирования целостной системы партийно-государственного руководства всеми сферами жизни страны, народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, выступая на X съезде РКП(б) в 1921 г., подчеркнул, что в социалистическом государстве все просвещение *«может быть только коммунистическим и никаким другим; все науки, все искусства должны быть пропитаны коммунистическим духом»* [5, с. 153]. Это была не только его личная точка зрения, а и официальная политика большевиков после прихода к власти. Проводя такую политику, они преследовали цель укрепить влияние коммунистической идеологии в стране, в том числе во всех сферах культуры и искусства, в науке, а также не допустить инакомыслия.

С первых дней утверждения Советской власти в сфере идеологии началась борьба и прежде всего против контрреволюционной печати. В то время журналы, ежедневные газеты, листовки, бюллетени являлись основными источниками и средствами массовой информации для широких слоев населения России и прежде всего ее столиц – Петрограда и Москвы, где происходили основные политические процессы и события. Газеты и журналы правых партий были переполнены дезинформацией, лживыми сообщениями,

оскорбительными выпадами, чудовищными выдумками. Буржуазные издательства наводняли города плакатами и листовками, призывавшими население бойкотировать обращения и предписания советской власти. Нередки были прямые призывы к свержению нового правительства.

Петроградский Военно-революционный комитет начал проводить активную борьбу с контрреволюционной печатью с первых дней установления диктатуры пролетариата. 7 ноября 1917 г.¹ была реквизирована типография ежедневной политической, общественной и литературной газеты «Русская воля». 8 ноября ВРК принял резолюцию о печати, в которой предписывалось временно закрыть все буржуазные газеты. При этом было дано распоряжение Центральной комендатуре Красной гвардии о выделении в распоряжение комиссара печати 125 красногвардейцев для наложения ареста в ночь на 9 ноября на все газеты, закрытые за размещение в них контрреволюционных воззваний бывшего Временного правительства и генерала Духонина. Комиссары ВРК получили предписания об изъятии из продажи буржуазных газет: «Речь», «Новое время», «Вечернее время», «Русская воля», «Биржевые новости», «Народная правда» [9, с. 26].

Большевики были поставлены перед необходимостью введения ряда мер против контрреволюционной печати, и 9 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принимает Декрет о печати, в котором говорилось о значении печати: *«Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага... оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы»* [4, с. 24]. На будущее декрет устанавливал правила, определяющие условия закрытия газет и определял правовую основу действиям ВРК в отношении печати. *«Закрытие, –*

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

говорилось в декрете, – *подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера*» [4, с. 25]. В качестве меры наказания ВЦИК установил штраф от 25 до 50 тысяч рублей и предание редакторов газет суду ревтрибунала. Исполнение этого постановления в дальнейшем было поручено ВЧК.

На заседании ВЦИК 17 ноября 1917 г. развернулась острая полемика между сторонниками и противниками декрета. В.И. Ленин разъяснил классовую сущность взглядов большевиков на свободу печати и обосновал необходимость энергичных мер борьбы с контрреволюционной печатью. Он сказал: *«Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом»* [7, с. 54].

Борьбу с органами буржуазной печати после роспуска ВРК 18 декабря 1917 г., продолжила Всероссийская чрезвычайная комиссия, образованная 20 декабря как новый специальный орган, наделенный чрезвычайными полномочиями для борьбы с контрреволюцией. Среди первоочередных задач и полномочий ВЧК содержался пункт о печати: *«...комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж и т.д...»* [8, с. 24].

Одним из первых действий ВЧК в этом направлении в начале января 1918 г. стало постановление Ф.Э. Дзержинского по следственному делу о взятии под стражу петроградских журналистов Аргунова, Яроцкого и Дмитриевского, обвинявшихся в саботаже [3, л. 2], в соответствии с постановлением СНК от 18 декабря 1917 г. о борьбе с лицами, использующими печать в антисоветских целях.

По постановлению Ф.Э. Дзержинского 2 января 1918 г. в Петрограде ВЧК был арестован весь состав редакции правоэсеровской газеты *«Воля*

народа», а также сотрудники газеты П. Сорокин, А. Гуковский и другие члены редколлегии, писатели и публицисты, находившиеся в это время в здании газеты. Изъяты материалы, содержавшие клевету на советскую власть [10, с.168].

За четыре месяца, с момента победы Октября и до конца февраля 1918 г., было отдано под суд революционных трибуналов 19 газет, наложено штрафов на газеты на сумму 142 тысячи рублей, арестовано 18 редакторов и сотрудников газет (они наказывались штрафом и краткосрочным арестом) [2, с. 93].

В начале 1918 г. создается ряд специальных органов, призванных вести работу со средствами массовой информации. Так в январе в Петрограде начал свою деятельность революционный трибунал по делам печати под председательством левого эсера А.А. Шрейдера (упразднен 4 мая 1918 г.), 18 марта в ВЧК создается Информационное бюро ВЧК во главе с Я.Х. Петерсом. Однако уже 8 мая 1918 г. Ф. Э. Держинский внес предложение в Московский Совет – *«передать все дело борьбы со злоупотреблениями в печати в ведение Всероссийской чрезвычайной комиссии, как органу, наиболее осведомленному и технически приспособленному к проведению в жизнь необходимых мероприятий с должной полнотой и быстротой»* [6, с. 113-114]. С этого времени вся деятельность периодической печати, издательств (и не только контрреволюционных) перешла в ведение органов ВЧК.

В мае 1918 г. ВЧК завела дело о клевете эсеровских и меньшевистских газет, которые сообщили о том, что якобы германские власти предъявили СНК ультиматум о разоружении латышских частей и вводе в Россию немецких оккупационных отрядов. Несмотря на опровержение слухов Я.М. Свердловым, эсеро-меньшевистская печать продолжала их широкое распространение. Поэтому 10 мая 1918 г. Ф.Э. Держинский и Я.Х. Петерс направили в редакции газет следующее сообщение: *«В связи с появившейся в номере 23 Вашей газеты статьи «Новые требования германского*

правительства» и целым рядом статей, помещенных в предыдущих номерах Вашей газеты, содержащих в себе ложные сведения с целью создать в широких массах панику, Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией считает своим долгом закрыть Вашу газету и дело о ней передать в революционный Трибунал» [12, л. 2].

По данным Д.Л. Голикова – автора двухтомного издания «Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917–1929 гг.» к концу 1918 г. в Москве были закрыты все буржуазные и другие антисоветские газеты. Такая же участь постигла и контрреволюционную прессу Петрограда и провинции. Всего в 1917-1918 гг. было закрыто 170 буржуазных и 167 мелкобуржуазных газет [2, с. 93].

В декабре 1918 г. возник новый конфликт, в связи с тем, что поступили ложные утверждения о незаконных репрессиях, якобы осуществляемых ВЧК. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП(б) заслушало выступление Дзержинского. В ходе обсуждения выяснилось, что в печати за последнее время появились статьи о деятельности ВЧК, которые не носили делового характера. Бюро ЦК РКП(б) решило, что «на страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях» [1, с. 107].

Разрешение советской властью частных издательств и периодической печати (только в Москве к февралю 1922 г. зарегистрировано 143 издательства) дало в руки антисоветской интеллигенции могучее орудие борьбы, которым она не преминула воспользоваться. Вокруг некоторых из них организовались политические группы наиболее непримиримых противников новой власти. Например, в издательстве «Задруга» группировались члены партии народных социалистов (С.П. Мельгунов, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов и др.) и некоторые члены ЦК партии кадетов (А.А. Кизеветтер); вокруг издательства «Берег» – преимущественно члены кадетского ЦК,

бывшие члены «*Тактического центра*» и «*Национального центра*». В журналах «*Экономист*», «*Возрождение*» и «*Право и жизнь*» работала старая профессура – П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, Н. Кондратьев и др., защищавшие буржуазное право и законность [11, с. 65].

Особое внимание чекистов председатель ВЧК–ОГПУ обращал на усиление наблюдения за деятельностью этих частных издательств, исходя из указаний В.И. Ленина, который предлагал не останавливаться и перед применением административных мер в борьбе против проводников буржуазной идеологии в тех случаях, когда их деятельность носила антисоветский характер. Для контроля за государственными и частными издательствами и другими направлениями интеллектуальной и духовной жизни страны создавались цензурно-контрольные органы – первоначально политотдел Госиздата РСФСР (20 мая 1919 г.), позднее Главлит (6 июня 1922 г.), Комитет по контролю за репертуаром – Главрепертком (9 февраля 1923 г.). Эти организации работали в тесном контакте со спецслужбами, а вернее, под двойным руководством ЦК РКП(б) и ВЧК–ОГПУ.

Борьба с буржуазной печатью обеспечивалась органами ВЧК–ОГПУ в основном силовыми методами и явилась одним из первых, но далеко не последним направлением деятельности спецслужб в области идеологии, борьбы с противниками советской власти, социалистического строя и образа жизни, а в целом – с инакомыслием. К началу 1920-х гг. фактически все оппозиционные издательства были либо закрыты, либо оказались под жестким контролем органов власти и партийного аппарата ВКП(б). Органы ВЧК–ОГПУ выполняли их решения по борьбе с антикоммунистической, буржуазной идеологией, используя легальные и нелегальные методы работы. Наблюдение за политическими процессами, происходившими среди творческой и технической интеллигенции, в среде вузовской интеллигенции и студенчества, надзор за общественными организациями, за работой съездов и конференций – вот далеко не полный перечень тех задач, которые решали

органы государственной безопасности в тот период. Борьба с инакомыслием, с антисоветскими проявлениями в сфере идеологии впоследствии явилось одним из главных направлений дальнейшей деятельности советских спецслужб.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – М.: Политиздат, 1975. 679 с.
2. Голишков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917–1929. Кн. 1. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1986. 333 с.
3. См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 38.
4. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. 640 с.
5. Десятый съезд РКП(б). Март. 1921 г. / Под ред. Н. Н. Попова. – М.: Парт. изд-во, 1933. 954 с. (Протоколы съездов и конференций ВКП(б)/ Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)).
6. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: – Сб. документов. М., 1958. 510 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35.
8. Леонов С.В. Создание и реорганизация ВЧК. // Исторические чтения на Лубянке: 1997 – 2008. – М.: Кучково поле, 2008. С. 22–35.
9. Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.). – М.: Юрид. лит., 1987, 208 с.
10. Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса» / Илья Ратьковский. – М.: Алгоритм, 2017. 464 с.
11. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. – М., 1977. 352 с.
12. Центральный архив ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д.17. Л. 2.

РАЗДЕЛ IV. УСПЕХИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ, ТРУДОВОЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

УДК 9(И) 470

Соколов Александр Станиславович

КРИЗИС «СМЫЧКИ» ГОРОДА И ДЕРЕВНИ НАКАНУНЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

доктор исторических наук, профессор кафедры Истории, философии и права
Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В.Ф. Уткина, Россия, Рязань
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована экономическая ситуация в Рязанской губернии в условиях свертывания нэпа. Рассматриваются причины кризиса 1928 г. Особое внимание уделено антагонизму между городом и деревней.

Ключевые слова: крестьянство, кризис, нэп, Рязанская губерния, союз города и деревни, налоги.

THE CRISIS OF THE "BOND" OF THE CITY AND VILLAGE ON THE EVE OF THE "GREAT TURNING POINT" (BASED ON THE MATERIALS OF THE RYAZAN PROVINCE)

Aleksandr S. Sokolov

Dr. Sci. in History, Professor of history
Ryazan State Radio Engineering University. Russia, Ryazan.
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the economic situation in the Ryazan province in the conditions of the collapse of the NEP. The causes of the crisis of 1928 are considered. Special attention is paid to the antagonism between the city and the countryside.

Key words: peasantry, crisis, nep, Ryazan province, union of town and village, taxes.

Провозгласив в марте 1921 г. переход к новой экономической политике большевики выдвинули лозунг союза («*смычки*») между рабочим классом и крестьянством, городом и деревней. Под этим углом зрения рассматривалась и сущность проводимых в 1920-е гг. экономических мероприятий. Был выдвинут лозунг: «*Лицом к деревне!*», которая стала объектом пристального внимания со стороны партии и государства. Сознательно проводимая в первые годы нэпа политика поддержки деревни дала свои плоды, хотя и не избавила ее от многих трудностей и проблем.

Крестьяне полагали, что «*диктатура пролетариата*» необходима большевикам для того, чтобы господствовать над деревней и проводить в жизнь свои лозунги, не особенно заботясь о крестьянских интересах. Проблематика социальной справедливости входила в ткань взаимоотношений между городом и деревней, рабочим и крестьянином в виде подозрительности и взаимных упреков в преимуществах и незаслуженных выгодах. Рабочие были склонны видеть в крестьянстве кулаков-спекулянтов, жиреющих на продовольственных трудностях городов. Крестьяне, в свою очередь, считали их фаворитами новой власти [5, с. 97].

Со второй половины 1920-х гг., накануне «*великого перелома*», хозяйственная жизнь страны стала стремительно ухудшаться как в городе, так и в деревне. Естественным результатом стало обострение отношений между городскими слоями населения и крестьянством [1, с. 131]. Начиная с 1926 г., наметились признаки изменения «*генеральной линии*», что проистекало из настроений партийно-государственного руководства. На словах еще

сохранялась верность нэповским принципам, но на деле проводилась политика, ведущая к их свертыванию. 1928 г. явился годом кризиса умеренной политики, пролог поворота «генеральной линии» к чрезвычайным мерам, сталинскому «великому перелому». Об отходе от прежнего нэповского курса свидетельствовали многие признаки. Все менее продуманной и сбалансированной была экономическая политика. Усилилось наступление на частное предпринимательство, оно вытеснялось путем усиленного налогообложения. Частникам были закрыты банковские кредиты. Ужесточался политический режим. Хлебозаготовительный кризис зимы 1927/28 гг. поставил вопрос о судьбе нэпа. Широкое и все более систематическое использование внеэкономических, административно-принудительных мер в хлебозаготовках, означал слом нэпа в наиболее важной системе экономических отношений – отношений между городом и деревней. В январе 1928 г. выяснилось, что несмотря на хороший урожай, крестьяне поставили только 300 млн пудов зерна. Экспортировать было нечего, страна оказалась без валюты, необходимой для индустриализации. Продовольственное снабжение городов было поставлено под угрозу. Для выхода из создавшегося положения Сталин и его сторонники в Политбюро решили прибегнуть к срочным мерам. В деревню были направлены оперуполномоченные и рабочие отряды. Им было поручено провести чистку в ненадежных сельсоветах и партийных ячейках, создать на месте «тройки», которым надлежало найти спрятанные излишки хлеба. Стали закрывать рынки, что ударило по крестьянству. Изъятие излишков и репрессии усилили кризис. Свертыванию нэпа были подчинены все государственные законодательные акты. В 1928 г. было введено индивидуальное обложение сельскохозяйственными налогами, позволявшее взимать их с зажиточных крестьян в размерах, в несколько раз превышающих установленные законом о сельхозналоге. Усилился нажим на крестьян с целью развития колхозного движения.

Политика чрезвычайных мер в аграрной сфере затронула и рязанскую деревню, жизнь в которой оставалась крайне тяжелой. Экономика Рязанской губернии носила ярко выраженный аграрный характер. В 1928/29 гг. $\frac{3}{4}$ валовой продукции губернии давало сельское хозяйство [6, с. 220]. Среди промышленных предприятий значительный удельный вес составляли предприятия, связанные с переработкой местного сырья. Высоким темпами продолжало развиваться отходничество: в 1927 и 1928 гг. более чем 200 тыс. человек занималось отхожими промыслами. Механизация обработки началась, но внедрялась очень медленно. К октябрю 106 тракторов работало на рязанских полях. Для сравнения весной 1928 г. в сельском хозяйстве Московской области насчитывалось 289 тракторов [8, с. XXIX]. Несмотря на начало коллективизации, удельный вес коллективного сектора в губернии был невелик. На 1 октября 1928 г. в колхозы было вовлечено только 0,69% крестьянских хозяйств, обобщественное пользование составило 0,71% [3, с. 204]. Продолжался нажим на деревню посредством высоких налоговых ставок, что наносило удар по доходам крестьян, снижало заинтересованность в развитии хозяйства. Так, крестьянин Касимовского уезда Рязанской губернии говорил: *«Сельхозналог накладывается неправильно, так как если имеешь какой-либо подсобный заработок или стараешься улучшить свое хозяйство, то за это сильно облагают налогом, а от этого нет никакого желания поднимать свое хозяйство»* [4, с. 39]. Налоги поступали несвоевременно. В Рязанской губернии на 1 декабря 1928 г. было не уплачено 2.220 тыс. рублей сельхозналога [7, с. 85]. Большая часть бедняков и середняков Рязанской губернии, не имевшая хлебных излишков, высказывала опасение, что в связи с возобновлением хлебозаготовок зажиточные перестанут продавать им хлеб *«придется голодать, так как местные кооперативные организации не имеют хлебных запасов для удовлетворения спроса и нужд населения»* [10, с. 734]. Увеличивающиеся хлебозаготовки, растущие налоги привели к голоду среди населения. Местные

информационные сводки ГПУ, направленные в Москву сообщали, что осенью 1928 г. население губернии питается суррогатами хлеба [9, с. 517].

Хозяйственные трудности усиливали антагонизм между городом и деревней. Рязанские крестьяне высказывали недовольство своей жизнью, сравнивая с жизнью рабочих, которые, по их мнению, пользовались всеми благами жизни, а крестьяне ничего не получали за свой труд. Местные информсводки ГПУ отмечали широко распространенное среди крестьян суждение, что *«крестьянство при царском правительстве было в кабале у помещиков, а теперь у рабочих»*. В беседах крестьяне говорили, что *«рабочим жить хорошо, работают 7-8 часов в сутки, пользуясь всеми привилегиями, а мужик работает 24 часа и ничего не получает»* [2, л. 440, 727].

Водораздел между городом и деревней, пролежавший в массовом сознании, был чрезвычайно глубок, и носил, антагонистический характер. Он явился одним из факторов осуществления *«великого перелома»* в конце 1920-х гг. и начала проведения массовой коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1923. – М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.
2. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-4. Оп. 2. Д.115.
3. История Рязанского края. 1778-2007. – Рязань: Изд-во Ряз. обл. тип., 2007. 448 с.
4. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929-1932 гг.). – Рязань, 2006. 264 с.
5. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. – М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
6. Очерки истории Рязанской организации КПСС. – М.: Московский рабочий, 1974. 544 с.

7. Плеханова О.В. Налоговая политика в российской деревне в 1925-1929 годах и ее осуществление в Московской, Рязанской, Тульской губерниях. – Рязань: Издательство «Концепция», 2014. 140 с.
8. Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 1998. 749 с.
9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т.6. 1928 г. – М.: РОССПЭН, 2002. 804 с.
10. Советская деревня глазами ВЧК– ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 т. Т. 2. 1923-1929 гг. – М.: РОССПЭН, 2002. 1168 с.

Медведев Артём Викторович

**КАНАЛ МОСКВА-ВОЛГА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
СТРОИТЕЛЬСТВА (1931-1937 гг.)**

соискатель кафедры Истории и Международных отношений,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

e-mail: madmid077851267@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы строительства канала Москва-Волга, проведение проектно-изыскательных работ, предшествовавших разработке основного Дмитровского варианта строительства. Основное внимание в работе автор акцентирует на фактическом использовании труда заключенных в процессе строительства канала.

Ключевые слова: Канал Москва-Волга; Дмитровский проект строительства канала; Дмитлаг; заключенные; перековка.

**MOSCOW-VOLGA CANAL:
THE MAIN STAGES OF CONSTRUCTION (1931-1937)**

Artem V. Medvedev

applicant at the department of History and International Relations,

Volgograd State University, Volgograd, Russia

e-mail: madmid077851267@gmail.com

Annotation. The article discusses the key stages of the construction of the Moscow-Volga canal, including the design and survey work that preceded the development of the main Dmitrov construction option. The author focuses on the actual use of prisoners' labor during the construction of the canal.

Keywords: Moscow-Volga Canal; Dmitrov canal construction project; Dmitlag; prisoners; reforaging.

С началом индустриализации в СССР население столичного региона неизбежно стало увеличиваться. Необходимо было решить проблему водоснабжения Москвы. Кроме того, помимо действующих дореволюционных заводов строились новые, которым также требовалась вода для промышленных нужд. При этом количество воды, используемой населением и на производстве неуклонно росло. Поэтому уже в начале 1930 г. Москву-реку можно было пройти вброд у стен Кремля под Большим каменным мостом. Решением проблемы обводнения реки должно было стать строительство канала от Волги до Москвы.

Июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 г. по докладу т. Кагановича о социалистической реконструкции городов, в отношении водоснабжения Москвы, принял решение: *«Несмотря на имеющиеся достижения в расширении водопроводной сети, проводимые до настоящего времени мероприятия не разрешают кардинально всей проблемы обеспечения Москвы водой»*. Общее состояние Москва-реки в данный период создавало реальную угрозу ограничения как водоснабжения, так и судоходства. В связи с чем ЦК ВКП(б) были приняты необходимые решения для *«обводнения Москва-реки путем соединения ее с верхним течением р. Волги»* [2, с. 14-18].

Проектно-изыскательная организация, созданная в конце 1931 г., проработала проект самотечного соединения Волги с Москва-рекой по Старицкому направлению через Истринское водохранилище выше г. Калинин (ныне – г. Тверь). Однако условия прохождения будущего канала, который бы выполнял необходимые функции, перечисленные выше, по Старицкому направлению были невозможны.

Позже был разработан проект по Шошенскому направлению, в этом случае река самотеком попадала также в Истринское направление, но после

вела правый разворот в сторону г. Клин, но уже ниже самого города у устья реки Шоши. В отличие от самотечного Старицкого варианта данный вариант канала был проектирован с механической прокачкой воды при помощи насосных станций [4, с. 16].

К 1932 г. было сделано топографическое заключение о том, что наиболее выгодное положение канал может занять по долине реки Яхромы в районе г. Дмитров, в связи с чем проект получил название «*Дмитровский*».

Дмитровский вариант канала предполагал, что его трасса будет брать свое начало по р. Волге, в месте впадения реки в р. Дубну. После преодоления высокой возвышенности в районе г. Дмитрова канал должен был пройти мимо города и в долине р. Химка впадал бы в Москва-реку. Для этого Истринское водохранилище делилось пополам. Первая его часть использовалась исключительно для судоходства, вторая – для подачи пресной воды в Москва-реку с помощью канала, для чего потребовалось строительство дополнительной водопроводной сети.

Сравнительную проработку всех вариантов строительства канала в 1932 г. доложили пленуму Бюро МК ВКП(б). Пленум одобрил Дмитровский вариант направления канала. 1 июня 1932 г. Дмитровский вариант был принят правительством СССР. Конструкция канала представляла собой 108 км искусственного русла, 19 км – вода водохранилищ, при этом в выемках канал проходил на протяженности 32 км, между дамб занимал 8 км, в полувыемке по насыпям 86 км. Наряду с незначительными выемками на канале встречаются участки, где выемка составляет 23,5 м (Глубокая выемка). При этом водоносный слой, обнаруженный под этой выемкой, не позволял быстро проводить работы по углублению ввиду высоких рисков затопления рабочей поверхности, что представляло собой исключительно сложную задачу для строителей. Кроме того, строители для возведения дамб на протяженности канала использовали материалы, имевшиеся на местности (лес, камень, песок),

также использовался торф, что фактически делает эти сооружения уникальными (ранее из торфа не строили дамб) [5, с. 14-15].

Наркомвод СССР изначально взял на себя управление строительством канала, однако уже в сентябре 1931 г. в нем было создано специальное управление. Медленные темпы исполнения задач, стоявших перед руководством, в конечном итоге вынудили передать строительство в руки ОГПУ СССР. Управление Москваволгострой (МВС) теперь располагалось не в Москве, а в Дмитрове. Соответствующий лагерь был создан на основании приказа по ОГПУ № 889 от 14 сентября 1932 г. [3, л. 78].

Начиная с сентября 1932 г. в г. Дмитров начали прибывать первые каналоармейцы, в их число входили и бывшие заключенные Белбалтлага, которые были задействованы при строительстве Беломорканала. Кроме указанных заключенных привозили на стройку людей из Саровского лагеря, Среднеазиатского исправительно-трудового лагеря, Свирлага. Соловки послали на строительство канала своих опытных стрелков, которые занимались охраной вновь создаваемого лагеря в городе Дмитров.

Каналоармейцы приступили к работе в первых месяцах 1933 г., и уже в сентябре началось строительство Волжского гидроузла. Заключенные, занимавшиеся строительством канала, были осуждены по различным уголовным статьям. Вместе с тем, встречались и заключенные, отбывающие наказание по 35 ст. УК РСФСР, но гораздо чаще можно было встретить отбывающих наказание по ст. 72-83, 107-109, 165-170 73, 78, 79, 82, 83, 107, 109. Данными статьями предусматривалась ответственность за совершение имущественных и хозяйственных преступлений. Также в Дмитлаге содержались осужденные по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, срок нахождения под стражей составлял порядка 10 лет и не подлежал смягчению или амнистированию.

Сдача канала планировалась к 1934 г., однако темпы строительства и малое количество механизированной техники не позволили строителям

уложиться в намеченный срок. Поэтому нагрузка на «каналоармейцев» увеличивалась с каждым месяцем строительства канала. Уже в 1935 г. был запущен первый опытный километр канала. В этом же году строители закончили возведение Волжского гидроузла. К этому моменту уже действовал первый бетонный завод, были приняты к эксплуатации Пироговская плотина и Перервенский шлюз. В сентябре 1935 г. Постановлением СНК был определен срок окончания строительства, а именно 1937 г.

Идея «перековки» была главным лейтмотивом в агитационной деятельности Дмитлага. И. Авербах в своей работе *«От преступления к труду»*, написанной ею в 1936 г. изложила следующий факт: *«Заключенные, приехав с Беломоро-Балтийского канала победителями, выдвинули ряд требований по улучшению жизни в лагере, но администрация указала им, где они находятся»* [1, с. 115].

При строительстве канала Москва-Волга на всем его протяжении строители вынули огромные объемы глины, песка и гравия (56 млн. м³), а также земли (около 152 млн. м³). Откосы канала были укреплены каменными блоками (6,5 млн. м²), также каналу потребовалось около 3,5 млн. м³ железобетона и бетона. Железо, используемое для каркасных конструкций канала составляло 35 тыс. т, лесоматериалы – 2,35 млн. м³, цемент – 860 тыс. т и кирпичей – 110 млн. шт. Ближе к концу строительства канала на нем работало порядка полутора тысяч автомобилей, 150 паровозов и 170 экскаваторов. Использовались в большом количестве бетономешалки (240 шт.), электромоторы (5500 шт.) и электровибраторы (1000 шт.). Трасса канала была оснащена дополнительными 600 км ж/д дорог, по которым в период строительства вывозились и привозились все новые грузы и новые группы заключенных строителей [4, с. 17]

Весной 1937 г. канал Москва-Волга практически был достроен. За 4 года и 8 месяцев были построены 109 км судоходных каналов, 2 транспортных

тоннеля, 8 гидроэлектростанций, 8 заградительных и аварийных ворот, 19 мостов и путепроводов, 3 железобетонные плотины и другие сооружения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авербах И.Л. От преступления к труду: Опыт анализа и обобщения методики работ в области «перековки» в Дмитровском и других исправительно-трудовых лагерях. – М., 1936. С. 115
2. Бовин П.М. Самый большой канал на земном шаре // «Строительство Москвы», январь 1932 № 1. С.14-18
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9402. Оп. 1а. Д. 2. Л. 78.
4. Канал Москва-Волга. 1932-1937: Техн. отчет / НКВД СССР. Бюро техн. отчета о строительстве канала Москва-Волга. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во строит. лит., 1940. С. 16-17
5. Михеева М. Река, созданная большевиками // Работница. 1937. № 5. С.14-15.

Бодрова Елена Владимировна¹, Калинов Вячеслав Викторович²

**КРИЗИС СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В
ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ М.И.
КУБАНИНА**

¹Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет», Россия, г. Москва,
e-mail: evbodrova@mail.ru

²Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина»,
Россия, г. Москва,
e-mail: kafedra-i@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью извлечения уроков из исторического опыта разработки стратегических планов развития страны, привлечения к этой работе ведущих ученых. Новизна исследования определяется тем, что на основе ранее неопубликованных архивных документов осуществляется анализ последствий попыток отдельных экономистов, в частности М.И. Кубанина, раскрыть истинную картину низкого уровня производительности сельского хозяйства СССР в ходе осуществления индустриализации и коллективизации и выработать более оптимальную стратегию социально-экономического развития страны. Игнорирование властью объективных научных данных, репрессии ведущих ученых названы в качестве одного из факторов, определивших при всей их масштабности весьма противоречивые результаты реализации пятилетних планов.

Ключевые слова: история партийно-государственного регулирования, СССР, индустриализация, коллективизация, репрессии, война, кризис, экономическая наука.

THE CRISIS OF SOVIET ECONOMIC SCIENCE IN THE PRE-WAR YEARS ON THE EXAMPLE OF THE FATE OF M.I. KUBANIN

Bodrova Elena V.

Doctor of historical Sciences, Professor, Department of history
MIREA – Russian technological University. Moscow, Russia
e-mail: evbodrova@mail.ru

Kalinov Vjacheslav V.

Doctor of historical Sciences, associate Professor, Department of history
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
Moscow, Russia
e-mail: kafedra-i@yandex.ru

Abstract: The relevance of the research is due to the need to draw lessons from the historical experience of developing strategic plans for the development of the country, involving leading scientists in this work. The novelty of the research is determined by the fact that on the basis of previously unpublished archival documents, the consequences of the attempts of individual economists, in particular M.I., are analyzed. To reveal the true picture of the low level of agricultural productivity of the USSR during the implementation of industrialization and collectivization and to develop a more optimal strategy for the socio-economic development of the country. The authorities' disregard of objective scientific data, the repression of leading scientists are named as one of the factors that determined, for all their scale, the very contradictory results of the implementation of five-year plans.

Keywords: history of party-state regulation, USSR, industrialization, collectivization, repression, war, crisis, economic science.

Критическая значимость выработки новой научно-обоснованной стратегии социально-экономического развития РФ чрезвычайно актуализирует необходимость изучения и аккумуляции всего позитивного из отечественного исторического опыта. Анализируя положение в экономике РФ и оценивая его в качестве затянувшейся стагнации, значительная часть экспертов настаивает на необходимости формирования мобилизационной модели экономики. Мнения расходятся в вопросе о причинах кризисных явлений, различны и рекомендации. В настоящее время отечественные инвесторы стремятся направлять капиталы в небольших размерах в различные отрасли, диверсифицируя подобным образом собственные риски, что приводит к отсутствию целевого характера капиталовложений [8, с. 92-103]. Отсутствие до сих пор четкого, поэтапного, с учетом специфических российских условий плана, обеспечивающего при выполнении заявленный результат, позволяет согласиться с утверждением академика РАН А.Д. Некипелова [11, с. 24-37] о существующем кризисе, охватившем экономическую науку, свидетельством чему стало появление многочисленных альтернативных подходов к интерпретации ключевых экономических вопросов.

В этой связи нуждается в более глубоком изучении проблема разработки наиболее эффективных механизмов для решения задач, возникших в предвоенные годы, реакции власти на рекомендации и выводы ряда экономистов.

В литературе советского времени оценки предпринимаемых в начале 1941 г. усилий по укреплению экономического потенциала отличались кратким перечислением достижений и отдельных недостатках, озвученных на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) [4, с. 32].

М.М. Кубанина и В.В. Минаев, предприняв попытку раскрыть суть и причины кризиса аграрного сектора советской экономики в 1930-е годы [7, с. 221-268], ссылаются на статью старшего научного сотрудника Института

экономики АН СССР М.И. Кубанина. Его доклад «Методология исчисления уровня производительности труда в сельском хозяйстве», сделанный 21 ноября 1939 г. на общеинститутском научном совещании и включавший осуществленный сравнительный анализ уровня производительности труда дореволюционной России, Советского Союза, Германии, США и других стран, стал основой для появившейся затем статьи. [6, с. 53-79]. Она и явилась поводом к разгрому «правотроцкистского» направления советской экономической школы и последовавших за этим репрессий.

Документы, которые в настоящее время хранятся в фондах Архива Российской Академии наук, позволяют с большей достоверностью определить причины кризиса, сложившегося в предвоенные годы в советской экономической науке.

В ряду активно исследуемых экономистами в эти годы тем оказались проблемы сельского хозяйства, которые рассматривались М.И. Кубаниным, И.Д. Лаптевым, А.В. Болговым, А.А. Караваевым, В.М. Слободаном и другими учеными. Подробное рассмотрение основных положений и данных, изложенных в публикациях М.И. Кубанина, заслуживает отдельного исследования, но обратим внимание лишь на основные сформулированные им выводы. Опубликованные им данные свидетельствовали о гораздо более низкой урожайности зерновых в СССР (в среднем в 4,5 раза) по сравнению с другими странами. Слабая зерновая база, в свою очередь, обусловила отставание в животноводстве, птицеводстве, производстве молока. Сведения автора существенно отличались от данных, озвученных властью на партийных форумах. Экономист настаивал на необходимости использования скрытых резервов, включая увеличение загруженности работников, совершенствование оплаты труда, повышение технической вооруженности производства, изменение социальных условий. В статье «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США» предлагалось, выявив причины, обуславливающие разницу в уровнях производительности труда, использовать

«преимущества советской системы, в кратчайший срок не только устранить эту разницу, но и перегнать... более развитые в экономическом отношении страны по производительности труда» [6, с. 53-79]. Анонимная рецензия в журнале *«Большевик»* [11, с. 85-96], поставив под сомнение компетентность ученого, определила его дальнейшую судьбу. Часть исследователей полагает, что автором рецензии стал нарком Государственного контроля Л.З. Мехлис [12, с. 103].

Между тем на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б), состоявшейся с 15 февраля по 20 февраля 1941 г., в докладе Г.М. Маленкова прозвучала критика в адрес руководства ряда отраслей промышленности, не обеспечившее выполнения производственных планов. Наряду с бюрократизмом, бесхозяйственностью и расточительством в числе причин называлось нежелание и неумение обеспечить внедрение современной техники. А потому предлагалось ужесточить трудовую дисциплину и гнать *«невежд»* из руководства [9].

Научное сообщество также должно было реагировать на призывы и критику центральных партийных органов. 25 февраля 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение о создании специальной комиссии под руководством Е.А. Чудакова, которая должна была скорректировать план научно-исследовательских работ в соответствии с решениями XVIII партийной конференции. [1, л. 133-134]. На заседании Президиума предлагалась к разработке и тема *«Проблемы экономики и управления социалистическими предприятиями»*, но она не была утверждена [1, л. 113].

30 апреля 1941 г. на заседании Президиума АН СССР академик Е.С. Варга, выступив с сообщением *«Об ошибках в работе Института экономики Академии наук СССР»*, предложил создать специальную комиссию по проверке работы института с целью осуществления его *«коренной перестройки»* [3, л. 78]. Напомнив о том, что три месяца назад он поставил вопрос о необходимости смены руководства института (Б.Л. Маркуса), так как

его сотрудники *«занимаются различными вопросами (история экономической мысли России, историей политэкономии, Гарвардской школой политэкономии), «...но с советской экономикой они никакой связи не имеют»* [1, л. 42].

Академик В.Л. Комаров также обвинял Институт в отрыве от социалистической действительности: сотрудники занимались проблемами времен Французской революции [1, л. 45].

Заместитель директора института профессор Л.М. Гатовский пытался оправдаться невозможностью получить данные у руководства наркоматов [1, л. 51]. Но выступавший подвергся резкой критике со стороны академика А.Я. Вышинского, обвинившего его в участии во всех *«безобразиях»* [1, л. 52]. В то же время Вышинский выступил против *«штурмовщины»* и закрытия института, признав одновременно, что нужна *«свежая кровь»* [1, л. 110].

Однако события развивались быстро. 5 мая 1941 года последовал арест М.И. Кубанина (расстрелян он был в начале войны). *«Чистке»* были подвергнуты и сотрудники его сектора.

20 мая 1941 г. председатель комиссии академик М.Б. Митин сообщил Президиуму Академии *«О состоянии дел в Институте экономики Академии наук СССР и ошибках, допущенных в его работе»*. Выступили также академики Б.Д. Греков, С.Г. Струмилин, Е.С. Варга, В.Н. Образцов, И.П. Трайнин, Е.М. Ярославский и др.

В результате Президиум АН СССР признал правильной оценку состояния Института экономики, данную в передовой статье *«Торжество советской культуры»* в журнале *«Большевик»* (№6), и характеристику *«клеветнического выступления М. Кубанина и двурушнического поведения редактора журнала «Проблемы экономики», директора Института экономики Б. Маркуса, данную в редакционной статье, помещенной в том же номере журнала «Большевик»* [3, л. 128]. Заметим, что редколлегия журнала лишь

снабдила указанную публикацию предложением читателям обсудить поднятый автором недостаточно изученный вопрос.

В специальном постановлении Президиума указывалось, что статья Кубанина *«Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США» «представляет собой прямую фальсификацию и не имеет ничего общего с экономической и статистической наукой»*, так как партийная установка о необходимости перегнать главные капиталистические страны по размерам производства на душу населения в этой публикации подменялась другой, неправильной, *«выдвигающей в качестве главного рычага решения основной экономической задачи СССР повышение производительности труда работника, занятого в производстве»* [3, л. 123]. Содержание статьи характеризовалось как *«приукрашивание и восхваление капиталистической производительности труда, основанной на эксплуатации рабочего, построенной на перенапряжении сил работника»*. Одновременно авторы документа указывали на неслучайность появления статьи, так как значительная часть сотрудников института встречала подобные выводы с сочувствием и одобрением. Причем *«даже робкие попытки критики его статьи встречали сопротивление»* [3, л. 123]. Вся деятельность Института экономики характеризовалась в качестве *«пустопорожней невежественной болтовни, пережевывания цитат, пересказа общеизвестных истин, заполнявших пухлые тома»*. *«Бегство от теоретических проблем, выдвигаемых практикой социалистического строительства, уход от изучения закономерностей советской экономики»* корнями, по мнению авторов, имели *«антимарксистские, меньшевистские взгляды на природу советской экономики»* [3, л. 124]. Причиной деятельности *«целой группы так называемых научных работников»* называлось *«отсутствие систематического контроля»* со стороны дирекции института (Там же). Предлагалось обеспечить институт высококвалифицированным руководством и *«проверенными кадрами, вполне пригодными к научной работе»*;

перестроить научную тематику, *«перенеся центр тяжести всей работы на серьезное научное исследование важнейших проблем социалистической экономики СССР, на теоретическое изучение и обобщение богатейшего практического опыта социалистического строительства»*; *«освободить Институт экономики от ... тунеядцев и бездельников, от элементов, оказавшихся непригодными к творческой научной работе»*; организовать критический просмотр вышедшей за последние годы литературной продукции, а также проверить диссертации, защищенные в Институте, и в случаях обнаружения присуждения ученых степеней без достаточного основания, поставить вопрос об отмене. Сотрудникам было предложено сосредоточиться на разработке темы *«Теоретические основы размещения производительных сил в СССР»*, написании учебников по политической экономии и истории народного хозяйства [2, л. 175].

Президиум посчитал необходимым перестроить и всю работу журнала *«Проблемы экономики»*, создать новую редакционную коллегию журнала и обновить его аппарат. Особо оговаривалось, что *«крайнее неблагополучие, вскрывшееся в Институте экономики, должно послужить серьезным уроком и сигналом для других учреждений АН СССР»* [3, л. 125].

На заседании президиума АН СССР 17 июня 1941 г. при рассмотрении вопроса *«О мероприятиях по улучшению работ Института экономики АН СССР»* было решено *«противопоставить теорию буржуазных стандартов принципам размещения производительных сил при советском хозяйстве»*, отказавшись при этом от прежней практики отправки групп ученых в отдельные районы для изучения положение дел на месте, но обязательно учитывая наличие железных дорог, минерального сырья, климатические условия и т.п. Руководство этими работами поручалось академику С.Г. Струмилину, против чего он, впрочем, активно возражал [3, л. 125].

Принимались эти решения за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Попытки советских экономистов на рубеже 1950-60-х

гг. вновь заняться проблемой сопоставления уровня производительности труда в СССР и США подтвердили выводы М.И. Кубанина, но расходились с данными ЦСУ, а потому экземпляры доклада были изъяты [12, с. 116-139].

Таким образом, рассматривая в контексте попыток преодоления срывов, связанных с невыполнением рядом отраслей пятилетних планов, события, наблюдавшиеся в предвоенный период в экономической науке, возможно констатировать не только ее кризисное состояние, победу ортодоксальных критиков над экономистами, реально оценивающими сложившуюся ситуацию, но и определить в ряду причин решения власти, игнорирующей научные данные, подвергавшей репрессиям ведущих ученых.

Исторический опыт дает возможность в настоящее время извлекать уроки и привлекать для разработки научно обоснованных программ социально-экономического развития страны ведущих ученых и экспертов, которые в течение многих лет выступали докладами и рекомендациями о необходимости изменения экономического курса.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1. Оп. 3а. Д. 51.
2. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31.
3. АРАН. Ф. 2. Оп. 6б. Д. 56.
4. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. – Москва: Наука. 1978. 718 с.
5. Кубанин М.И. О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран // Проблемы экономики. 1940. № 2. С. 46-65.
6. Кубанин М. И. Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США // Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 52-79.

7. Кубанина М.М., Минаева В.В. Аграрный сектор Советской экономики накануне и в начале второй мировой войны в работах экономистов 1939-1941 гг. // Экономический журнал. 2005. № 1(9). С. 221-268.
8. Ломоносова Н.В., Петрусевиц Д.А. Проблемы и тенденции процесса наноиндустриализации в РФ. // Российский технологический журнал. 2020. № 8(3). С. 92-103. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-3-92-103>.
9. Маленков Г.М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта. XVIII Всесоюзная конференция ВКП (б) // Правда. 1941. 19 февраля.
10. О клеветнической вылазке М. Кубанина // Большевик. 1941. № 6. С. 85-96.
11. Некипелов А.Д. Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т.89. № 1. С.24-37. <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37>.
12. Никулин А.М. Советское соревнование с капитализмом в судьбе Т.И. Заславской // Вестник общественного мнения. 2014. № 1-2 (117). С. 198-207.
13. Никулин А.М. Научное наследие Т.И. Заславской и советские конфликты. // Социологический журнал. 2014. № 3. С.116-139. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.3.516>

**Пумпянская Ольга Владимировна¹, Мусаева Зарема
Абдулмагомедовна²**

**ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР
(1920-1940-е гг.)**

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: helga80p@gmail.com

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: z.musaeva@mail.ru

Аннотация. В статье отражена деятельность Народного комиссариата просвещения в 1920-е - 1940-е гг., анализируется развитие школьного образования в данный период, школьная реформа 1918 г.

Ключевые слова. СССР, образование, школа, Луначарский, Крупская, реформа, Великая Отечественная война.

**FORMATION OF SCHOOL EDUCATION IN THE USSR
(1920s-1940s)**

Olga V. Pumpyanskaya

candidate of historical Sciences, associate Professor of history
Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow
e-mail: helga80p@gmail.com

Zarema A. Musaeva

candidate of historical Sciences, associate Professor of history

Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow

e-mail: z.musaeva@mail.ru

Abstract. The article reflects the activities of the People's Commissariat of Education in the 1920s - 1940s, analyzes the development of school education in this period, school reform in 1918.

Keywords: USSR, education, school, Lunacharsky, Krupskaya, reform, Great Patriotic War.

Труд «*Материалы по пересмотру партийной программы*» был опубликован в июне 1917 г. Пункт о школьном образовании подготовила Н.К. Крупская. В данном документе было много новаторских идей, таких как обязательное общее образование для детей до 16 лет, аннулирование в школе государственного языка, бесплатное обеспечение учеников питанием, одеждой и учебной литературой. Также образование перешло под юрисдикцию местного самоуправления. Население получило право само выбирать учителей. Образование становится полностью светским. Молодое советское правительство подчеркивало классовый характер новых школ.

Для организации образовательного процесса социальных институтов образования в государственной системе управления СССР был создан Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос). Главой Народного комиссариата просвещения был назначен А.В. Луначарский осенью 1917 г. Также была создана Государственная комиссия по просвещению под председательством А.В. Луначарского, другие участники комиссии – Н.К. Крупская, М.Н. Покровский, В.М. Познер и др. Эта Комиссия вплоть до своего роспуска в 1918 г. решала различные задачи, связанные с образованием: выработывался общий план развития образования, велась просветительская деятельность на местах и т.д.

Дошкольное воспитание решили включить в общую систему образования. З.И. Лилина, руководитель дошкольного отдела Наркомпроса, выпустила приказ о включении дошкольного воспитания в общую систему образования 20 декабря 1917 г. Это делалось для ранней интеграции ребенка в коллектив, общественному воспитанию детей придавалось важное значение. Государственная комиссия по просвещению аннулировала в 1918 г. (на основании декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «*Об отделении церкви от государства и школы от церкви*») обучение в школе религиозным предметам. Постановлением Наркомпроса от 31 мая 1918 г. было организовано объединенное обучение мальчиков и девочек, заменив раздельное. Оценки, которые использовали для определения уровня знаний учеников, отменили в мае 1918 г. Наркомпрос собрал в свое ведение все образовательные учреждения, которые в прошлом были в юрисдикции и других ведомств, это произошло в июне 1918.

В новой советской школе необходим был контроль за происходящим, поэтому был утвержден штат инструкторов, которые наделялись большими полномочиями. Они должны были следить за исполнением законов и пр. По роду деятельности новые инструктора напоминали инспекторов в царское время.

Постановление Наркомпроса от 16 июня 1919 г. «*О правильной постановке школьно-инструкторского дела*» свидетельствует, что инструктора должны были заниматься всеми проблемами, которые проявлялись в связи с организацией советской школы. При этом, административной властью такой инструктор не обладал. Главная задача инструктора – помогать народу в постройке фундамента нового образования. Инструктор просвещения советского образования должен был восприниматься как старший товарищ педагога, который не заставляет, а убеждает общественно-педагогическими методами.

«Положение о единой трудовой школе РСФСР» было утверждено 30 сентября на заседании ВЦИК, напечатано в октябре 1918 г. Это Положение уничтожило различные общественные, государственные и частные просветительские учреждения и преобразовало их в единую трудовую 9-летнюю школу, состоящую из двух ступеней. Для детей от 8 до 13 лет был создан курс обучения, длиной в 5 лет, – это и была первая ступень. Подростки от 13 до 17 лет могли рассчитывать на четырехлетний образовательный курс, т.е. вторую ступень.

«Положение о единой трудовой школе РСФСР» обозначило базу советской школьной жизни – производительный и общественно-полезный труд, самоуправление в школьной жизни и участие учеников в школьных советах, также отменили домашние задания, экзаменационные испытания, классную систему и пр. Отменялись любые наказания учащихся, вменялось учитывать местные условия при написании учебных планов, программ, учебных пособий и т.д. Делить учеников по возрастам посчитали устаревшей системой и теперь во главу угла ставили подготовленность детей, по этому принципу формировали группы.

Программа партии четко обозначила политические направления, которые следует выполнять молодой советской школе, (VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.). Новая программа воспринимала образование как возможность воспитать человека, который соответствует всем политическим нормативам молодого советского государства.

Школа регламентировалась как светский, трудовой и единый организм.

Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви (20 января 1918 г.) и положение Государственной комиссии по просвещению о школе 18 февраля 1918 г. декларировали свободный выбор вероисповедания, также предполагалось обучение религии в частном порядке. В марте 1919 г. новая программа РКП(б) посчитала резолюции декрета слишком компромиссным решением. В «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А.

Преображенского напечатали: *«Освобождение детей от реакционных влияний их родителей составляет важную задачу пролетарского государства»* [1].

Цель реформы 1918 г. - построение общеобразовательного организма от детского сада до высшего учебного заведения. Базовая задача – формирование человека нового типа обрело важное направление: методический и учебно-воспитательный труд должны объединиться в идеологическом и политическом направлении.

В вопросе школы государство полностью осуществило руководство образовательным процессом, ликвидировав частное образование и местное общественное самоуправление. Таким образом, децентрализация школы не была осуществлена. В итоге сформировалось государственное образование.

Трудовой момент образования становится сложным вопросом в процессе оформления новой школы. Программные документы содержали термин *«трудовая школа»*, который подразумевался как методика образования и принцип воспитания. Детей следовало учить и воспитывать в практическом ключе – через труд.

Школьного единства достичь не получалось, по причине того, что многие начальные школы были четырехклассными. В стране ощущался недостаток школ второй ступени. Учащиеся собирались из своих старых школ разных видов, в которых вели обучение по различным программам, они различались по степени подготовки. Данное обстоятельство способствовало тому, что для поступления в школы второй ступени ввели неофициальную аттестацию, хотя это было нарушением *«Положения о единой трудовой школе»*.

Были сложности в совмещении труда и образования. В новой советской школе были трудности материального и методического плана. Педагоги были не готовы к обучению трудовой деятельности. Н.К. Крупская писала, что учителя понимают трудовой принцип как свою обязанность заставлять детей

трудиться – мести полы, приносить дрова и пр., а учебный процесс остается прежним. Таким образом, трудовая деятельность не соприкасалась с учебной.

В 1920 г. Наркомпрос считал, что невозможно в ближайшие годы переформировать обычные школы в трудовые.

В дальнейшем советское школьное образование в СССР динамично развивалось в период 1930-1940-х гг. Перед Великой Отечественной войной картина начального и среднего образования значительно улучшилась, возросло количество семилетних и средних школ. Количество учащихся в школах демонстрировали положительную реализацию образовательных заданий третьей пятилетки на 1938-1942 гг. По РСФСР число школьников должно было увеличиться до 18,2 млн. в 1937/38 учебном году, до 24,3 млн. в 1942/1943 учебном году. 1 сентября 1942 г. должно было ознаменоваться количеством до 24 939 (в том числе в сельской местности до 22469). По России количество школ должно было возрасти с 106720 в 1937/38 учебном году до 118326 в 1942/43 учебном году [3, с. 284].

Эти статистические данные говорят об успехе в реализации планов развития народного образования. В.П. Потемкин в своем докладе на Всероссийском совещании по народному образованию (2 августа 1943 г.), говорил, что в 1940 г. наша страна достигла всеобщего начального образования.

Школьная система была приведена в порядок в предвоенные годы: происходил рост числа средних школ, сокращались начальные и неполные средние и т.д.) возросло число учащихся, чаще всего это были ученики семилетних и средних школ. Эти данные свидетельствуют об успешности курса на семилетнее и среднее всеобщее обучение. Но Великая Отечественная война подорвала динамичное развитие новой школы и даже угрожала уничтожить ее достижения. Правительство в период войны ставило своей целью сберечь школы и народное образование в стране на должной высоте. Стояла проблема обеспечения повседневных потребностей страны, а также

основа «дальнейшего подъема школьного дела» [3, с.283]. После окончания четвертого класса, детей переводили в 5 класс и т.д. Таким образом заложили фундамент для всеобщего семилетнего обучения, в т.ч. и в сельской местности. Также наметилось значительное увеличение среднего образования в городах и поселках.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. – М.: 1919
Марксистский интернет-архив: Иосиф Сталин (marxists.org).
2. Быкова Е.Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917-1930-е гг.: организационные и идеологические аспекты//Вестник Томского государственного университета, № 1(13) –Томск.2011. С. 179-189.
Microsoft Word - Титул 1-2 1_13_.doc (elibrary.ru).
3. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учебное пособие для педагогических учебных заведений/под ред. академика РАО Пискунова А.И. 2-е изд. испр. допол. – М.: ТЦ «Сфера», 2001, 512 с.
4. Кузнецов Г.Ю. Тенденции развития школьного образования в СССР в довоенное и военное время//Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания, сборник материалов III международной научной конференции. – Люберцы, Изд. Перо; Гуманитарно-социальный институт. 2019. С. 283-284 elibrary_40374504_87359902.pdf

Каримов Олег Владимирович

**ЗАПАДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МАРТЕ-АПРЕЛЕ 1939 ГОДА
(ПО ДАННЫМ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ)**

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, РГУ нефти и
газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: heleg@bk.ru

Аннотация. Советская военная разведка смогла получить информацию о содержании переговоров МИД Германии с посольствами Франции и Великобритании в марте 1939 г.

Ключевые слова: советская военная разведка, политический доклад, источник информации, соглашение, немецкий посол Дирксен, премьер-министр Великобритании Чемберлен, статс-секретарь Вайцзеккер, граф Галифакс.

**WESTERN DIPLOMACY IN MARCH-APRIL 1939 ACCORDING TO
SOVIET MILITARY INTELLIGENCE**

Oleg V. Karimov

candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of History, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU),
Russia, Moscow

e-mail: heleg@bk.ru

Annotation. Soviet military intelligence was able to obtain information about the content of negotiations between the German Foreign Ministry and the Embassies of France and Great Britain in March 1939

Keywords: Soviet military intelligence, political report, source of information, agreement, German Ambassador Dirksen, British Prime Minister Chamberlain, State Secretary Weizsacker, Count Halifax

Несмотря на то, что внешняя политика европейских государств в преддверии Второй мировой войны достаточно хорошо изучена, по нашему мнению новые рассекреченные документы внешней разведки позволят дополнить картину информированности советского политического и военного руководства о направлениях внешней политики западных государств в 1938-1939 гг., закулисных переговорах Великобритании и Франции с Гитлером в отношении судеб государств Восточной Европы, об агрессивных устремлениях Германии в свете европейской политики «умиротворения».

В 6-м томе Фундаментального многотомного труда *«Великая Отечественная война. 1941-1945» – «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны»* [1, с. 65] упоминается о деятельности советской внешней разведки по освещению внешней политики Великобритании в Европе. Агентурная сеть 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР в Англии, в целом смогла обеспечить советское руководство документальной информацией о деятельности английского правительства по «умиротворению» Гитлера, о подготовке Мюнхенского соглашения о расчленении Чехословакии и вероятных последствиях для нашей страны. К сожалению, в этом масштабном труде практически ничего не сказано о том, что и советская военная разведка (Разведывательное управление РККА, с мая 1939 г. – 5 Управление НКО) внесла существенный вклад в освещение этого вопроса.

В ходе осуществления разведывательной деятельности в гитлеровской Германии в руки советской военной разведки зачастую попадали документы, из которых также выяснялось реальное, а не декларативное отношение крупнейших европейских держав, в частности Великобритании, к расширению немецкой экспансии в Восточной Европе.

В начале 1939 г. фашистская Германия, благодаря политике соглашательства со стороны ведущих западных государств заняла господствующее положение в центре Европы. Несмотря на присоединение

Судет, Гитлер рассчитывал на дальнейшие территориальные приращения за счет все той же Чехословакии и поэтому всячески поддерживал националистические движения в Словакии и Карпатской Украине, утверждая, что он обеспечит им под свою защиту.

В феврале 1939 г. словацкие депутаты потребовали полного отделения Словакии от Чехии. 9 марта 1939 г. президент Чехословакии Э. Гаха подписал указ о роспуске правительства Словакии во главе с Й. Тисо, а воинские части чехословацкой армии отстранили последнего от власти. Тисо прибыл за помощью в Берлин и на встрече с Гитлером получил официальные заверения в том, что его правительство имеет «законный» характер, а факт смещения является грубым нарушением Конституции Чехословакии. Гитлер пообещал, что Германия будет полностью способствовать созданию «свободной Словакии» и предложил Тисо немедленно сформировать новое словацкое правительство и провозгласить независимость государства.

11 марта Гитлер приказал выдвинуть 14 немецких дивизий на границу с Чехословакией. Одновременно Гитлер заявил регенту Венгрии адмиралу М. Хорти, что Германия не будет препятствовать венгерской оккупации чехословацкого Закарпатья.

МИД Великобритании, имея сведения об агрессивных планах Германии, 13 марта 1939 г. разослал меморандум своим дипломатическим представителям: не предпринимать никаких демаршей в случае ввода германских войск в Чехословакию, хотя ранее, навязывая чехам условия мюнхенского соглашения, давал гарантии защиты. 14 марта в английском МИД было созвано совещание, на котором, по словам О. Харви (помощника министра иностранных дел) было определено: *«мы не должны прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию... Мы не должны считать, что каким-то образом гарантировали Чехословакию»* [2, с. 222]. Чехословацкому правительству настоятельно рекомендовали

воздержаться от каких-либо действий против немцев внутри страны и установить непосредственный контакт с Берлином.

В ночь с 14 на 15 марта 1939 г. Германия начала оккупацию Чехии и заняла города Моравска Острава и Витковице. В 09.00 в Прагу вступили немецкие войска, а во второй половине дня в город прибыл Гитлер, приказавший вывесить на флагштоке в Градчанах флаг со свастикой.

В этот же день премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен публично заявил в Палате общин, что Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии. Он подчеркнул, что Чехословакия прекратила свое существование *«в результате внутреннего распада»* и объявил о намерении английского правительства следовать прежней внешнеполитической линии.

16 марта 1939 г. Гитлер объявил Моравию и Богемию протекторатом Германии, наместником в которой был назначен К. фон Нейрат. Словакия объявлена государством *«под немецкой защитой»*.

Благодаря данным, добытым советской военной разведкой, руководству СССР стало известно, что МИД Германии 15 марта 1939 г. проинформировал посольства Германии в Лондоне, Париже и Риме о том, что французский посол в Германии Р. Кулондр посетил германского статс-секретаря Э. фон Вайцзеккера. Француз заявил, что *«занятие немцами Моравии 14 марта после полудня... влечет за собой серьезные опасения в отношении поведения Германии в остальной Европе»* [3, л. 85] и потребовал информации от официальных германских властей. Статс-секретарь заявил, что не считает действия Германии нарушением мюнхенского соглашения: *«Германия была вынуждена навести порядок в Чехии по собственной инициативе... Если бы Франция раньше прочитала соглашение от 15 марта, то узнала бы что речь шла о необходимом, согласованном с чешским правительством акте, по отношению к которому отпадают все правовые точки зрения прежних договоров»* [3, л. 86].

Лишь 17 марта, т.е. через два дня после заявления французского посла, английский посол Гендерсон также нанес визит Вайцеккеру, т.к. собирался убыть с докладом в Лондон. Посол познакомил статс-секретаря с настроениями, которые нарастают в Лондоне по поводу решения чехословацкого вопроса. Обращаю внимание на то, с какой просьбой обратился английский посол к своему немецкому собеседнику. *«Он просил у меня аргументов, с которыми Чемберлен мог бы выступить перед лицом английской оппозиции»* [3, л. 87], – докладывал германский статс-секретарь [подчеркнуто автором]. Таким образом, премьер-министра Великобритании волновало не то, как остановить агрессора, а как лучше выглядеть перед британским общественным мнением. Вайцеккер изложил послу свое видение событий за предшествующие 6 месяцев. *«Мы уже находились на пути к достижению с пражским правительством такого соглашения, которое бы удовлетворяло потребности обеих сторон. Однако... из-за границы, по-видимому, из Америки, поощрялась надежда чехов на европейскую войну и восстановление Чехословакии в расширенных размерах. Все это создало такую обстановку, когда такого внешнего толчка, как смещение Тисо, оказалось достаточно для приведения в движение целой лавины. За создавшееся положение отвечают как сами чехи, так и их дурные советчики из-за границы»* [3, л. 89], – говорил Вайцеккер. Очевидно, что эти аргументы не могли бы успокоить британскую оппозицию.

18 марта 1939 г. в 13.00 французский посол вновь прибыл к германскому статс-секретарю и, положив на стол ноту Французской республики, попросил ее прочесть. Вайцеккер, не беря ноту в руки, спросил о содержании документа. Кулондр ответил, что в документе выражен протест на действия Германии в отношении Чехословакии. Вайцеккер тотчас же положил ноту обратно в конверт и вернул ее послу с замечанием, что решительно отказывается принимать от него какой бы то ни было протест по чехословацкому вопросу и посоветовал Кулондру поставить перед своим

правительством вопрос о пересмотре французской точки зрения. Француз ответил, что его правительство весьма тщательно рассмотрело этот вопрос и пришло к выводу о необходимости этого шага, согласованного с правительством Англии. Он не может предложить французскому правительству пересмотреть его точку зрения. Кулондр попытался перейти к существу вопроса, оспаривая правовую обоснованность действий Германии, указывая, что они нарушают Мюнхенское соглашение от 8 декабря 1938 г. Вайцеккер ответил, что *«с правовой точки зрения имеется соглашение между фюрером и чехословацким президентом. Чехословацкий президент прибыл в Берлин по собственной инициативе и тотчас же заявил рейхсканцлеру, что он вручает судьбы своей страны в руки...»* [3, л. 90].

После визита французского посла в 14.30 Вайцеккер позвонил английскому послу и заявил, что личная беседа в случае аналогичного демарша совершенно бесполезна. Однако англичанин ответил, что *«он вынужден прислать ноту, так как имеет официальное указание своего правительства»* [3, л. 86]. Статс-секретарь заявил, что если тот не может обойтись без демарша, то пусть присылает ноту в письменном виде. Тем не менее, в 16.30 Гендерсон прибыл в германский МИД и вручил ноту Великобритании. По немецкой оценке, нота по своему содержанию совпадала с французской, однако ее формулировки были менее конкретны. *«В английской ноте не было прямого указания на то, что английское правительство не может признать законным новое положение в Чехии. Нота объявляет это новое положение необоснованным с правовой точки зрения и объявляет протест»* [3, л. 87], – подвел итог Вайцеккер.

Вскоре советская военная разведка смогла получить информацию и о содержании донесения немецкого посла в Лондоне Г. Дирксена в МИД Германии от 18 марта, которое раскрывало реакцию британского руководства: *«Вчерашняя речь Чемберлена имела двойную тенденцию: 1) Укрепить свою собственную позицию; это было основано тем, что его политика потерпела*

крах. 2) придать выражение тому сильно обостренному настроению, которое господствует в Лондоне» [3, л. 98]. При этом немецкий посол констатировал, что Чемберлен «продолжает оставаться на прежнем пути умиротворения Европы», но для достижения этой цели занимает решительную позицию, предложенную Галифаксом: «более резкое отношение к Германии и попытка образования групп держав». По мнению Дирксена, Чемберлен, находясь под влиянием Франции, подчеркивал, что британские интересы в Восточной Европе сохраняются. Однако в конце недели большинство депутатов должны были разъехаться по своим избирательным округам для выявления настроений избирателей. «Результат этих впечатлений будет иметь большое значение для дальнейшего поведения местных политических кругов» [3, л. 98], – писал он в заключении.

В отчетах германских дипломатов в других европейских государствах дипломатические действия британского правительства по созданию «единого фронта против Германии» выглядели следующим образом: «Английское правительство запросило 18 числа этого месяца большое количество иностранных представителей об их позиции по отношению к действиям Германии и об имеющихся у них сведениях о предстоящем, по утверждению Англии, нападении Германии на Румынию. Этот круговой опрос был предпринят Англией в Варшаве, в Москве, в балканских странах, в Венгрии и Португалии. Неопрошенными в Европе остались балтийские и скандинавские страны, Голландия, Бельгия, Швейцария и Париж. Такой же запрос Англия направила и в доминионы. Результат опроса был, очевидно, малоудовлетворительным, так как запрошенные страны в большинстве ответили, по-видимому, отрицательно или уклончиво, а доминионы не проявили желания вмешиваться в европейский конфликт, пока нет фактического нападения на Англию. Москва ответила контрпредложением созыва конференции» [3, л. 99]. По мнению Вайцзеккера, это привело Лондон к мысли об организации совместного сопротивления в случае новой угрозы

германской агрессии со стороны Англии, Франции, СССР и Польши. Однако германский МИД отмечал, что Варшава *«боится, что, вступив в этот союз она попадет в антигерманский союз, понеся в первую очередь все расходы и не получив достоверных гарантий безопасности. Кроме того, в России Польша видит сомнительного партнера»* [3, л. 100]. Трудности склонения Польши к сотрудничеству с Советским Союзом вернули Лондон к предложению СССР о созыве конференции. *«По не подтвердившимся сообщениям, в Лондоне предполагается двойное объявление: во-первых, гарантия Бельгии, Голландии и Швейцарии Англией и Францией, и, во-вторых, изъявление готовности к защите восточных государств против германского нападения* [3, л. 100]», – писал статс-секретарь. Немецкий МИД располагал точной информацией – правительства Франции и Великобритании 22 марта 1939 г., пытаясь создать коалицию против Германии, заявили о готовности оказать помощь Нидерландам, Бельгии и Швейцарии в случае агрессии со стороны третьей державы.

В 20-х числах марта МИД Германии получил донесение из Женевы, также, освещающее действия Англии и Франции по организации *«единого фронта против германской агрессии на восток»*. Немецкий источник информации в Швейцарии сообщал о сделанном 18 марта англо-французском запросе Югославии. Точное содержание запроса было неизвестно, но смысл его сводился к тому, *«согласна ли Югославия вместе с Англией, Францией, Турцией, Грецией, Румынией, Россией и некоторыми другими государствами объявить, что в случае нападения на одну из стран, принявших участие в этом соглашении, необходимо будет извлечь из этого все выводы. В качестве примера приведено нападение на Румынию»* [3, л. 276]. Югославские власти, якобы, в ответ запросили: *«какую военную, финансовую и экономическую помощь не только теоретически, но и практически сможет оказать Англия и Франция Югославии, если предполагаемый союз состоится»*.

По имевшейся в МИД Германии информации, Турция ответила положительно на это предложение, а СССР вновь предложил созвать конференцию, чтобы обсудить все открыто и показать Германии возможность коллективного отпора ее действиям. В то же время Румыния и Польша ответили уклончиво на англо-французский шаг, поставив такие же вопросы, как и Югославия. Таким образом, германская дипломатия констатировала, *«что декларацию коллективной коалиции, даже в англо-французских кругах, рассматривают как потерпевшую поражение»* [3, л. 276].

Германские источники были точны – 18 марта 1939 г. английский посол в Москве У. Сидс действительно обратился в НКВД СССР с вопросом о том, какую позицию займет Советский Союз в случае германской агрессии против Румынии. В этот же день английскому послу было передано *«предложение Советского правительства о немедленном созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции»* [2, л. 227]. Аналогичное предложение было передано французскому правительству, однако если Галифакс 19 марта ответил советскому полпреду, что созыв конференции является делом преждевременным, то французский МИД вообще промолчал.

Располагая сведениями о попытках Великобритании создать коалицию, МИД Германии 11 апреля 1939 г. разослал телеграммы своим дипломатическим представителям: *«... От демарша в этом вопросе я прошу отказаться. В разговорах, которые могут иметь место, я прошу высказываться в следующем свете: мы ожидаем, что другие государства не попадутся в английскую ловушку. Если все же другие государства попадутся на английскую приманку, то мы сожалеем об этом в интересах затрагиваемых государств. Всякую связь с этой комбинацией мы будем рассматривать, как направленную против нас и соответственно этому занимать позицию... Вы можете вспомнить слова фюрера в*

Вильгельмсагафенской речи² от 1.4.39 г., где говорится: «кто изъявляет готовность таскать из огня каштаны для этих великих держав, тот должен быть готов к тому, что он обожжет себе при этом пальцы». Впрочем, прошу в разговорах быть осторожными и высмеивать нервную деловитость, с которой англичане пытаются привлечь другие государства для своих целей» [3, л. 118].

В этот же день германский МИД получил из Берна сведения о повторных попытках Великобритании и Франции пообещать Швейцарии, Голландии и Бельгии свои гарантии. Швейцария уклончиво ответила, что с благодарностью принимает это предложение к сведению, однако *«это заявление последовало без участия Швейцарии и делом последней является определение момента, в который она будет считать необходимым прибегнуть к гарантии... В случае нарушения швейцарского нейтралитета, само собой разумелось бы, что и другие державы, заинтересованные в швейцарском нейтралитете, оказывали бы ей помощь и таким образом обещание гарантии излишне...»* [3, л. 277-278].

11 апреля министр иностранных дел Великобритании Галифакс, беседуя с советским послом Майским, задал вопрос: *«в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии?»*. Советский дипломат ответил, что СССР готов принять участие в оказании помощи Румынии, но в свою очередь нас интересует: какого рода помощь Румынии будут готовы оказать Англия и другие заинтересованные государства. На этот вопрос СССР прямого ответа не получил, лишь английский посол в Москве Сидс намекнул, что географически Румыния ближе к Советскому Союзу, чем к Британским островам.

² Речь Гитлера в базе немецкого ВМФ Вильгельмсагафене при спуске линкора «Тирпиц». По личному указанию Гитлера прямая трансляция этого выступления была отменена, текст речи для внешнего мира должен был быть опубликован после редактирования. Неожиданное прекращение прямой трансляции речи Гитлера в радиозэфире послужило основой слухов о покушении на немецкого лидера.

И именно 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал *«Директиву о единой подготовке вермахта к войне в 1939-1940 гг.»*, один из разделов которой предусматривал войну против Польши (операция *«Вайс»*). В плане учитывалась вероятная реакция западных государств на эту агрессию: *«Ввиду приближающегося к кризисной точке развития событий во Франции и обусловленной этим сдержанности Англии обстановка, благоприятствующая решению польского вопроса, может возникнуть в недалеком будущем. Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять, поскольку это означало бы ее уничтожение большевизмом...»* [4, л. 227]. Таким образом, Гитлер был убежден, что западные демократии оставят Польшу один на один с Германией.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Великая Отечественная война. В 12-ти томах. Т. 6. – М. Кучково Поле. 2013. 864 с.
2. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй Мировой войны – М.: Международные отношения, 1979. 320 с.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 23. Оп. 9157. Д. 2.
4. 1939 год: Уроки истории – М.: Мысль, 1990. 508 с.

Куканов Андрей Игоревич

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ
ОРГАНОВ В 1938-1941 ГОДАХ**

заведующий организационным сектором,

Второе управление Правительства Москвы, Россия, Москва

e-mail: kukanov_andrei@mail.ru

Аннотация. В статье в общих чертах рассмотрены основные направления работы местных советских органов в 1938–1941 годах по обеспечению мобилизации Красной армии. На основе документов приведена деятельность Московского городского совета по строительству оборонительных сооружений.

Ключевые слова: местные органы военного управления, местные советские органы, мобилизационная готовность, Моссовет, оборонное строительство.

**TO THE QUESTION OF THE MAIN DIRECTIONS
OF MOBILIZATION WORK LOCAL SOVIET BODIES IN 1938-1941**

Kukanov Andrey Igorevich

Colonel of the reserve, head of the organizational sector,

The second Department of the Moscow Government, Russia, Moscow

e-mail: kukanov_andrei@mail.ru

Annotation. The article outlines the main directions of the work of local Soviet bodies in 1938-1941 to ensure the mobilization of the Red Army. Based on the documents, the activity of the Moscow City Council for the construction of defensive structures is given.

Keywords: local military administration bodies, local Soviet bodies, mobilization readiness, Mossovet, defense construction.

Для Советского Союза предвоенные годы были годами экономического и культурного подъема, роста благосостояния населения. Одновременно в условиях сложившейся в то время международной обстановки Советское правительство направляет основные усилия на укрепление обороноспособности страны.

«Нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную Армию, Красный Флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох» – подчеркивал И.В. Сталин [6, с. 16].

На государственном уровне в то время было принято ряд важных решений, направленных на повышение мобилизационной готовности – стремительно развиваются оборонные отрасли экономики, спешно создаются необходимые государственные резервы и запасы.

В вопросах мобилизационной работы роль Наркомата обороны СССР и Генерального штаба Красной армии значительно возросла. В результате военных преобразований 1935-1939 гг. была создана новая правовая база для развертывания массовой армии. В первую очередь это стало возможным благодаря принятию Закона СССР от 1 сентября 1939 г. *«О всеобщей воинской обязанности»*, который определил состав Вооруженных Сил СССР и закрепил переход к кадровой экстерриториальной системе комплектования.

Вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг. характеризовалась существенными изменениями в мобилизационной системе. В военно-административном отношении вся территория государства была разделена на военные округа. Командующий войсками округа с военным советом при нем несли полную ответственность за мобилизационную готовность всех войск и местных органов военного управления, расположенных на территории округа.

Для обеспечения согласованной и успешной подготовки к войне, как армии, так и народного хозяйства, органы советской власти обязаны были осуществлять взаимодействие с органами управления Красной армии. Отдельно отмечалось, что правильное использование ресурсов народного хозяйства для нужд войсковой мобилизации и реальность мобпланов обеспечиваются постоянной связью в работе между местными органами военного управления и советскими органами в частности [5, с. 247].

Именно военные комиссариаты, как органы местного военного управления, стали рабочим аппаратом местных органов советской власти по выполнению мобилизационных мероприятий.

Основные направления работы местных советских органов по обеспечению мобилизации Красной армии и подготовки к войне населения и народного хозяйства определили, принятые новые нормативные документы:

- Положение о местных органах военного управления, утвержденное приказом Народного комиссара обороны СССР от 19 июня 1938 г. № 0104;

- Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной армии, введенное в действие приказом Народного комиссара обороны СССР от 20 июня 1940 г. № 0130;

- Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления Наркомата обороны СССР, введенное в действие приказом Народного комиссара обороны СССР от 5 марта 1941 г. № 095.

В соответствии с указанными документами местные советские органы должны были:

- проводить оборонное строительство в целях наилучшей подготовки районов к проведению войсковой мобилизации и обслуживанию нужд войны;

- вести учет людских, конских, авто-, мото-, вело-, тракторных ресурсов, тары, заправочного оборудования и проводят мероприятия по увеличению и улучшению ресурсов лошадей, повозок, упряжи и мехтранспорта;

руководить созданием фонда «*Лошадь – Красной Армии*», фонда «*Обороне – повозка с упряжью*» и пр.;

утверждать лимиты изъятия и наряды на поставку мехтранспорта, лошадей, обоза и материальных ресурсов из народного хозяйства на основе заявок, разрабатываемых местными органами военного управления;

обеспечивать постоянную готовность к передаче в Красную армию всех ресурсов по мобилизационным нарядам и проводят контроль за наличием и качеством этих ресурсов;

участвовать в подготовке, проведении призыва и поставке при мобилизации и наравне с местными военными органами нести ответственность за эту работу;

рассматривать и удовлетворять заявки начальника гарнизона на обеспечение мобилизации войсковых частей за счет местных средств;

обеспечивать по заявкам райвоенкоматов политическое культурное, санитарное, ветеринарное и хозяйственное обслуживание сборных и сдаточных пунктов;

проводить подготовку населения к ПВО и ПХО [5, с. 248].

Во исполнение требований руководящих документов Московский городской Совет депутатов трудящихся накануне и в первые месяцы войны проводил большую работу по строительству оборонительных рубежей.

Уже 30 июня 1941 г. первые эшелоны были отправлены на строительство оборонительных сооружений в район Смоленска, а 3 июля отряд московских студентов и старшеклассников (более 3000 человек) отправлен на строительство оборонительных сооружений в район Брянска. В первые же три недели войны на строительство оборонительных сооружений выехало 52 тыс. молодых москвичей, рабочих, служащих, студентов и школьников.

Во исполнение постановления ГКО от 16 июля 1941 г. № 172сс «*О Можайской линии обороны*» около 40 тыс. московской молодежи было

послано на строительство оборонительных сооружений на подступах к Москве [2, с. 294].

В соответствии с постановлением ГКО от 12 октября 1941 г. *«О строительстве третьей линии обороны г. Москвы»* в целях форсированного строительства оборонительных сооружений в порядке трудовой повинности необходимо было мобилизовать 200 тыс. жителей столицы.

В целях осуществления дополнительных работ по укреплению линии обороны под Москвой 22 октября было издано распоряжение Исполкома Моссовета о дополнительной мобилизации населения на строительство первой линии укреплений и противотанковых баррикад в Москве [4, с. 69].

Постановлением Исполкома Московского Совета № 41/5 от 25 октября *«О строительстве линии укреплений под Москвой»* в целях окончания работ по строительству линии укреплений под Москвой было привлечено все трудоспособное население.

На строительство линии укреплений под Москвой районным Советам в обязательном порядке необходимо было мобилизовать автотранспорт (кроме оборонных заводов и транспорта, работающего на перевозке продовольствия), строительные механизмы и необходимые материалы [3, с. 69].

Были проведены заградительные работы на магистралях, ведущих к Москве, заминированы шоссе и мосты. В окрестностях столицы были вырыты противотанковые рвы и окопы, устроены лесные завалы.

На территории города были определены три рубежа обороны: 1-й – вдоль Окружной железной дороги, 2-й – по Садовому кольцу и 3-й – по Бульварному кольцу. На этих рубежах возводились баррикады, устанавливались противотанковые надолбы и «ежи», сооружались долговременные огневые точки [4, с. 69].

Председатель Исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся В.П. Пронин 25 ноября 1941 г. письменно докладывал в

Государственный Комитет Обороны: *«Постановление Государственного Комитета Обороны о строительстве укрепленной линии обороны под Москвой выполнено...»*

Всего построено на этой линии укреплений 1428 артиллерийских и пулеметных дотов и дзотов, 165 км противотанковых рвов, поставлено 111 км трехрядной колючей проволоки и большое количество баррикад и противотанковых ежей. Всего на строительстве этих линий укреплений участвовало более 100 тыс. москвичей, главным образом женщин» [2, с. 286].

Советское правительство высоко оценило героический труд москвичей. 5 марта 1942 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников строительства. 252 человека были удостоены высоких правительственных наград. Среди награжденных были работницы московских заводов и фабрик, учителя. 530 человек были награждены грамотами Московского Совета [1, с. 109].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алещенко Н.М. Московский Совет в 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1980. 342 с.
2. Выстояли и победили: Документы и материалы / Институт истории партии МГК и МК КПСС – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Государственный архив Московской области. – М.: Московский рабочий, 1966. 402 с.
3. Москва в годы Великой Отечественной войны. Аннотированный указатель документов Мосгорисполкома июнь 1941 г. – июнь 1945 г. – М.: Главное архивное управление города Москвы, Центральный государственный архив города Москвы, 2014. 1072 с.
4. Моссовет на защите Москвы. Каталог-справочник выставки к 75-летию обороны столицы. – М.: Московская городская Дума. 2016. 200 с.

5. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2-1). Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: Терра, 1994. 362 с.
6. Сталин И.В. Ответ товарищу Иванову Ивану Филипповичу // Ленинский путь. 1938. № 26. С. 1-2.

РАЗДЕЛ V. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И НАРОДЫ СССР

УДК 93/94

Сапожников Максим Викторович

ХРОНИКА ГИБЕЛИ УДАРНОЙ ГРУППИРОВКИ 50-Й АРМИИ В ДОЛИНЕ СМЕРТИ В ФЕВРАЛЕ 1942 ГОДА

аспирант института истории и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», Россия, Калуга

e-mail: krasnopivzev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной странице битвы за Москву – хронике боев окруженной войсками вермахта ударной группировки войск 50-й Армии Западного фронта на территории Мосальского и Юхновского районов современной Калужской области с 6 по 15 февраля 1942 г. на участке, называемом Долиной смерти.

Ключевые слова: Московская битва, 50-я армия, Долина смерти, Варшавское шоссе, Западный фронт

CHRONICLE OF THE LOSS OF THE 50TH ARMY'S STRIKE FORCE IN THE VALLEY OF DEATH IN FEBRUARY 1942

Maxim V. Sapozhnikov

postgraduate student of the Institute of History and Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky», Kaluga, Russia

e-mail: krasnopivzev@mail.ru

Annotation. The article is devoted to a little-studied page of the battle for Moscow - a chronicle of fights of encircled by Wehrmacht troops shock group of the 50th Army of the Western Front on the territory of Mosalsky and Yukhnovsky districts of modern Kaluga region from February 6 to 15, 1942 in the area referred to as the Valley of Death.

Keywords: Battle of Moscow, 50th Army, Death Valley, Warsaw Highway, Western Front

В литературе о боевых действиях частей Западного фронта РККА на южном фланге битвы за Москву достаточно подробно изложена история его наступательных операций декабря 1941 – января 1942 гг., увенчавшихся освобождением многих городов и райцентров тогдашних Московской и Тульской областей, в том числе Калуги. Гораздо меньше известно о дальнейшем боевом пути этих войск. Данное сообщение призвано отчасти восполнить этот пробел реконструкцией хроники боев, которые ударная группировка 50-й армии Западного фронта вела в феврале 1942 г. за контроль над участком Варшавского шоссе – важнейшей транспортной артерии гитлеровской группы армий «Центр».

1.02.1942 г. штабом гитлеровского 57-го моторизованного армейского корпуса был отдан приказ 52-й пехотной дивизии о снятии передовых позиций с фронта для использования зачистки территории в долине р. Лидия от частей Красной армии [2, л. 508]. Задача дивизии состояла в том, чтобы «по прибытии всех частей – однако не позднее чем 6.02, путем атаки из района Ситское на Вышнее закрыть брешь между 137-й пехотной дивизией и 19-й танковой дивизией, при этом окончательно заблокировать для врага долину р. Лидия и на линии Вышнее-Ситское, разгромить наступающего на север врага [2, л. 508].

6.02 гитлеровцы превосходящими силами овладели Вышним, а затем ударом со стороны Вышнего и Ситского перерезали коммуникации ударной группы 50-й армии и тем самым замкнули кольцо ее окружения [7, л. 23], в котором оказались 154-я, 173-я, 340-я, 344-я и 413-я советские стрелковые

дивизии и 32-я танковая бригада, обескровленные в предшествующих боях [3, с.19].

7.02 163-й пехотный полк вермахта отразил две танковые контратаки с севера, а 41-й пехотный полк немцев сдерживал атаки с юго-востока [2, л. 509].

8.02 силами 336-й стрелковой дивизии и частями 290-й стрелковой дивизии был атакован весь южный фронт от Вышнего до Ситского [2, л. 509]. Для советских войск в долине р. Лидия ситуация усугублялась тем, что с 4.00 09.02 и до последнего сеанса радиосвязи немцами была расшифрованы все переговоры между 50-й армией и частями, оказавшимися в окружении [2, л. 510].

Днем 9.02 части 336-й стрелковой дивизии смогли вклиниться в немецкие боевые порядки в районе Вышнего. Однако противник остановил их продвижение сильным заградительным огнем, а после перегруппировки сил сводная группа из подразделений 57-го армейского корпуса немцев перешла в контратаку и восстановила положение, ликвидировав угрозу прорыва кольца окружения извне. Потери 336-ой дивизии только в этом бою составили более 300 человек убитыми [1, с. 18-19]. Такие лобовые атаки без взаимодействия с собственной артиллерией и практически в отсутствие поддержки танков приводили к большим безвозвратным потерям. Оставшиеся в живых атакующие залегали под головы огнем и отходили на исходные позиции.

Контроль воздушного пространства со стороны немцев, а также особенности местности и ограниченность территории, занимаемой окруженцами, практически исключили возможность снабжения советских войск по воздуху. От полного истощения солдат спасало мясо убитых лошадей. От советских военнопленных немцам стало известно, что окруженные части уже четыре дня не получали продовольствия и питались только кониной. Единственное, что им удалось доставить – соль, которая была сброшенная ночью с самолетов [2, л. 510]. Заканчивались у окруженцев и боеприпасы.

12.02. в 14.00 окруженными частями было получено приказание штаба 50-й армии о наступлении, который предписывал в 17.00 того же дня совершить прорыв всеми силами в направлении Купятино – Вышнее. Снаружи поддерживать прорыв должны были две дивизии, наступавшие с юга. Данный приказ также был перехвачен немцами [2, л. 511; 6, с. 91].

Вследствие неготовности советских войск прорыв был отложен почти на сутки. Его первая попытка не увенчалась успехом из-за крайне неудовлетворительного управления войсками и отсутствия координации действий со стороны штаба группы и ее командира генерал-майора А.Д. Терешкова [6, с. 39-40].

Утреннюю атаку на Вышнее 13.02 противник встретил сильным огнем и после упорного боя наши части вынуждены были отступить и занять круговую оборону [7, л. 22-25]. В этом бою наши солдаты понесли серьезные потери и были рассеяны на мелкие группы. Управление прорывавшимися войсками оказалось окончательно утраченным. Днем немцы, используя свое огневое превосходство, перешли в контратаку, в ходе которой им удалось определить сектор концентрации наших войск. После этого вражеские артиллерийские батареи накрыли плотным огнем порядки советской пехоты. Остатки окруженных дивизий упорно оборонялись на неподготовленных позициях. Бойцы 154-й, 173-й и 340-й стрелковых дивизий отошли назад только вслед за 413-й дивизией, отведенной генералом Терешковым в самый разгар боя [6, с. 39-40]. В документах вермахта констатировалось: *«Противник снова вернулся в главный лагерь. Хоть и его ударная сила казалась сломленной, но он, подстрекаемый офицерами и комиссарами, с отчаянной храбростью оборонялся. Котел был теперь совсем узок»,* а также: *«Артиллерия больше не могла действовать, не подвергая опасности пехоту. В тесноте котла уже происходили взаимные обстрелы штурмовых групп»* [2, л. 512].

С целью прорвать кольцо окружения извне бойцы серьезно поредевшего 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии, оцененные

противником как силы численностью до батальона, трижды поднимались на штурм позиций 52-ой пехотной дивизии противника в Вышнем, но выбить немцев из траншей не удалось. Каждый второй красноармеец, принимавший участие в этой атаке, был либо убит, либо ранен [3, с. 19].

Тогда же командование 50-й армии предприняло еще один шаг, который не принес успеха, а, напротив, только увеличил потери и ухудшил и без того катастрофическое положение с боеприпасами: значительные силы оказались повернуты обратно на север и брошены в наступление на высоту 186,1.

В ночь на 15 февраля остатки окруженных дивизий и танковой бригады еще раз пошли на прорыв немецкой обороны в лесном массиве между д. Вышнее и Ситское. Основная часть советской артиллерии была к этому времени выведена из строя. Оставшиеся исправными орудия, к которым еще имелись боеприпасы, были распределены по нескольким батареям и создавали наступающим огневой заслон от атак гитлеровцев с тыла. Все тяжелое вооружение и материальную часть, сковывавшие свободу маневра, было оставлено на позициях [9, л. 27].

Трагической была судьба оказавшихся в окружении советских тяжелораненых. Почти все солдаты, находившиеся в полевых госпиталях, при прорыве были оставлены частично в блиндажах, частично в окопах, и через несколько дней уничтожены немцами. Часть из них умерла от переохлаждения. Только один экипаж Т-34 из 32-й танковой бригады под командованием лейтенанта Н. Колесникова [5, с. 113], три раза прорывался в тыл врага, смог отыскать и вывести в боевом отделении танка и на броне 50 человек [10, л. 63].

В голове атакующей группы действовали бойцы, собранные со всех частей и вооруженные большим количеством ручных гранат и пистолетами-пулеметами. Руководил группой командир 473-го стрелкового полка полковник М.П. Краснопивцев, один из героев освобождения Калуги, который

погиб при прорыве [8, л. 113-114]. За автоматчиками двигалась усиленная сводная рота стрелков, за ней следовала основная масса войск [1, с. 19].

Первую линию немецкой обороны остатки наших частей преодолели с потерями, но сохраняя относительный порядок построения. При продвижении ко второй линии немецкой обороны хаос в боевых порядках нарастал с обеих сторон. В итоге оборона противника оказывалась разбитой на отдельные очаги сопротивления, которые красноармейцы штурмовали под кинжальным фланговым огнем немецких пулеметов.

Рано утром 15.02 лесной массив был планомерно прочесан противником. Даже после завершения основных боев во многих местах гитлеровцам приходилось подавлять ожесточенное сопротивление отдельных групп советских солдат и командиров [2, л. 512]. Изможденные голодом и напряжением многодневных боев, солдаты окруженных подразделений разрозненными группами под огнем противника в беспорядке стали выходить из леса навстречу своим товарищам из 336-й и 290-й стрелковых дивизий 50-й армии [1, с. 20].

По советским данным, с 1 по 15.02.1942 г. в ходе боев в этом районе было убито и ранено 8 090 чел., подбито 37 артиллерийских орудий [4, с. 647]. По уточненным позже данным потери составили 10 186 чел. [6, с. 136]. По данным вермахта, потери советских войск составили 1 790 чел. пленными, среди которых было большое количество офицеров, и 5 100 чел. убитыми. Общие потери усиленной 52-й пехотной дивизии вермахта за указанный период составили 42 офицера и 1618 унтер-офицеров и рядовых [2, л. 513]. К марту 1942 г. фронт в этом районе стабилизировался по линии Варшавского шоссе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. <https://geoportal40.ru/memorial/about/doc/Mosalskij%20rajon.pdf>.

Боевое донесение 40 армейского корпуса о бое в долине реки Лидия.

2. Книга Памяти /Авт.-сост. Т.В. Романова. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. Т.12. – 560 с.
3. Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941-45, Калужская область, Т.6. – Калуга: ГУП «Облиздат», 2000. – 772 с.
4. Панков Ф.Д. Огненные рубежи: Боевой путь 50-й армии в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1984. – 248 с.
5. Сапожников В.В. Уходя в поисковые дали. – Калуга: РПА «Креатив центр». 2003. 148 с.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) Ф. 1657. Оп. 1. Д. 7.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 113.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1735. Оп. 2. Д. 22.
9. ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 49

Изонов Виктор Владимирович

**ОПЫТ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 20-Й АРМИИ ПРИ ПРОРЫВЕ
ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА НА Р. ЛАМА 10 ЯНВАРЯ 1942 Г.
СОСРЕДОТОЧЕНИЯ УСИЛИЙ АРТИЛЛЕРИИ. К 80-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОЙ БИТВЫ**

доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН,
главный научный сотрудник 1 управления, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, Москва

e-mail: vv8288@yandtx.ru

Аннотация. Статья посвящена подготовке прорыва обороны противника в ходе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции – одной из крупнейших операций Московской битвы 1941-1942 гг. В ней содержится анализ событий, связанных с созданием ударной группировки и артиллерийской группировки 20-й армии, действовавшей на главном направлении фронта в операции. На архивных материалах изложены новые факты и дана картина первого дня прорыва вражеской обороны на плацдарме на западном берегу р. Лама. В статье не рассматриваются вопросы организации и ведения операции и боев.

Ключевые слова: 20-я армия; ударная группировка; артиллерийская группировка; артиллерийская подготовка.

**THE EXPERIENCE OF COMBAT OPERATIONS OF THE 20TH ARMY
DURING THE BREAKTHROUGH OF ENEMY DEFENSES ON THE
LAMA RIVER ON JANUARY 10, 1942. CONCENTRATION OF
ARTILLERY EFFORTS. TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE
BATTLE OF MOSCOW**

Viktor V. Izonov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the 1st Department, Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Russia, Moscow

e-mail: vv8288@yandtx.ru

Annotation. The article is devoted to the preparation of a breakthrough of the enemy's defense during the Rzhev-Vyazma strategic offensive operation – one of the largest operations of the Moscow Battle of 1941-1942. It contains an analysis of the events related to the creation of the strike group and the artillery group of the 20th Army, which operated in the main direction of the front in the operation. The archival materials present new facts and give a picture of the first day of the breakthrough of the enemy defense at the bridgehead on the west bank of the Lama River. The article does not address the issues of organizing and conducting operations and battles.

Keywords: 20th army; shock group; artillery group; artillery training.

Советское военно-политическое руководство встретило новый 1942 г. с явным оптимизмом. В связи с устранением угрозы захвата врагом Москвы и переходом стратегической инициативы на сторону Красной армии оно приняло ряд мер по развитию успеха на фронте. Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной армии осуществляли подготовку к новым наступательным операциям Красной армии.

При подготовке Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции важное место в действиях войск правого крыла Западного фронта (командующий – генерал армии Г.К. Жуков) отводилось соединениям и воинским частям 20-й армии. Оперативное объединение, под командованием генерал-майора А.А. Власова, действуя на главном направлении фронта, должно было прорвать в условиях зимы сильную очаговую оборону вражеских войск западнее г. Волоколамск (схема 1).

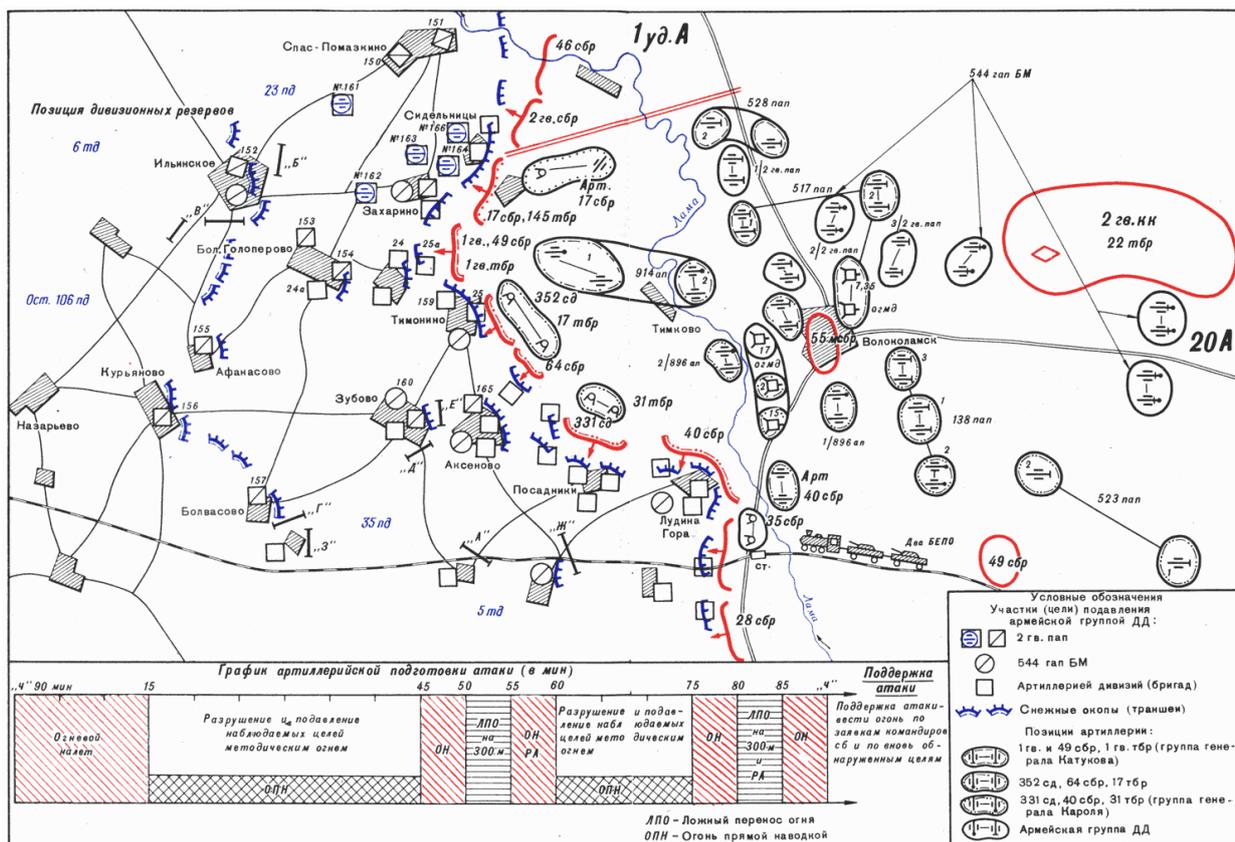

Схема 1. Группировка и огонь артиллерии 20-й армии в артиллерийскую подготовку 10 января 1942 г.

В соответствии с директивой штаба Западного фронта от 6 января войска его правого крыла готовились к прорыву оборонительного рубежа врага на р. Лама. Причем ударную группировку здесь не предусматривалось усиливать резервам Ставки ВГК. Она создавалась в основном за счет самой 20-й армии, а также соседних объединений. В состав ударной группировки входили 331, 352-я стрелковые дивизии, 28, 35-я отдельные стрелковые и 64-я отдельная морская стрелковая бригады, 517-й артиллерийский полк РВГК, 7-й и 15-й отдельные гвардейские минометные дивизионы, 134-й и 135-й отдельные танковые батальоны, 226-й моторизованный инженерный батальон и 127-й отдельный саперный батальон. В состав ударной группировки из 1-й ударной (командующий – генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) и 16-й (командующий – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) армий было передано 3 кавалерийские дивизии, 4 стрелковые бригады, 5 стрелковых полков, 5 лыжных стрелковых батальонов, 50 танков, 321 орудие и миномет [3, с. 63]. На поддержку прорыва

выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять противовоздушную оборону операции назначена 47-я истребительная авиадивизия.

Но почему командующий войсками Западного фронта генерал армии Г.К. Жуков поступил именно так? Причин тут немало. Во-первых, 20-я армия занимала выгодное оперативное положение, захватив в ходе предшествовавшей операции важный оперативный плацдарм на западном берегу р. Лама. Во-вторых, армия должна была наступать вдоль Волоколамского шоссе, а это давало ей значительные преимущества перед соседними армиями при решении вопросов маневра и подвоза материальных средств в условиях глубокого снежного покрова. Иными словами, она имела возможность подготовиться к наступлению в самые сжатые сроки. В-третьих, не получив от Ставки ВГК пополнения, Георгий Константинович за счет предельного ослабления второстепенных направлений осуществил массирование сил и средств на главном направлении. Все это показывает, насколько серьезно и продуманно командующий фронтом готовил данную операцию, в которой, в частности, впервые за войну он создал самую высокую плотность артиллерии на участке прорыва.

В полосе армии противник в составе боеспособных резервных 35-й (генерал артиллерии Р.Ф. фон Роман), 106-й (генерал-майор Э. Деннер) пехотных дивизий, 5-й (генерал танковых войск Г. Фен) и 6-й (генерал-лейтенант Э. Раус) танковых дивизий создал сильную очаговую оборону, из системы опорных пунктов и узлов сопротивления. Они не раз переходили в контратаки против наших войск.

Более того, прочной обороне в значительной мере способствовали условия местности и зимняя погода. *«Густота населенных пунктов и глубокий снежный покров не позволяли обходить укрепленные узлы немцев. В связи с чем приходилось вести бои за каждую деревню, за каждый участок местности. Это вызывало задержку наступления...»* [3, с. 71].

В целом соотношение сил и средств в полосе наступления 20-й армии составило: по пехоте – 3:2,1 по орудиям – 3,5:1, по минометам – 4:1 и по танкам – 2:1 в пользу ее войск [8, л. 87].

Успех прорыва оборонительного рубежа войсками 20-й армии в значительной степени зависел от надежного поражения обороняющегося противника огнем артиллерии.

В результате маневра артиллерией РВГК из соседних 1-й ударной и 16-й в полосе 20-й усилиями начальника артиллерии генерал-майор артиллерии П.С. Семенова была создана довольно сильная по тому времени артиллерийская группировка. За плечами Петра Сергеевича были Гражданская и Советско-финляндская войны, Севастопольские артиллерийские курсы и артиллерийские курсы усовершенствования командного состава, после чего он продолжил службу в строевых артиллерийских воинских частях. Великую Отечественную войну полковник П.С. Семенов начал в качестве начальника артиллерии стрелковой дивизии, затем 50-й армии. При обороне Москвы командовал артиллерией 20-й армии.

Армия, действуя в полосе шириной до 20 км, прорывала оборону противника на участке 8 км. [10, л. 18-19.] Из 668 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии (РА), находившихся в полосе армии, на участке прорыва имелось 492 (кроме того, 85 орудий и минометов в составе подвижной группы (ПГ) в составе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерала И.А. Плиева и резерва армии 22-й танковой бригады (подполковник И.П. Ермаков), что обеспечивало плотность свыше 60 орудий, минометов и боевых машин РА, или 4-5 дивизионов, на 1 км фронта [6, с. 84].

В итоге, на участке прорыва армии, составлявшем 40% всей ширины полосы наступления, было сосредоточено 86% всей артиллерии армии, однако в артиллерийской подготовке участвовало лишь до 74%. [1, с. 22].

Тактические плотности артиллерии в соединениях были еще выше. Например, в 352-й стрелковой дивизии (полковник Ю.М. Прокофьев) на двухкилометровом участке прорыва было сосредоточено свыше 110 орудий, минометов и боевых машин РА всех калибров, что обеспечивало плотность артиллерии 57 орудий и минометов на 1 км участка прорыва [1, с. 130-131. Прил. 1]. Плотность 60–70 орудий на 1 км фронта в январе 1942 г. означала решительный поворот к массированию артиллерии на участках прорыва [1, с. 22].

Утром 10 января, несмотря на сильную метель, после полтора часовой артиллерийской подготовки, войска 20-й армии под командованием генерал-майора А.А. Власова перешли в наступление. Авиация действовать не могла. Преодолевая упорное сопротивление противника, соединения армии за день боя продвинулись всего на 2-3 км. В документах разгромленного штаба полка 6-й танковой дивизии в д. Захарино был найден приказ Гитлера от 3 января 1942 г., с требованием: *«Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты, – вот чего требует текущий момент. Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником»* [Цит. по: 4, с. 273].

Власов искал способ увеличить темп прорыва обороны. Однако его намерение помочь войскам первого эшелона за счет ввода подвижной группы не нашло поддержки у генерала армии Г.К. Жукова. Командующий фронтом разрешил использовать ее лишь тогда, когда будет прорвана оборона противника. *«Иначе –», подчеркивал он, – ввод конницы никакого эффекта не даст, а приведет только к ее уничтожению»* [9, л. 91].

На следующий день противник трижды переходил в контратаки, пытаясь восстановить утраченное положение, но цели своей не достиг. Впрочем, атаки соединений и воинских частей 20-й армии тоже были

малоуспешными. Одной из причин этого были недостатки в проведении артиллерийской подготовки атаки. Несмотря на то что плотность подавления во время огневых налетов возрастала, добиться высокой степени подавления противника и снижения его воли к сопротивлению все же не удалось. Это объяснялось тем, что в периоды подавления и разрушения наблюдаемых целей интенсивность огня резко падала. Плохая видимость практически исключала поражение конкретных целей огнем артиллерии. Противник дважды получал некоторую передышку для восстановления боеспособности.

Верховный главнокомандующий И.В. Сталин полагал, что недостаток сил и средств можно было компенсировать умелыми действиями войск, для чего потребовалось *«заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением»* [2, с. 286]. Последнее означало, что артиллерия должна наступать вместе с пехотой, вести огонь в течение *«всего наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину»*, и что артиллерия *«должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударных группы армии, фронта...»* [7, л. 11-17].

Эти принципы излагались в директивном письме Ставки ВГК, которое в ночь на 10 января 1942 г. по прямому проводу было направлено военным советам фронтов и армий [5, с. 13-16].

В итоге директива сыграла положительную роль в развитии принципов массирования сил и средств и боевого применения артиллерии в наступлении. Однако острая нехватка боеприпасов в тот период сводила на нет все очень правильные теоретические установки Ставки ВГК.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Артиллерия в бою и операции / Г.Е. Передельский, А.И. Токмаков, Г.Т. Хорошилов. – М.: Воениздат, 1980. 136 с.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. – М.: Наука, 1998. 544 с.
3. Разгром немцев под Москвой. – М.: Воениздат, 1943. Ч. 3. 144 с.
4. Сандалов Л.М. На московском направлении. М.: – Наука, 1966. 376 с.
5. Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1969. Вып. 2: Январь – декабрь 1942 года. 548 с.
6. Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Воениздат, 1960. 364 с.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 3. Оп. 11556. Д. 6.
8. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1457.
9. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427.
10. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 5300. Д. 23.

Лашков Алексей Юрьевич¹, Курашов Владимир Игоревич²

**ПРОТИВОВОЗДУШНЫЙ ЩИТ «ДОРОГИ ЖИЗНИ» НА
ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ (12 сентября 1941 г. – апрель 1942 г.)**

¹доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Россия, Москва
e-mail: lashkov3@yandex.ru

²полковник, кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
Россия, Москва
e-mail: kvizrp@yandex.ru

Аннотация. В статье отражена деятельность советской группировки противовоздушной обороны по организации защиты транспортной магистрали в южном районе Ладожского озера с начала установления сухопутной блокады Ленинграда до апреля 1942 года.

Ключевые слова: Ленинград, Ладожское озеро, «Дорога жизни», Ладожская военная флотилия, авиация, противовоздушная оборона.

**ANTI-AIRCRAFT SHIELD "ROADS OF LIFE" ON LAKE LADOGA
(September 12, 1941 – April 1942)**

Alexey Lashkov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the
Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the
Armed Forces of the Russian Federation, Russia, Moscow

e-mail: lashkov3@yandex.ru

Kurashov Vladimir

Colonel, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Research
Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed
Forces of the Russian Federation Russia, Moscow

e-mail: kvizrp@yandex.ru

Annotation. The article reflects the activities of the Soviet air defense group to organize the protection of the transport highway in the southern area of Lake Ladoga from the beginning of the establishment of the land blockade of Leningrad until April 1942.

Keywords: Leningrad, Lake Ladoga, «*Road of Life*», Ladoga military Flotilla, aviation, air defense.

8 сентября 1941 г. подвижные соединения немецко-фашистской группы армий «Север» вышли к южному побережью Ладожского озера и захватили г. Шлиссельбург. В результате г. Ленинград оказался отрезанным от «*Большой земли*» (неокупированной части советской территории). С этого дня была установлена длительная блокада города на Неве по суше. Немного позднее финские войска сумели захватить значительный участок на северном берегу р. Свирь и перерезать Кировскую железную дорогу и Волго-Балтийский путь. Единственной транспортной коммуникацией, по которой шло снабжение блокированного Ленинграда, оставалась железная дорога по маршруту Вологда – Череповец – Волхов. В этой связи большое значение приобрела Шлиссельбургская губа Ладожского озера. Ранее, 30 августа 1941 г., Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление № 604сс «О

транспортировке грузов для Ленинграда». В нем Наркомату Военно-морского флота (НКВМФ) и Наркомату речного флота (НКРФ) было предписано «*выделить 75 озерных барж по одной тысяче грузоподъемности каждая и 25 буксиров, обеспечивая курсирование ежедневно по 12 барж с грузом от пристани Лодейное поле до Ленинграда*» [1, л. 75]. От пристани Волхов также предусматривалось отправлять ежедневно в город на Неве до семи барж. Сопровождение перевозок по Ладожскому озеру было возложено на Ладожскую военную флотилию (ЛВФ), сформированную 5 июля 1941 г. [2, л. 55]. Позднее она была подчинена Военному совету Ленинградского фронта (ЛФ). Часть судов ЛВФ имела на вооружении зенитные орудия и крупнокалиберные пулеметы.

В конце осени того же года, с установлением в районе Шлиссельбургской губы достаточно прочного ледяного покрытия, в соответствии с приказом командующего войсками ЛФ генерал-лейтенанта М.С. Хозина № 00172 от 19.11.1941 г. «*Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро*» был проложен соответствующий транспортный маршрут. С 26 ноября он официально получил название «*Военно-автомобильная дорога № 101*» (ВАД-101). Еще с сентября 1941 г. указанная транспортная магистраль (водное сообщение) стала называться «*Дорогой жизни*». Ее общая протяженность в зимнее время составляла практически 44 км (из них около 30 – по льду Ладожского озера) по маршруту: мыс Осиновец – острова Зеленцы с разветвлением на Кобону и на Лаврово. В связи с близостью ВАД к позициям противника (до 10-15 км) имелась реальная угроза ее обстрелов со стороны вражеской артиллерии и налетов люфтваффе.

Если в сентябре 1941 г. немецко-фашистская авиация ограничивалась в районе водного пути лишь разведывательными полетами, то уже в следующем месяце перешла к бомбоштурмовым действиям. Так, в октябре 1941 г. на объекты западного берега Ладожского озера (по маршруту водного

сообщения) было произведено 58 воздушных налетов, в которых участвовало 175 самолетов противника [3, с. 87]. В дальнейшем интенсивность налетов значительно возросла. С октября по ноябрь 1941 г. для воздушных атак на магистраль немецкое командование задействовало свыше 8500 самолетов [4, с. 72].

Для организации борьбы с вражеской авиацией к середине октября 1941 г. на западном берегу Шлиссельбургской губы, в районе ст. Ладожское озеро – ст. Ваганово – Осиновец, были сосредоточены следующие зенитные средства: 25-й и 432-й (без одной батареи) отдельные зенитные артиллерийские дивизионы (озадн) и две отдельные железнодорожные батареи (31 орудие среднего калибра (СК), 9 орудий малого калибра (МК) и 8 прожекторов). Созданная на восточном берегу губы перевалочная база в Кобоне была прикрыта огнем 225 озадн и 30-й батареи зенитной артиллерии (ЗА) МК (8 пушек СК и 4 пушки МК) [3, с. 87]. На островах Зеленцы была размещена одна зенитная батарея МК из состава 21 озадн. Железнодорожные станции Жихарево и Войбокало прикрывались каждая одним зенитным артиллерийским дивизионом (253-й и 447-й), за счет некоторого ослабления ПВО г. Волхова [3, с. 88].

Для организации прикрытия транспортной магистрали (с прилегающими станциями, пристанями, базами и складами) от воздушных налетов противника были задействованы Ладожский (Осиновецкий) и Свирский бригадные районы ПВО. Последний (командующий – полковник Ф.А. Ламинский до 3 октября 1941 г.) обеспечивал защиту трассы и ее объектов на восточном берегу Ладожского озера. Основную нагрузку по прикрытию магистрали (с объектами на западном участке) выполнял Ладожский бригадный район ПВО (создан 22 сентября 1941 г. путем переименования Лужского бригадного района ПВО; командующий – генерал-майор артиллерии С.Е. Прохоров) [5, с. 329].

С октября 1941 г. для прикрытия водного сообщения через Ладожское озеро стала выделяться истребительная авиация (ИА) из состава 7-го истребительного авиакорпуса (иак), которая осуществляла патрулирование в охраняемой зоне [6, с. 150]. В течение октября – декабря того же года на патрулирование и отражение налетов на Ладожский водный путь (ледовую дорогу) корпус произвел 1836 самолето-вылетов (около 42% от общего количества) и сбил при этом 37 самолетов противника [7, с. 293].

Особое значение «Дорога жизни» по льду Ладожского озера приобрела в начале 1942 г. после того, как в результате проведенной нашими войсками Тихвинской наступательной операции (16 октября – 18 ноября 1941 г.) соединения и части противника были отброшены от г. Тихвина и было восстановлено прерванное железнодорожное движение на участке Тихвин–Войбокало. Это позволило значительно повысить объем грузоперевозок по «ледовой трассе» и одновременно потребовало усилить ее защиту от ударов с воздуха. К началу 1942 г. противовоздушная оборона ВАД располагала значительными средствами (табл.).

Таблица

Количественный состав средств ПВО, находившихся на обороне Ладожской ледовой трассы (к 1.01.1942 г.) [8, с. 115]

Наименование	Количество средств ПВО			
	На обороне объектов на западном берегу Ладожского озера	На обороне объектов на восточном берегу Ладожского озера	На обороне ледовой трассы	Всего
Орудий СЗА	36	32	-	68
Орудий МЗА	-	14	14	28
Зенитных пулеметов	2	19	27	48
Зенитных прожекторов	5	31	-	36
Экипажей ИА	-	-	-	30–40

В феврале 1942 г., в связи со строительством складов и перевалочных баз в Морье и Лаврово, для целей противовоздушной обороны Морье была

выделена 3-я отдельная железнодорожная батарея (ождб), а на ПВО Лаврово – 251 озадн, имевшие в своем составе 16 зенитных орудий СК. В следующем месяце создается Восточная оперативная группа (ОГ) ВВС Ленинградского фронта. В ее состав вошли авиаполки, прикрывавшие восточную часть ледовой трассы и район Жихарево–Войбокало (3 и 4 гв. иап) ВВС Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), 159 иап фронтовой авиации и полки, прикрывавшие железную дорогу на участке Волхов–Тихвин (154 и 196 иап ВВС фронта) [3, с. 89–90].

В зимний период 1941–1942 гг. авиация противника проявляла относительно невысокую активность в районе ВАД и ближайших к ней железнодорожных станций. В период декабря 1941 г. – апреля 1942 г. в зоне ответственности Ладожского бригадного района ПВО было зафиксировано 1477 самолето-пролетов немецко-фашистской авиации. За этот период средства бригадного района сбили 51 неприятельский самолет [3, с. 90].

В апреле 1942 г. в связи с потеплением и таянием льда на Ладожском озере батареи ЗА МК и зенитные пулеметы были сняты с обороны трассы.

С возобновлением действия водного пути в соответствии с постановлением ГКО-1568с от 9 апреля 1942 г. «*Об обеспечении топливом Наркомморфлота и Наркомречфлота к навигации 1942 года*» командующему КБФ была поставлена задача обеспечить зенитными установками речные суда, предназначенные для перевозки грузов в навигацию. С этой целью ЛВФ было выделено девять орудий МК и 109 пулеметов ДШК. В свою очередь командующий войсками ЛФ потребовал надежно обеспечить прикрытие авиацией караванов на Ладожском озере и на местах погрузок, продолжить совершенствование системы ПВО перевалочных баз и пристаней.

В соответствии с планом противовоздушной обороны, утвержденным Военным советом ЛФ, (на период летней навигации 1942 г.), силы и средства ЗА были распределены следующими образом:

объекты западного берега озера обороняла Осиновецкая зенитная артиллерийская группа (ЗАГ: 20, 25 и 432 озадн, 1 и 2 ождб и взвод МЗА КБФ: 44 орудия СЗА, 7 орудий МЗА, 21 зенитный пулемет и 21 прожектор);

объекты восточного берега прикрывала Кобонская ЗАГ (225, 251 и 434 озадн, две батареи 37 и 391 озадн, батареи 65 озадн МЗА и 124 озплр: 41 орудие СЗА, 14 орудий МЗА, 40 зенитных пулеметов и 19 прожекторов);

железнодорожные станции Жихарево и Войбокало, аэродром Выстав обороняли 253 озадн, три взвода МЗА 128-й стрелковой дивизии (сд), взвод МЗА 21 озадн и 513-я отдельная батарея КБФ: 16 орудий СЗА, 8 орудий МЗА, 8 зенитных пулеметов и 12 прожекторов.

Защита зенитной артиллерией объектов, расположенных на удалении от побережья, была круговой и строилась по общим правилам.

Воздушное прикрытие участка Ладожского озера и железных дорог обеспечивали следующие силы и средства ИА: 123 иап 7 иак ПВО (аэродром Углово), 4 гв. иап и 11 иап КБФ (аэродром Выстав и Н. Ладога), 159 иап (аэродром Шум), 154 и 158 иап (аэродром Плеханово) ВВС фронта. Боевой состав этих частей в течение летней навигации насчитывал 65–75 боеготовых экипажей [3, с. 91].

В дальнейшем перемена воздушной обстановки в южной части Ладоги потребовало структурных изменений в организации противовоздушной обороны водной и прибрежной транспортной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 195.

3. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 2. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1955.
4. Светлишин Н.А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. – М.: Наука, 1979.
5. Голотюк В.Л., Цапаев Д.А. Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн 1941–1945 гг. – М.: ООО «АРТКРАС», 2013.
6. Войска противовоздушной обороны страны / Исторический очерк. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968.
7. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1954.
8. Отчет по теме НИР *«Войска ПВО страны в цифрах и фактах»*. Гл. III. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Калинин, 1971.

Ворсин Владимир Федотович, Снегова Юлия Викторовна
ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

кандидат военных наук, старший научный сотрудник
старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, Москва,
e-mail: vorsin_vf@mail.ru

научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, Россия, Москва,
e-mail: Snegova_Ulia@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются главные направления тылового обеспечения Красной армии в оборонительных операциях Сталинградской битвы

Ключевые слова: оборонительные операции под Сталинградом; тыл фронтов; тыловое обеспечение; транспорт; запасы материальных средств; мобилизационные резервы.

THE REAR OF THE RED ARMY IN THE BATTLE OF STALINGRAD

Vladimir F. Vorsin

scientist of Researcher at the Research Institute of Military History of the RF
Armed Forces General Staff Military Academy, Ph.D (Military Sciences),
Senior Researcher, Russia, Moscow
e-mail: vorsin_vf@mail.ru

Yuliya V. Snegova

scientist of Researcher at the Research Institute of Military History of the RF

Armed Forces General Staff Military Academy, Russia, Moscow

e-mail: Snegova_Ulia@mail.ru

Summary. The article reveals the main directions of logistics of the Red Army in the defensive operations of the Battle of Stalingrad.

Key words: defensive operations near Stalingrad; rear of fronts; logistic support; transport; material supplies; mobilization reserves.

Условия, в которых работал тыл Сталинградского фронта (начальник тыла фронта генерал-майор Н.П. Анисимов) в период оборонительных операций (с 17 июля по 18 ноября 1942 г.), были исключительно сложными. Формирование тыловых частей и учреждений к началу первой оборонительной операции завершено не было. Фронт начал формироваться 12 июля, а 17 июля уже начались оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду [3, с. 88].

Созданные тыловые части были слабо укомплектованы личным составом, табельным имуществом, транспортными средствами и подвижными емкостями для хранения горюче-смазочных материалов (ГСМ). Так, укомплектованность фронтового автотранспорта не превышала 70%, а армейского и особенно дивизионного составляла в среднем не более 40%. Фронт имел только три склада ГСМ, два отдельных автомобильных батальона, один автотранспортный батальон наливных машин. Армии имели от 4 до 9 госпиталей, что не обеспечивало их потребностей [3, с. 88].

Тыл Сталинградского фронта выполнял свои задачи в условиях господства авиации противника в воздухе. В его тыловой полосе находились крупные водные рубежи – Дон и Волга – с ограниченным количеством мостов и переправ. В ходе всего оборонительного сражения командование фронтов и

армий, учитывая степной характер местности, отсутствие лесных массивов особое внимание уделяло укрытию и маскировке объектов тыла, его охране и обороне. Для этого выделялась зенитная артиллерия, бронепоезда, истребительная авиация. Ширина полосы обороны фронта достигала 800 км [2, с. 207].

В подготовительный период и с началом оборонительных операций на Сталинградском направлении армейские и часть фронтовых частей и учреждений тыла с запасами материальных средств развертывались последовательно, по рубежам. При массированных ударах авиации противника по путям сообщения такой порядок развертывания повышал устойчивость управления материально-техническим обеспечением, способствовал успешному выполнению войсками боевых задач [3, с. 88].

С разделением 5 августа Сталинградского фронта на Сталинградский и Юго-Восточный начальником тыла Сталинградского фронта стал генерал-лейтенант И.Г. Советников, а Юго-Восточного – генерал-майор Н.П. Анисимов. В октябре 1942 г. из выдвинутых Ставкой Верховного Главнокомандования дополнительных сил были созданы Донской, а затем и Юго-Западный фронты [3, с. 88].

Фронтам были определены тыловые районы. Их глубина составляла от 350 км до 600 км. Однако ввиду отсутствия крупных населенных пунктов, складских помещений и слабо развитой транспортной сети восточнее дороги Урбах – Астрахань фронты не могли полностью или частично использовать свои тыловые районы [2, с. 207].

Глубина армейских тыловых районов вместе с войсковыми районами у большинства армий составляла 135–250 км; в 62-й армии Сталинградского фронта – 90 км, в армиях Донского фронта – 220 км. Однако все армии Донского фронта имели станции снабжения, удаленные на 50-80 км от линии фронта, через которые проходил основной поток грузов [3, с. 89].

Тыловые районы для войсковых соединений первого эшелона выделялись глубиной до 30-40 км. В 62-й армии в связи с тем, что на западном берегу расстояние от берега Волги до линии фронта равнялось от 0,2 до 2,5 км, тыловые районы полкам и дивизиям не выделялись [3, с. 89].

Основная часть фронтовых и армейских складов, медицинских, ремонтных и других частей и учреждений сосредоточивалась в глубине тыловой полосы по железнодорожным станциям и размещалась, как правило двумя эшелонами в нескольких районах вдоль железнодорожных участков Поворино – Сталинград, Балашов – Камышин, Верхняя Ахтуба – Верхний Баскунчак и Урбах – Астрахань.

К началу обороны Сталинграда и в ходе нее положение с материально-техническим обеспечением фронтов, особенно боеприпасами сложилось более трудное, чем это было в битве под Москвой, так как значительно уменьшился объем подвоза боеприпасов в армии и не было возможности использовать промышленные предприятия города. Одновременно осуществлялось накопление вооружения и боеприпасов для обеспечения войск в контрнаступлении. В войсках планировалось иметь до 1,5 бк боеприпасов, а на армейских и фронтовых складах – до 1 бк [7, с. 64].

Расход боеприпасов в оборонительном сражении под Сталинградом был очень велик. Так с 12 июля по 18 ноября 1942 г. войсками Донского, Сталинградского и Юго-Западного фронтов было израсходовано: 7 610 млн снарядов и мин, в том числе около 5 млн снарядов и мин войсками Сталинградского фронта. За этот период под Сталинградом всем трем фронтам было подано 5388 вагонов боеприпасов, 123 тыс. винтовок и автоматов, 53 тыс. пулеметов и 8 тыс. орудий [8, с. 161].

Обеспечение горючим войск в оборонительных операциях под Сталинградом осуществлялось в основном за счет запасов, оставшихся в этом районе на базах Главнефтеснаба и прилегающих к нему районах. Однако подача его непосредственно в части и подразделения осуществлялась с

большими трудностями. Под артиллерийским огнем и авиацией противника горючее в бочках и бидонах из отделения армейского склада, расположенного на левом берегу Волги, переправлялось баркасами и на весельных лодках на заправочные пункты, где поддерживались 3-5-суточные запасы горючего. Это позволяло, обычно в ночное время, обеспечить своевременную заправку машин.

Кроме того, на основании решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР для Сталинградского и Донского фронтов в районе Астрахани до конца навигации 1942 г. были созданы необходимые запасы горючего. Ресурсы горючего, накопленные в районе Сталинграда, с учетом запасов на фронтовых и армейских складах к 1 декабря 1942 г. составляли 55 тыс. т [8, с. 179]. На подмосковных нефтебазах и на аэродромах имелись значительные запасы авиационного и автомобильного бензина, подготовленные к переброске самолетами по заявкам фронтов. Так, в середине декабря 1942 г. горючее по воздуху перебрасывалось во 2-ю гвардейскую армию, выдвигающуюся для отражения наступления противника из района Котельниково. Для обеспечения подачи горючего подвижным группировкам войск на направлениях главных ударов фронтов в каждом фронте содержался подвижной резерв горючего на автотранспорте [8, с. 179-180].

Положительную роль в накоплении запасов горючего сыграли и мобилизационные резервы перемещенные с низовьев Волги на склады Министерства обороны и перевалочные базы Волжско-Камского бассейна. Их наличие к 1 мая 1942 г. составили 80,8 тыс. т (14,1%) и к 1 ноября 1942 г. 333,6 тыс. т (45,8%) [4, с. 26-27].

Всего в битве под Сталинградом было израсходовано 149 тыс. т горючего, в том числе более 107 тыс. т в ходе обороны. Больше половины расхода составил автобензин. Расход авиационного бензина был относительно невелик, так как в связи с плохими метеорологическими условиями авиация использовалась ограниченно [8, с. 180].

В период напряженных боев за Сталинград, в результате уничтожения противником значительной части фронтовых запасов продовольствия и трудностей подвоза из глубоких районов страны, использование местных ресурсов приняло еще более важное значение. В этих условиях военные советы Сталинградского и Юго-Восточного фронтов провели ряд мер по укреплению службы продовольственного снабжения и улучшению питания войск за счет местных ресурсов.

В результате принятых мер, в период оборонительных боев подвижные запасы продовольствия в войсках поддерживались в размере 4-5 суточных дач, на армейских складах – 2-3 суточных дач, на фронтовых складах – 6-8 суточных дач, что обеспечивало бесперебойное снабжение войск [6, с. 53].

При обеспечении войск, непосредственно оборонявших Сталинград, службой продовольственного снабжения фронта и армий практиковались новые формы и методы работы. В частности, армейские и фронтовые продовольственные склады и их отделения (летучки) приближались к войскам на расстояние до 6-8 км. На правом берегу Волги отделение продовольственного склада 62-й армии находилось от переднего края на расстоянии 200-400 м.

Приготовление пищи, как правило, производилось побатальонно и поротно в пищевых котлах, которые устанавливались в откосах оврагов и крутом правом берегу Волги. Питание в основном было двухразовое. Пищу доставляли, как правило, повара, так как каждый боец был на учете. За бесперебойную доставку пищи многие повара были награждены правительственными наградами. Например, старший повар Горшков, был награжден орденом «Красной Звезды» и медалью «За отвагу». Не было дня, чтобы он не доставил бойцам горячей пищи, действуя под огнем противника [1, с. 218].

Переход на зимнюю форму одежды в период обороны Сталинграда проходил более организованно и планомерно, чем это было в 1941 г. под

Москвой. Используя опыт снабжения войск зимним обмундированием в битве под Москвой, управления вещевого и обозно-хозяйственного снабжения лучше подготовились к сезонной смене имущества в 1942 г. и отправка теплых вещей фронтам началась заблаговременно. Фронты прикреплялись на довольствие к складам по соответствующим направлениям. Большую роль в этом сыграли военные советы фронтов, которые при подготовке к зиме предусмотрели сбор теплых вещей среди населения в тыловых районах фронтов и размещения заказов на теплые вещи на предприятиях местной промышленности и промкооперации из местных ресурсов.

Работники тыла несмотря на тяжелую обстановку под обрывистыми берегами Волги, в землянках и подвалах разрушенных зданий старались оборудовать бани для помывки личного состава.

По состоянию на 10 ноября 1942 г. войска передовой линии были полностью обеспечены шапками-ушанками, перчатками, теплым бельем, портянками и на 80% – ватными телогрейками и шароварами [7, с. 103].

Транспортная сеть в тыловых районах фронтов была развита недостаточно. Железные дороги могли подавать к тыловым границам фронтов до 100 поездов в сутки, а к станциям снабжения армий – всего 50-58 поездов. Почти все железные дороги имели рокадные направления, проходившие в 200–250 км от линии фронта. Фронтам выделялось по 2-3 железнодорожных направления, армиям – по одному железнодорожному участку. Отдельные железнодорожные направления использовались одновременно двумя фронтами. Донскому и Сталинградскому фронтам, кроме того, выделялись водные участки на Волге [2, с. 208]. Подвоз материальных средств в войска в ходе оборонительного сражения был сопряжен с большими трудностями. Это обуславливалось низкой пропускной способностью железных дорог, нехваткой автомобильного транспорта и отсутствием автомобильных дорог с твердым покрытием в районе Сталинграда.

Железнодорожный транспорт в битве под Сталинградом, несмотря на исключительно большие трудности, выполнил возложенные на него задачи. Полученный опыт организации воинских перевозок и эвакуации, а также строительства и восстановления железных дорог был использован в последующие периоды войны [7, с. 139].

Ставка Верховного Главнокомандования для организации подвоза войскам фронтов материально-технических средств и эвакуации раненых поставила задачу использовать р. Волгу. С этой целью на крупных пристанях были развернуты базы снабжения. Несмотря на исключительно тяжелые условия оперативной и тыловой обстановки (непрерывные налеты авиации противника на железные дороги и речные порты, минирование водных путей, артиллерийский и минометный обстрел судов), за время операции (12 июля – конец навигации 1942 г.) выполнен значительный объем воинских водных перевозок. Переправа материальных средств через Волгу осуществлялась, как правило, в ночное время катерами Волжской военной флотилии, пароходами, паромами и баржами Нижневолжского пароходства. Широкое применение получила доставка боеприпасов в Сталинград самолетами ПО-2. Иногда за одну ночь вылетало по 10-15 самолетов, они делали по 3-4 рейса. Ежедневно сбрасывалось парашютами 100-200 мешков общим весом от 10 до 20 т [3, с. 91]. Бывший командующий 62-й армией, а ныне Маршал Советского Союза В.И. Чуйков дал высокую оценку работе Волжской военной флотилии и самолетам ПО-2, обеспечивавшим боевые действия 62-й армии. *«Наши сердца, – пишет он, – наполнялись гордостью, когда мы наблюдали за пароходами и катерами Волжской флотилии, которые сквозь льды пробивались к армейским причалам, или за самолетами ПО-2, которые, снижаясь до 10-15 метров над узкой полоской ледяного берега, сбрасывали грузы, рискуя врезаться в крутые берега реки»* [3, с. 91]. Всего за оборонительный период кораблями Волжской военной флотилии и

Нижеволжского пароходства было перевезено 250 тыс. т материальных средств.[3, с. 91].

Морской транспорт также оказывал фронту большую помощь. В связи с потерей ряда важных железнодорожных коммуникаций резко возросла роль морских путей Красноводск – Астрахань и Баку – Астрахань. Военские грузы вначале следовали по магистралям Средней Азии и Закавказья, а затем на кораблях Каспийского транспортного флота до Астрахани с перевалкой здесь на речные волжские суда. Моряки Каспия в тесном взаимодействии с железнодорожниками и речниками доставляли в район Сталинграда войска, горючее, боеприпасы, продовольствие и другие грузы [2, с. 209].

Транспортный флот Черноморского бассейна, насчитывающий к тому времени всего около 40 судов, совместно с военными кораблями перевез во втором полугодии 1942 г. по линиям между кавказскими портами 218 тыс. человек и 233,5 тыс. т воинских и эвакуационных грузов, а суда Каспийского бассейна за тот же период доставили фронтам 468 тыс. бойцов и командиров (за весь 1942 г. на Каспии было перевезено 739,5 тыс. человек) [5, с. 181].

За время Сталинградской битвы только в районе Сталинград – Астрахань силами речников было эвакуировано 1 млн 874 тыс. голов скота, свыше 3500 тракторов и комбайнов, около 5000 автомашин, 8000 подвод, много другого сельскохозяйственного инвентаря. Речные суда доставили в пункты назначения свыше 3800 тыс. т нефтепродуктов, сотни тысяч тонн других народнохозяйственных грузов – хлеба, хлопка, угля, леса, перевезли в безопасные места 200 тыс. человек гражданского населения [5, с. 189].

В транспортном обеспечении Красной армии, защищавших Сталинград, принял участие и воздушный флот. Военские перевозки выполняла 1-я авиатранспортная дивизия ГВФ, сформированная на базе Московской авиагруппы особого назначения и впоследствии переименованная в 10-ю гвардейскую авиатранспортную дивизию ГВФ [5, с. 183].

В условиях господства авиации противника в воздухе наиболее целесообразными оказались перевозки в ночное время автомобильным транспортом небольшими колоннами машин (по 10-15 единиц). При осуществлении крупных перевозок (войсковых соединений и больших запасов материальных средств) использовались колонны в 200-250 автомобилей, но подавались они под погрузку и выходили в рейс эшелонами по 20-25 машин с интервалами в 10-15 минут. Если позволяла сеть грунтовых дорог, то колонны двигались по нескольким маршрутам [2, с. 214]. Машинам приходилось осенью двигаться по непролазной грязи, зимой дороги заносило снегом. И все-таки автомобильные войска успешно справились со своими задачами. В сентябре 1942 г. из района Камышина под Сталинград на 500 автомобилях была переброшена 13-я гвардейская стрелковая дивизия, сыгравшая, важную роль в обороне города [5, с. 183].

Основная нагрузка при выполнении подвоза материальных средств легла на армейский и фронтовой автотранспорт. Значительный объем перевозок выполнил автотранспорт Резерва ВГК. Этим транспортом в сентябре – октябре 1942 г. в район Сталинграда было перевезено свыше 10 стрелковых дивизий [2, с. 213].

Дальнейшее развитие получил и приобретенный еще в первые месяцы войны опыт комплексного использования всех видов транспорта. Новый порядок подвоза материальных средств по принципу «от себя» и возложение ответственности на старшего начальника за обеспеченность нижестоящего звена поставили на повестку дня вопрос о внедрении их в повсеместную практику [2, с. 213].

Шоссейные и грунтовые дороги, а также мостовые переправы через Дон, Волгу и другие реки в тыловых районах фронтов почти полностью отсутствовали. Потребность же войск в них была значительной, поэтому каждый фронт, используя опыт Московской битвы, подготавливал, как правило, по две военно-автомобильные дороги (ВАД) и по одной в каждой

армии. Протяженность фронтовой ВАД в среднем составляла 350-400 км, армейской ВАД – 120-150 км. Кроме того, в полосах Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были подготовлены три ВАД Ставки ВГК: Урбах – Астрахань, Астрахань – Гурьев, Саратов – Камышин – Рахинка [2, с. 208-209].

За короткий срок дорожники создали под Сталинградом сеть дорог и под огнем противника строили эстакадно-наплавные мосты и паромные переправы. Через Волгу между Саратовым и Астраханью с августа по октябрь было наведено 49 паромных переправ, на которых работали 134 парома, построены два наплавных и один эстакадно-наплавной мост [9, л. 8].

Медицинское обеспечение войск осуществлялось ограниченным количеством учреждений (например, Юго-Западный фронт имел всего 15 госпиталей). Поэтому они развертывались в один эшелон, резерв госпиталей не создавался. В целях приближения фронтовых госпиталей к войскам часть их развертывалась в армейских тыловых районах, а Сталинградский фронт имел госпитали на правом берегу Волги [3, с. 93].

Используя опыт медицинского обеспечения в битве под Москвой 63 и 21-я армии развернули свои госпитальные базы в районах полевых армейских баз, что позволило при эвакуации раненых и больных использовать обратные рейсы автотранспорта [3, с. 93].

Эвакуация раненых и больных в ходе всего оборонительного сражения осуществлялась по принципу *«на себя»*. Проводилась она санитарными железнодорожными летучками, автомобильным транспортом, санитарно-транспортными судами. Так, только водители 98-й автосанитарной роты Сталинградского фронта в течение лета и осени 1942 г. перевезли более 100 тыс. раненых. Командир этой роты капитан М.Х. Иванов и политрук Д.Ф. Сериков были награждены орденами Красной Звезды [2, с. 217].

Подтвердилась тенденция, как и в битве под Москвой, размещать госпитали на военно-автомобильных дорогах, так как на оборудование и содержание подъездов к госпиталям не было необходимых сил и средств. Для

розыска раненых в развалинах города использовались собаки. Этот опыт позднее широко применялся в период уличных боев в Будапеште, Берлине и других городах [2, с. 217].

В области медицинского обеспечения был получен первый опыт усиления полковых и батальонных медицинских пунктов силами и средствами дивизионных медико-санитарных батальонов и армейских медицинских частей. Немаловажное значение имело обеспечение взаимодействия с полевыми подвижными госпиталями фронтов.

Замечательным примером патриотического служения Родине в те тяжелые дни являлся подвиг санинструктора 849-го стрелкового полка Зинаиды Михайловны Тусноловой. В 1942 г. Зина, 8 месяцев непрерывно участвуя в тяжелых боях, вынесла с поля боя и спасла жизнь 123 раненым бойцам и командирам, за что была награждена орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В конце войны З.М. Тусноловой было присвоено звание Героя Советского Союза [2, с. 217].

Во время сражения в Сталинграде продолжало совершенствоваться медицинское обеспечение: был получен первый опыт усиления полковых и батальонных медицинских пунктов силами и средствами дивизионных медико-санитарных батальонов и армейских медицинских частей.

Деятельность военно-ветеринарной службы в битве под Сталинградом заключалась прежде всего в сохранении боеспособности лошадей и охране личного состава войск от болезней, общих человеку и животным в ветеринарном надзоре за обеспечением войск доброкачественными продуктами животного происхождения.

Несмотря на высокую степень моторизации войск, конский состав в битве под Сталинградом не потерял своего значения. Основная масса лошадей была занята в гужевом транспорте. В каждой стрелковой дивизии насчитывалось свыше 2 тыс. лошадей, значительная часть артиллерии была на конной тяге, в которой использовалось до 12% списочного конского состава

[2, с. 138]. Наряду с профилактикой заболеваний животных в действующей армии большой удельный вес занимала лечебно-эвакуационная работа.

В целом тыл успешно справился с задачей по тыловому обеспечению войск в оборонительных операциях в битве под Сталинградом. Полученный опыт работы тыла способствовал его дальнейшему развитию в последующих периодах Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вещиков П.И. Продовольственная служба Вооруженных Сил России: Краткая история. – М.: ТЕРРА, 1999. 390 с.
2. История Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XX вв.). В 4 кн. Кн.3. Тыл Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – СПб.: ВАТТ, 2000. 560.
3. История тыла. – Л.: ВАТТ, 1974. 214 с.
4. Кормилицын М.И. Служба снабжения горючим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1960. 128 с.
5. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1981. 480 с.
6. Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1970. 404 с.
7. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Части II и III. Тыл Советской Армии в первый и во второй периоды войны. – Л.: ВАТТ, 1963. 316 с.
8. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1977. 559 с.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 67. Оп. 264796. Д. 359. Л. 8.

Лашков Алексей Юрьевич¹, Курашов Владимир Игоревич²

**ПРОТИВОВОЗДУШНЫЙ ЩИТ «ДОРОГИ ЖИЗНИ» НА
ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ (май 1942 г. – март 1943 г.)**

¹доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Россия, Москва
e-mail: lashkov3@yandex.ru

²полковник, кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
Россия, Москва
e-mail: kvizrp@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации противовоздушной обороны «Дороги жизни» в акватории Ладожского озера с мая 1942 г. до прорыва блокады Ленинграда (январь 1943 г.) и введения в строй первой железнодорожной ветки, связавшей город на Неве с неоккупированной частью СССР.

Ключевые слова: «Дорога жизни», Ладожское озеро, Ладожский дивизионный район ПВО, истребительная авиация, зенитная артиллерия, операция «Искра».

**ANTI-AIRCRAFT SHIELD «ROADS OF LIFE» ON LAKE LADOGA
(September 12, 1941 – April 1942)**

Alexey Lashkov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the
Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the
Armed Forces of the Russian Federation, Russia, Moscow

e-mail: lashkov3@yandex.ru

Kurashov Vladimir

Colonel, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Research
Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed
Forces of the Russian Federation Russia, Moscow

e-mail: kvizrp@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the organization of air defense of the "*Road of Life*" in the waters of Lake Ladoga from May 1942 to the breaking of the blockade of Leningrad (January 1943) and the commissioning of the first railway line connecting the city on the Neva with the unoccupied part of the USSR.

Keywords: "The Road of Life", Lake Ladoga, Ladoga divisional Air Defense area, fighter aircraft, anti-aircraft artillery, Operation Iskra.

В июле 1942 г. для обеспечения единства управления всеми силами и средствами ПВО, оборонявшими «Дорогу жизни», Военный совет Ленинградского фронта (ЛФ) принял решение Восточную оперативную группу (ОГ) ВВС подчинить командующему Ладожским бригадным районом ПВО, а начальника ОГ ВВС назначить заместителем командующего указанным районом по истребительной авиации (ИА). Это мероприятие способствовало повышению боевой готовности войск и улучшило взаимодействие между ИА и частями воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и зенитной артиллерии (ЗА) района ПВО [1, с. 93]. Тем временем воздушный противник в период летней навигации 1942 г. усилил действия по объектам водной трассы. С мая по ноябрь того же года в районе обороняемых войсками ПВО объектов было отмечено 4962 самолета-пролета

вражеских ВВС. В указанный период был совершен ряд крупных воздушных налетов на пристани и склады Ладожской трассы, а также на станции Войбокало и Волхов. Так, в налетах 28 и 29 мая 1942 г. противник задействовал более 300 своих бомбардировщиков под прикрытием значительного количества истребителей. При атаках объектов водной трассы немецкие летчики применяли различные виды авиабомб (АБ: фугасные, зажигательные, осколочные), в также АБ замедленного действия, которые взрывались через 10-48 часов после сбрасывания [1, с. 94]. В последующие месяцы немецко-фашистская авиация продолжила свои налеты в районе «Дороги жизни». Так, в течение июня 1942 г. в зоне ответственности Ладожского бригадного района ПВО было зафиксировано 217 воздушных целей (413 самолетов) люфтваффе [2, л. 87]. Бомбардировка судов и караванов на пути следования по озеру в летнюю навигацию 1942 г. производилась преимущественно мелкими группами или одиночными самолетами в основном с пикирования. Нападения на пароходы совершались вне зоны огня ЗА, дислоцированной на берегу Ладожского озера [1, с. 94].

При этом противник нес значительные потери от действий советской противовоздушной обороны. Только при отражении массированного налета (28–29.05.1942 г.) нашими истребителями в воздушных боях и огнем ЗА был сбит 81 вражеский самолет.

В ходе летней навигации того же года удалось значительно увеличить емкость портов Ладожского озера по грузообороту. За указанный период в заблокированный Ленинград и из него было доставлено свыше 1010 тыс. тонн грузов, а также перевезено 849 597 человек [3, с. 141–145]. В связи с низкой активностью действий авиации противника в темное время суток перевозки по водному пути преимущественно осуществлялись в ночных условиях. Для обеспечения воздушного прикрытия наших судов и трассы Осиновец–Кобона в периоды наибольшей активности немецко-фашистской авиации были

привлечены 4-й гвардейский и 11-й истребительные авиаполки (иап) Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) [4, л. 40-41].

Система ПВО «Дороги жизни» постоянно совершенствовалась с учетом изменений степени угрозы, исходившей от ВВС противника. Основу противовоздушной обороны продолжал составлять Ладожский бригадный район ПВО.

В указанный период центр всей группировки ЗА переместился на объекты, непосредственно обслуживавшие путь и расположенные на западном и восточном берегах Шлиссельбургской губы. Если на обороне этих объектов к ноябрю 1941 г. находилось 43 орудия СК, 17 орудий МК и 27 пулеметов, то в июне 1942 г. огневая мощь возросла примерно вдвое (табл.).

Таблица

**Средства Ладожского бригадного района ПВО
(на 20 июня 1942 г.) [5, л. 61–62]**

Средства ПВО	Западный берег Ладожского озера	Восточный берег Ладожского озера	ВСЕГО
85-мм зенитных орудий	20	24	44
76-мм зенитных орудий	24	28	52
37-мм зенитных орудий	3	16	19
45-мм зенитных орудий	6	-	6
Пулеметных стволов	59	79	138
Прожвуков	6	10	16
Прожстанций	15	20	35

6 августа 1942 г. Ладожский и Свирский бригадные районы ПВО были объединены в Ладожский дивизионный район ПВО (командир – генерал-майор артиллерии С.Е. Прохоров) [6, с. 34]. В целях улучшения управления частями противовоздушной обороны были созданы три зенитные артиллерийские группы (ЗАГ: Осиновецкая, Кобонская и Волховская). Остальные части, не вошедшие в состав этих групп и оборонявшие отдельные объекты, подчинялись непосредственно штабу дивизионного района ПВО [7, с. 334].

В течение лета 1942 г. действия авиации противника против Ладожского водного пути несколько ослабели и приняли иной характер: немецко-фашистские истребители парами и четверками вели непрерывную разведку и неоднократно атаковывали склады на берегу и суда в пути, используя облачность, заход со стороны солнца и сумерки. Всего за указанный период было отмечено четыре крупных налета: два на район Кобона, Леднево и два – на Волхов [7, с. 336]. Активные действия по железнодорожным станциям и транспортам на Ладожском озере неприятельская авиация возобновила в сентябре 1942 г. в связи с наступлением советских войск на синявинском направлении. В течение месяца ст. Войбокало подверглась 22 бомбардировочным налетам с участием до 600 самолетов люфтваффе, железнодорожный узел Волхов – четырем групповым налетам (до 180 самолетов), семь раз бомбардировались наши суда на Ладожском озере. Это стоило противнику 47 сбитых самолетов [7, с. 336-337]. В октябре 1942 г. активность немецко-фашистской авиации немного снизилась. В зоне ответственности Ладожского дивизионного района ПВО было зафиксировано 680 вражеских самолето-пролетов [8, л. 67].

В ноябре, одновременно с возобновлением воздушных налетов на Ленинград, немецко-фашистская авиация усилила бомбардировочные действия в южной части Ладоги. Всего был произведен 51 налет на береговые базы и железнодорожные станции (до 250 самолетов) и совершено 14 бомбардировок судов на озере. Все налеты производились сравнительно мелкими группами бомбардировщиков и были успешно отражены частями ПВО, которые сбили 13 самолетов противника [7, с. 337]. В целом за 1942 г. неприятельская авиация в районе «Дороги жизни» выполнила 9422 самолето-пролета [9, с. 100]. В свою очередь, в период с мая по ноябрь того же года части ПВО, оборонявшие объекты Ладожской трассы, сбили 232 вражеских самолета (по данным Ленинградского фронта) [1, с. 94]. 23 уничтоженные

машины записали на свой счет морские летчики из состава оперативной группы 61-й авиабригады КБФ.

Тем временем войска Ленинградского и Волховского фронтов при активной поддержке авиации 13-й и 14-й воздушных армий (ВА) провели операцию «Искра» (12-30 января 1943 г.) южнее Ладожского озера по прорыву блокады Ленинграда. Это обстоятельство потребовало дополнительного усиления противовоздушной обороны «Дороги жизни». В частности, на западный участок трассы из резерва Верховного Главнокомандования (ВГК) прибыл 970-й зенитный артиллерийский полк (зенап) МК, на лед была поставлена батарея СК из состава 432-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (озадн); подразделения 988 зенап поставлены на прикрытие строительства железной дороги на льду озера. На восточном берегу было усилено прикрытие железнодорожных станций Кобона и Лаврово, где производились выгрузка и сосредоточение войск. Кроме зенитных средств, прикрытие трассы продолжали осуществлять 11 иап ВВС КБФ, 29-й гвардейский и 159-й истребительные авиаполки Ленинградского фронта [1, с. 95]. В целом, основу Ладожского дивизионного района ПВО составляли 129 зенитных орудий СК, 43 орудия МК и 97 зенитных пулеметов (ЗП). Непосредственную защиту ледяной трассы обеспечивали следующие зенитные средства: 8 орудий среднекалиберной зенитной артиллерии (СЗА), 35 орудий малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) и 83 зенитных пулемета. В результате вся трасса прикрывалась огнем ЗА СК и двухслойным огнем МЗА и ЗП [10, с. 124].

В течение зимнего периода авиация противника продолжала вести бомбардировку и обстрел ледяной трассы, однако активность ее значительно ослабла. Так, с января по март 1943 г. над Ладожской магистралью было отмечено 93 самолето-пролета противника и над железнодорожными станциями – 102 самолето-пролета [1, с. 95]. В то же время в зоне ответственности дивизионного района ПВО в марте 1943 г. зафиксировано

появление 372 вражеских самолетов, что почти в три раза больше, чем месяцем ранее [11, л. 84, 133].

В целом, с прорывом блокады Ленинграда в начале 1943 г. *«Дорога жизни»* потеряла свое первоначальное значение, ибо поток грузов был переключен на вновь проложенную одноколейную железнодорожную линию, соединившую освобожденный от противника г. Шлиссельбург с транспортной магистралью Мга–Волховстрой. 6 февраля 1943 г. по ней прошел первый продовольственный поезд в Ленинград [12, с. 214].

За время блокады города на Неве германскому командованию, несмотря на огромные усилия, так и не удалось с помощью авиации прервать единственную дорогу, связывавшую Ленинград с *«Большой землей»* страны через Ладожское озеро. Войска ПВО, оборонявшие пути сообщения в указанном районе, сумели сорвать планы противника и успешно выполнить все поставленные перед ними задачи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 2. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1955.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 13642. Оп. 20244. Д. 35.
3. Шляхтунов М.А. Подготовка к перевозкам и боевым действиям Ладожской военной флотилии в годы Великой Отечественной войны зимой 1942-1943 года // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 1.
4. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 125.
5. ЦАМО РФ. Ф. 13642. Оп. 20244. Д. 32.

6. Голотюк В.Л., Цапаев Д.А. Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн 1941-1945 гг. – М.: ООО «АРТКРАС», 2013.
7. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1954.
8. ЦАМО РФ. Ф. 13642. Оп. 20244. Д. 34.
9. Отчет по теме НИР «*Войска ПВО страны в цифрах и фактах*». Гл. III. Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Калинин, 1971.
10. Светлишин Н.А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. – М.: Наука, 1979.
11. ЦАМО РФ. Ф. 13642. Оп. 20244. Д. 61.
12. Войска противовоздушной обороны страны / Исторический очерк. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968.

Лавренов Сергей Яковлевич

**ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ СОВЕТСКИМ
КОМАНДОВАНИЕМ РЕШЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ
КУРСКОЙ БИТВЫ (к 80-й годовщине)**

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности принятия советским командованием решения о проведении Курской битвы.

Ключевые слова: Курская битва, Ставка ВГК, Юго-Западный фронт, Воронежский фронт, Центральный фронт

**FEATURES OF THE DECISION OF THE SOVIET COMMAND TO
CONDUCT THE BATTLE OF KURSK (for the 80th anniversary)**

Sergey Y. Lavrenov

Doctor of Political Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Fundamental Military-Historical Problems Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Abstract. The article discusses the specifics of the decision of the Soviet command to conduct the Battle of Kursk.

Keywords: Battle of Kursk, VGK Headquarters, South-Western Front, Voronezh Front, Central Front.

Курской битве (5 июля – 23 августа 1943 г.) предстояло стать одним из решающих сражений не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. Главным итогом Курской битвы стал окончательный переход стратегической инициативы в руки советского командования.

Сражение на Курской дуге включало, помимо стратегической оборонительной операции (5-23 июля), Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгород-Харьковскую (3-23 августа) наступательные операции.

Первоначально советскому командованию представлялось, что победа в Сталинградском сражении приведет к утрате немецким командованием стратегической инициативы. Соответственно, предполагалось без промедления перейти к крупным наступательным операциям. В определенном смысле повторилась ситуация, сложившаяся после Московской битвы (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942 гг.), когда недооценка оставшегося потенциала вермахта стало одной из причин последовавших крупных неудач на фронтах – Ржевско-Вяземской наступательной операции (8 января – 20 апреля 1942 г.), Керченско-Феодосийской десантной операции (6 декабря 1941 – 20 мая 1942 гг.), Харьковской катастрофы (май 1942 г.) и др.

В директиве Ставки ВГК от 26 января 1943 г. говорилось: *«Сопrotивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает противника вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются небольшими отрядами.*

Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции кавказской группировки противника.

Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, кавказской и черноморской группировки противника» [1, с. 507].

В конце января 1943 г. войска Юго-Западного (командующий – генерал Н.Ф. Ватутин) и Южного (командующий – генерал А.И. Еременко) фронтов, преследуя отходившие части врага, подошли к промышленному центру Украины – Донбассу, намереваясь очистить от противника его юго-восточные районы.

Командующий Воронежским фронтом генерал Ф.И. Голиков, успешно проведя в январе 1943 г. Острогожско-Россошанскую операцию, планировал, во взаимодействии с Брянским фронтом, провести Воронежско-Касторненскую операцию, и, в случае её успеха, Харьковскую наступательную операцию. Первоначально события развивались согласно задуманному. Так, Воронежскому фронту 16 февраля удалось освободить г. Харьков.

Однако, вопреки расчетам советского командования, немецкое командование не намеревалось оставлять Донбасс. Решение о контрнаступлении было принято на совещании, проходившем под руководством Гитлера в Запорожье 19 февраля. Перед командующим группой армий «Юг» (созданной на базе групп армий «Б» и «Дон»), Э. фон Манштейном ставилась задача нанести фланговый удар против сил Юго-Западного и Воронежского фронтов.

Немецкое командование, понимая значимость предстоящих сражений, со всей тщательностью подошло к её подготовке. Генерал Ф. Меллентин в своих мемуарах отмечал: *«План огня и взаимодействие между артиллерией и пехотой были тщательно разработаны...Особенно серьезная подготовка велась для обеспечения самого тесного взаимодействия между авиацией и наземными войсками» [4, с.191].*

Нанеся поражение правому крылу Юго-Западного фронта силами трех танковых корпусов, Майнштейн, после перегруппировки сил, планировал обрушиться на войска Воронежского фронта, овладеть Харьковом и Белгородом, после чего развернуть наступление на Курск.

С севера в направлении Курса должна была наступать 2-я танковая армия группы армий «Центр» (командующий—генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Реализация задуманного должна была привести к окружению и разгрому основных сил двух советских фронтов. Таким образом немецкое командование собиралось взять реванш за поражение под Сталинградом.

Тем временем командование Юго-Западного фронта, несмотря на сильную усталость войск, растянутые коммуникации, проблемы со снабжением и отсутствие резервов рассчитывало окружить донбасскую группировку противника еще до начала весенней распутицы [1, с. 509].

В конечном счете, это привело к утрате Харькова и Белгорода, ряда других городов и населенных пунктов. Стабилизировать фронт удалось лишь после того, как разрыв между 40-й и 69-й армиями Воронежского фронта был закрыт свежей, выделенной из стратегического резерва 21-й армией. Немецкому командованию не удалось, как это не раз происходило ранее, реализовать амбициозный план по окружению советских войск в районе Харькова, а также взять Курск.

Особенностью сложившейся оперативно-стратегической конфигурации стал так называемый Курский выступ (дуга). Достигавшая в глубину до 150 км и 200 км в ширину, Курская дуга, огибая Белгород, опиралась на населенные пункты Сумы, Дмитриев-Льговский и Ольховатку и др. Обе стороны взяли оперативную паузу, готовясь к решающей схватке.

Главным являлся вопрос – перейти ли временно к обороне или, проведя перегруппировку сил, без длительной оперативной паузы, продолжить наступательные действия, не позволяя противнику сконцентрировать силы.

Сторонником решительного наступления был командующий группы армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн [3, с. 486-487]. Однако у Майнштейна нашлись серьезные оппоненты. Одним из них был командующий 9-й армией группы армий «Центр» генерал-полковник В. Модель, который в своем докладе в ставке фюрера (3 мая 1943 г.) оспорил возможность начала операции «Цитадель» в намечаемый срок, то есть до конца мая. Главным аргументом В. Моделя были данные разведки относительно серьезных оборонительных возможностей советских войск.

Доклад Моделя произвел впечатление на Гитлера, решившего в итоге сдвинуть срок начала операции «Цитадель» на месяц [5, с. 152]. Еще одной причиной было стремление Гитлера насытить наступательные немецкой группировки новейшим оружием (тяжелыми танками Т-VI «Тигр», средними Т-V «Пантера», тяжелыми САУ «Фердинанд» и др.).

Однако и И.В. Сталин не торопился с принятием решения. Г. К. Жуков свидетельствовал: *«Верховный сам все еще колебался – встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И. В. Сталин говорил, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями»* [6, с.152].

В конечном счете, решение было принято в пользу создания глубоко эшелонированной обороны на наиболее вероятных участках наступления немцев – северном и южном фасах курского выступа. В ходе оборонительного сражения предполагалось измотать войска неприятеля, а затем перейти к широким контр наступательным действиям.

Северный фас Курского выступа предстояло оборонять войскам Центрального фронта (командующий генерал – армии К.К. Рокоссовский), а южный – Воронежскому фронту (командующий – генерал армии Н.Ф.

Ватутин). В резерве находился Степной фронт (командующий – генерал-полковник И.С. Конев).

Осведомленность Москвы о замысле немецкого наступления на Курской дуге не избавило советское командование от просчетов в определении главных направлений действий немецких ударных группировок. Г.К. Жуков вспоминал: *«Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле, более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовали 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион истребительных орудий. В них было до 1 500 танков и истребительных орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1 200 танков и истребительных орудий»* [2, с.147].

Не удалось точно определить направление главного удара противника и на Центральном фронте. К. К. Рокоссовский констатировал в своих мемуарах: *«В первый день сражения на нашем фронте отчетливо определилось направление главного удара противника. Основные усилия он направлял не вдоль железной дороги, как это предусматривалось вторым вариантом (предположение) нашего плана обороны, а несколько западнее, на Ольховатку»* [5, с. 122]. Речь шла о железной дороге, проходившей через г. Малоархангельск на поселок Поныри через центр обороны 13-й армии генерала Н.П. Пухова.

Тем не менее, опыт и возросшее искусство советского командования в управлении войсками, стойкость и мужество советских солдат стали решающим фактором в разгроме противника, который так и не смог оправиться после поражения в Курской битве.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Великая Отечественная война 1941-1945 в 12 томах. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т.2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 505 с.
3. Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. 640 с.
4. Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. – М: Изд-во Иностран. лит-ры, 1957. С. 191.
5. Рокоссовский К К. Солдатский долг. 5-е изд. – М.: Воениздат, 1988. 367 с.
6. Страна в огне. Коренной перелом. 1942-1943. Историко-документальное издание в трех томах. Т.2. Кн 1. Очерки. – М.: Абрис/ОЛМА, 2017. 736 с.

Ащеулов Олег Евгеньевич

**РОЛЬ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЕТНЫХ ЧАСТЕЙ
ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА В ХОДЕ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
БОЕВ КУРСКОЙ БИТВЫ**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической
теории Академии ГПС МЧС России. Россия, Москва

e-mail: olea80@mail.ru

Аннотация: В статье кратко рассматривается и анализируется роль гвардейских минометных частей в ходе оборонительного этапа Курской битвы. На основе архивных источников рассматривается состав, боевое применение и потери гвардейских минометных частей Воронежского фронта, действовавших в период с 5 по 23 июля 1943 года на Курской дуге.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, «Катюша», гвардейские минометные части, Курская битва.

**THE ROLE OF GUARDS MORTAR UNITS OF THE VORONEZH FRONT
DURING THE DEFENSIVE BATTLES OF THE BATTLE OF KURSK**

Oleg E. Ashcheulov

candidate of historical Sciences, associate Professor of history

Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of
Russia. Russia Moscow

e-mail: olea80@mail.ru

Abstract: The article briefly examines and analyzes the role of the Guards mortar units during the defensive stage of the Battle of Kursk. On the basis of archival sources, the composition, combat

use and losses of the Guards mortar units of the Voronezh Front, which operated in the period from 5 to 23 July 1943 on the Kursk Bulge, are considered.

Key words –Great Patriotic War, Red Army, “*Katyusha*”, Guards mortar units, battle of Kursk.

Одним из самых известных и популярных символов оружия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне являются реактивные системы залпового огня БМ-8 и БМ-13, получившие в народе ласковое прозвище «*Катюша*», и ставшие основным вооружением для гвардейских минометных частей в 1941-1945 гг. Обстановка повышенной секретности, в которой создавался новый тип оружия и формировался новый род войск, привела к тому, что реальная история советской реактивной артиллерии периода Второй мировой войны оказалась мало исследованной и мало доступной для широкого читателя. В связи с этим в настоящей статье на основе архивных источников кратко рассматривается состав, боевое применение и потери частей полевой реактивной артиллерии Воронежского фронта, действовавших в ходе оборонительных боев советских войск в ходе наступления немецких войск Курской дуге.

Началом формирования частей полевой реактивной артиллерии послужило постановление ЦК ВКП (б) от 21 июня 1941 г. о развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок М-13 и начала формирования частей реактивной артиллерии. Первой отдельной батареей, получившей семь установок БМ-13, командовал капитан И.А. Флеров.

Успешные действия батарей реактивной артиллерии способствовали бурному росту этого молодого вида оружия. Уже 8 августа 1941 г. по приказу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии, которое было закончено к 12 сентября того же года. Дополнительно к этим полкам до конца сентября был создан девятый по счету полк.

Элитность и значимость батарей дивизионов и полков реактивной артиллерии Красной Армии подчеркивалось тем обстоятельством, что сразу

при формировании им присваивалось почетное наименование гвардейских. По данной причине, а также в целях соблюдения секретности советская реактивная артиллерия и получила свое официальное название – «*гвардейские минометные части*» (ГМЧ). В массовом сознании за установками полевой реактивной артиллерии М-8 и М-13 закрепилось другое название – «*Катюши*».

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. Уже 8 сентября 1941 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 642 [1, лл. 188-189], которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии. Согласно данному постановлению гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно Ставке Главного Верховного Командования (СВГК) Советского Союза. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ был сформирован штаб, главное управление вооружений минометных частей М-8 и М-13, а также оперативные группы на основных направлениях.

Для периода Великой Отечественной войны 1941-1943 гг. характерной чертой стало бурное развитие реактивной артиллерии. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. На 1 января 1942 г. в фронтах и резерве Ставки Верховного Главнокомандования имелись: 31 отдельный дивизион М-8 и 43 отдельных дивизионов М-13, а также 3 полка реактивных установок М-8 и 2 полка реактивных установок М-13 (всего 87 дивизионов). По состоянию на 4 июля 1942 г. Красная Армия располагала уже 23 отдельными дивизионами М-8, 19 отдельными дивизионами М-13 и 12 отдельными дивизионами М-30. Кроме того, к этому числу следует прибавить

10 отдельных полков М-8 и 44 отдельных полка М-13. Таким образом, всего на 1 июля 1942 года насчитывалось 216 дивизионов реактивной артиллерии.

К 19 ноября 1942 г., в общей сложности, на фронтах и резерве СВГК было 365 дивизионов реактивной артиллерии. Из них 204 (56%) составляли дивизионы М-13 и 76 (21%) дивизионы М-8. На долю тяжелых реактивных установок М-30 приходилось 85 (23%) дивизионов. При этом 186 дивизионов М-13, 57 дивизионов М-8 и 16 дивизионов М-30 организационно входили в состав полков, а остальные 106 дивизионов (30%) были отдельными.

По состоянию на 1 января 1943 г. в действующей Красной Армии на фронтах находилось 379 дивизионов реактивной артиллерии. Кроме того, Ставка ВГК на 1 января 1943 г. располагала в своем резерве 4 отдельными дивизионами М-8 и М-13 (2 дивизиона М-8 и 2 дивизиона М-13), 3 полками М-8 и 2 полками М-13, а также одной гвардейской минометной бригадой установок М-30.

Постановлением ГКО № 3266 от 29 апреля 1943 г. гвардейские минометные части были подчинены командующему артиллерией Красной Армии. При этом в составе гмч сохранялась вся структура управления, снабжения и обеспечения. На должность Заместителя Командующего Артиллерией Красной Армии и Командующего ГМЧ данным постановлением ГКО был назначен генерал-майор артиллерии Дегтярев П.А. [3, л. 168].

В отражении непрерывных атак противника в ходе оборонительного этапа Курской битвы весомый вклад также внесли гвардейские минометные части.

В состав оперативной группы гвардейских минометных частей (ОГ ГМЧ) Воронежского фронта под командованием генерал-майора Ярового Алексея Поликарповича по состоянию на 4 июля 1943 г. входило 11 гвардейских минометных полков: 5-й гмп, 16-й гмп, 36-й гмп, 66-й гмп, 79-й гмп, 80-й гмп, 97-й гмп, 309-й гмп, 315-й гмп, 316-й гмп и 441-й гмп. Из 11 гвардейских минометных полков, которыми располагал Воронежский фронт,

4 полка были приданы 6-й гвардейской армии, 2 полка 7-й гвардейской армии и по одному полку – 38-й и 40-й армиям. В резерве фронта находилось два полка, еще один полк находился во втором эшелоне 1-й танковой армии.

Командование Воронежского фронта уделило серьезное внимание подготовке личного состава ГМЧ к предстоящим боям. В том числе отрабатывалась и стрельба реактивных установок по немецким танкам, хотя это и не было предусмотрено уставом и правилами стрельбы. В качестве примера можно привести эпизод из воспоминаний бывшего командира батареи установок реактивной артиллерии БМ-13 79-го гвардейского минометного полка Воронежского фронта М.П. Иванчихина. Он вспоминал следующее: *«Мы знали, что фашисты будут применять большое количество танков, поэтому необходимо было научиться вести огонь с открытых огневых позиций прямой наводкой по атакующей бронетехнике. Сразу хочу оговориться, что полностью прямой наводкой «катюша» стрелять не могла, это не ствольная артиллерия. Наименьшая дальность стрельбы у нее по цели из-за того, что направляющие смотрят высоко, всего 400 метров. Чтобы стрелять прямой наводкой, необходимо было направить направляющие прямо в цель, а для этого нужно подкопать землю под передними колесами машины так, чтобы они въехали в этот ровик и направляющие стали параллельно земле, т.е. смотрели прямо в цель. 30 июня 1943 года в нашей батарее проводилась опытная стрельба, которая показала, что можно стрелять и прямой наводкой...Этот опыт очень пригодился потом в ходе Курской битвы, когда часто приходилось стрелять с открытых огневых позиций».* [5, с.79].

Гвардейские минометные части приняли активное участие в ходе артиллерийской контрподготовки Воронежского фронта вначале Курской битвы. На участке 6-й гвардейской армии Воронежского фронта в артиллерийской контрподготовке участвовали все 4 приданных армии гвардейских минометных полка. На участке 7-й гвардейской армии

Воронежского фронта оба гвардейских минометных полка также участвовали в артиллерийской контрподготовке советских войск июля 1943 г. В ходе контрподготовки каждый полк произвел по два полковых залпа.

В результате проведенной артподготовки противник был вынужден утром 5 июля 1943 г. отказаться от наступления с плацдарма в районе Михайловки.

О том, как на себе ощутили артиллерийскую контрподготовку немецкие части, говорят в частности следующие слова одного из офицеров 19-й танковой дивизии вермахта: *«Ровно в 2 часа 15 минут (старое Y-время) русские открыли из большого количества орудий всех калибров заградительный огонь, который свидетельствовал о большом сосредоточении вражеской артиллерии. Из 40 установок РС, принадлежащим гвардейским минометным полкам, введенным в бой перед участком дивизии, он засеял огнем все овраги, могущие быть использованными в качестве путей сближения. О продолжении наведения мостов для «тигров» не могло быть и речи...»* [2, л. 14].

Оборонительные бои на Воронежском фронте также как и на Центральном фронте начались с 5 июля 1943 г.

Вся огневая деятельность гвардейских минометных частей была направлена на отражение атакующих танков и уничтожение сопровождающей мотопехоты противника. Огонь велся в основном батареями и дивизионными залпами, но при массовом наступлении танков противника, были случаи стрельбы прямой наводкой по танкам противника.

Потери, понесенные противнику огнем гвардейских минометных частей в живой силе и технике видны из следующих показаний пленных солдат:

Пленный солдат 32 пехотной дивизии (пд), 676 пехотного полка 9 роты показал: *«В нашей роте осталось 45 человек, в 4 роте 12 чел., в 12 роте – 35 чел. В боях под Бутово от огня «Катюш» наша рота потеряла 12 чел. Убитыми, 53 человека ранеными».* Старший гренадер Вульф Эрих 332

пехотной дивизии, 78 пехотного полка, 5 роты показал: от огня РС наша рота понесла до 20 % потерь, а общие потери от артиллерийского минометного огня составляют 80% всего личного состава роты; в 5 роте осталось 13 человек. У русских самое лучшее оружие это артиллерия. Я воевал во многих странах, но такой артиллерии не встречал» [4, л. 5].

Ефрейтор 678 полка, 1 роты Кюн Эрих показывает: *«огонь РС производит ужасное моральное воздействие на наших солдат и отбивает охоту к наступлению. Наша рота понесла 80% потерь, половина потерь исключительно относится за счет огня РС особенно в офицерском составе»* [4, л. 5]. Гвардейские минометные части в оборонительных боях Курской битвы во взаимодействии с пехотой и танками своими массированными огневыми ударами нанесли противнику большие потери в живой силе и технике, как правило отбивали атаки танков и пехоты противника, останавливали его дальнейшее продвижение.

Например, 12 июля 1943 г. двумя дивизионами 80-го гвардейского полка был произведен залп по сосредоточению моторизованной пехоты противника в районе Сторожевого. Залпом было уничтожено до взвода пехоты, сожжено 15 и подбито до 30 автомашин.

За период с 1 по 27.7.43 оперативной группой гвардейских минометных частей Воронежского фронта было произведено: залпов полковых – 3, дивизионных – 313, батарейных – 521, одиночными установками – 153. Общий расход реактивных снарядов по системам составил: М-8 – 15.299 единицы; М-13 – 42.671 единицы; М-20 – 7.344 единицы; что составляет в исчислении вагонами снарядов М-8 – 30,5 вагонов; М-13 – 328 вагонов; М-20 – 66,5 вагонов. Итого израсходовано 425 вагонов снарядов всех систем [4, л. 4].

Согласно советским официальным данным, в результате залпов уничтожено и рассеяно до 180 взводов, подорвано 2 склада с боеприпасами, подбито и сожжено 386 автомашин, сбито 3 самолета, разрушено 2 переправы,

24 блиндажа, подавлен огонь 30 минометных батарей и 59 огневых точек [4, л. 4].

Несли потери и гвардейские минометные части. По состоянию на 23 июля 1943 г. безвозвратные потери ОГ ГМЧ Воронежского фронта в технике составили 20 боевых машин реактивной артиллерии и 43 транспортные машины. Потери, понесенные ОГ ГМЧ Воронежского фронта в личном составе, за период с 4 июля 23 июля 1943 г. составили: офицерского состава – 38 чел.; сержантского состава – 126 чел.; рядового состава – 284 чел. [4, л. 5].

В заключение следует отметить, что реактивные установки успешно применялись РККА до самого окончания Великой Отечественной войны, заслужив любовь и уважение советских солдат и офицеров – с одной стороны, страх и ненависть военнослужащих вермахта – с другой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 644. Оп.1. Д. 8.
2. РГАСПИ. Ф. 83. Оп.1. Д. 27.
3. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 111.
4. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 12705. Оп. 1. Д. 62.
5. Иванихин М.А., Иванихин П.П. Курская битва. – М., 2004.

Мозохин Олег Борисович

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА В. Н. ГОРДОВА И. В.
СТАЛИНУ О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К
ПОЛИТКОМИССАРАМ, ПОЛИТРАБОТНИКАМ И
ВОЕННЫМ СОВЕТАМ В АРМИИ**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра
экономической истории Института российской истории РАН. г. Москва.

e-mail: 7077707@bk.ru

Аннотация: в статье отражены предложения командующего 33 армией генерал-лейтенанта
В.Н. Гордова по реформированию Военных советов и политотделов в Красной армии.

Ключевые слова: Красная армия; Гордов; Сталин; Политработники; репрессии.

**A LETTER FROM LIEUTENANT GENERAL V. N. GORDOV TO I. V.
STALIN ABOUT HIS ATTITUDE TO POLITICAL COMMISSARS,
POLITICAL WORKERS AND MILITARY COUNCILS IN THE ARMY**

Oleg B. Mozokhin

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Economic
History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow.

e-mail: 7077707@bk.ru

Abstract: the article reflects the proposals of the commander of the 33rd Army, Lieutenant
General V.N. Gordov, on the reform of Military councils and political departments in the Red
Army.

Keywords: Red Army; Years; Stalin; Political workers; repression.

Неудачи в начальном периоде Великой Отечественной войны вызвали недоверие политического руководства страны к командному составу Красной армии. В связи с этим, 16 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного совета СССР, был восстановлен институт военных комиссаров, существовавший в годы Гражданской войны. Было принято решение реорганизовать управления и отделы политической пропаганды в политические управления и политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Данное новшество не получило поддержки, на упразднении института военных комиссаров настаивали многие советские военачальники, в том числе: Г.К. Жуков, И.С. Конев, Ф.Т. Рыбалченко, В.Н. Гордов, и др. В связи с этим, согласно Указа ПВС СССР от 9 октября 1942 г. военные комиссары были упразднены и установлено полное единоначалие командиров. В Красной Армии был введен институт заместителей командиров по политической части [1].

Однако несмотря на исчерпывающую ясность смысла и точность определения функциональных обязанностей заместителей командиров по политической части, в связи с ликвидацией института военных комиссаров и введения полного единоначалия, трения между командирами и заместителями командиров по политчасти имели место.

Так, такой конфликт произошел между заместителем командира 222 стрелковой дивизии по политической части полковником Н.Т. Демченко и командиром дивизии полковником Ф.И. Грызловым, которая входила в состав 33-й армии Западного фронта, командующим которой был назначен Василий Николаевич Гордов.

Суть конфликта заключалась в том, что командир дивизии решил представить к правительственной награде командира артиллерийского полка подполковника И.С. Козырева. Демченко показалось это неправильным, и он под видом политдонесения написал члену Военного Совета армии жалобу на

командира дивизии, в котором отразил свое мнение о нецелесообразности награждения командира полка.

Эта история имела свое продолжение, 12 мая 1943 г. командующим 33 армией генерал-лейтенантом Гордовым был издан приказ, в котором за неоднократное нарушение воинской дисциплины и игнорирование командира дивизии, полковнику Демченко был объявлен выговор. Он был предупрежден, что при повторении подобных случаев, будет поставлен вопрос о его служебном несоответствии. Командующий армией писал, что требует *«от всех командиров соединений, частей и подразделений строго соблюдать правила служебных взаимоотношений с заместителями по политической части в полном соответствии уставов Красной армии – как начальников к подчиненным»*. Копия данного приказа была направлена кандидату в члены Политбюро ЦК А.С. Щербакову, который в это время возглавлял Главное политуправление Красной армии [2, л. 124-125].

Неизвестно, как отреагировал Щербаков, но 18 июня начальник Политуправления Западного фронта генерал-майор В.Е. Макаров по телефону предложил члену Военного Совета 33-ей армии полковнику И.С. Фурсову, подписавшему приказ в отношении наказания Демченко, отменить его.

По-видимому, учитывая этот звонок и то, что В.Н. Гордов перед своим назначением в 33 армию был снят с должности командующего войсками Сталинградского фронта, за ряд ошибок, которые привели к прорыву немцев к Сталинграду он решил написать письмо Верховному главнокомандующему.

В нем, он 20 июня 1943 г. писал, что Указ ПВС СССР о ликвидации института военных комиссаров и введении в Красной армии полного единоначалия явился исключительно своевременным и правильным. Так как, только полномочный командир-единоначальник, поставленный партией и правительством во главе частей и соединений, является единственным лицом, отвечающим за деятельность вверенной ему части.

Однако в *«практической жизни вопрос полновластия нашего командира ущемлен, а в отдельных случаях даже извращен тем, что заместителю командира по политической части дано право без ведома командира доноситься (информировать) по линии политорганов не только о состоянии войск, но даже о поведении и деятельности командира, т.е. своего непосредственного начальника так, как ему это представляется и так, как этого он пожелает»* [2, л. 118]. Объективность и правдивость этих донесений в большинстве случаев зависела от сложившихся личных взаимоотношений. Вместо того, чтобы фигуру командира части или соединения всемерно укреплять, отдельные политработники в своих донесениях стараются их всячески скомпрометировать, добиваясь их отстранения с тем, чтобы получить другого более *«удобного»* для себя командира.

Далее Гордов описывает случай, когда командир 222 стрелковой дивизии полковник Грызлов, участник гражданской войны, в марте 1943 г. во время преследования противника и наступления на село Городок установил, что наступавшие части дивизии в беспорядке побежали назад, в том числе и батарея во главе со старшим лейтенантом Белан. Грызлов личным вмешательством не только остановил бегущих, но и добился захвата села. При этом, в силу своей вспыльчивости, в разгаре боя избил главного виновника паники старшего лейтенанта.

Гордов пишет, что он, как командарм, расценил факт рукоприкладства недостойным для командира, но, учитывая, что этот случай имел место в тяжелых условиях боя ограничился предупреждением Грызлову на недопустимость случаев рукоприкладства в будущем.

В данную ситуацию вмешался заместитель командира дивизии по политчасти полковник Демченко, который в донесениях на имя начальника политотдела армии описал полковника Грызлова как самодура и добился разбора его в партийном порядке и исключения из рядов партии. Только после вмешательства Гордова, Грызлов был в партии восстановлен.

Несмотря на это, Демченко продолжал действия, направленные на компрометацию командира дивизии, встал на путь его игнорирования, опротестовывая в своих донесениях все мероприятия в дивизии, абсолютно не считаясь с ним, как со своим непосредственным начальником, в силу чего Гордин и издал приказ, который он приложил к своей докладной записке.

Как командующий армией, Гордин считал, что приказ правильный и отмена его сверху не будет способствовать укреплению порядка и дисциплины. К его сожалению, подобные факты встречали поддержку со стороны вышестоящих начальников, как членов Военного Совета, так и политотделов

Далее Гордин доложил свое мнение по поводу целесообразности сохранения в армии структуры военных советов. В своей практике он лично убедился, что наличие в армии Военного Совета, так же, как и в свое время комиссаров, не только не способствовало укреплению авторитета командарма, но во многом дает отрицательные результаты. Их роль сводилась к формальному подписанию документов. Таким образом, наличие военных советов в армии не способствует подчинению всего комплекса управления единой воле командующего, что в условиях армии и особенно в период ведения войны, является важнейшим элементом.

Коротко изложив эти свои мысли, Гордин внес следующие предложения:

«1. Ликвидировать Военный Совет в армии, как орган излишний и не приносящий никакой пользы; сделать командующего армией также единоначальником.

2. Политические отделы подчинить командармам и командирам соединений, которые будут ставить им задачи по работе, исходя из конкретной оперативно-тактической и боевой обстановки.

В такой же плоскости необходимо разрешить вопрос в отношении подчиненности органов контрразведки «СМЕРШ».

3. Редакции газет сделать на правах издательско-редакционных отделов штабов армий и соединений, это повысит качество газеты, как военного органа, которыми будут непосредственно руководить начальники штабов армий и соединений.

4. Запретить зам. командира по политчасти сноситься с вышестоящими начальниками и политорганами через голову своего командира. Политдонесения подписывать командиру, этим будет исключена возможность, под видом политдонесения, подавать жалобу на начальника. Жалоба может быть подана в порядке дисциплинарного устава Красной армии» [2, л. 122-123].

Гордов просил Сталина по существу поднятых им вопросов при необходимости, вызвать его, что бы он мог доложить лично. Однако сведений о их встречи нет. Скорее всего она не состоялась. Каких-либо решений по его письму не принималось, все осталось по-прежнему.

Сам Гордов продолжал воевать. В марте 1943 г. его армия участвовала в Ржевско-Вяземской, а затем в Смоленской, Оршанской и Витебской наступательных операциях. Однако командовал он этими операциями вновь неудачно. Его сняли с командования этой армией и предупредили, «*что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности*» [3, с. 3-29]. 2 апреля 1944 г. Гордова назначили командующим 3-й гвардейской армией 1-го Украинского фронта. Перед окончанием войны ему присвоили звание Героя Советского Союза. С июля 1945 по июль 1946 гг. он возглавлял войска Приволжского военного округа. С ноября 1946 г. в отставке.

9 января 1947 г. МГБ СССР предоставило Сталину сводку о допросе Ф.Т. Рыбальченко – бывшем начальнике штаба Приволжского военного округа, где он признается, что вместе с В.Н. Гордовым и Г.И. Куликом возводили клевету на Сталина. Подчеркивалось, что они являлись противниками политической работы в армии, и всячески разжигали вражду между командным и политическим составом округа, стремясь дискредитировать и свести на нет

всю политическую работу. Защитником этой линии, они считали Жукова, который тоже ненавидел политический аппарат. Затем последовал арест В.Н. Гордова и Г.И. Кулика. 22 июля 1950 г. министр МГБ СССР Абакумов направил Сталину список на арестованных изменников родины, шпионов и террористов, которых МГБ считало необходимым приговорить к смертной казни. В этот список были включены: Гордов, Рыбальченко и Кулик [4, л. 157]. 24 августа Военной Коллегией ВС СССР они были приговорены к расстрелу [5, л. 103-105]. В 1956 г. всех их реабилитировали.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1942 г. № 38 (197).
2. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 468.
3. Гареев М. А. О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне. // Новая и новейшая история. 1994. № 1.
4. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306.
5. Там же. Д. 307.

Букатина Маргарита Игоревна

**ВКЛАД НЕФТЕПЕРЕВОЗОК ПАРОХОДСТВА
«ВОЛГОТАНКЕР» В МАСШТАБАХ ЭКОНОМИКИ СССР В
1941–1943 ГГ.**

аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский
государственный университет, Россия, Волгоград

e-mail: im-201_175393@volsu.ru

Аннотация. В статье произведена оценка объема нефтеперевозок пароходства «Волготанкер» в 1941-1943 гг. в сравнении с объемом добычи нефти в Азербайджане и во всем СССР в соответствующий период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сталинградская битва; «Волготанкер»; речной транспорт; логистика; бакинские нефтяные месторождения; объем нефтеперевозок.

**CONTRIBUTION OF OIL TRANSPORTATION OF THE
«VOLGOTANKER» SHIPPING COMPANY TO THE SCALE OF THE
USSR ECONOMY IN 1941-1943.**

Margarita I. Bukatina

postgraduate student of the Department of History and International Relations,

Volgograd State University, Russia, Volgograd

e-mail: im-201_175393@volsu.ru

Abstract. The article estimates the volume of oil transportation of the «Volgotanker» shipping company in 1941-1943 in comparison with the volume of oil production in Azerbaijan and throughout the USSR in the corresponding period.

Keywords: Great Patriotic War; Battle of Stalingrad; "Volgotanker"; river transport; logistics; Baku oil fields; volume of oil transportation.

В масштабах такой огромной страны, как Российская Федерация и тем более СССР, особенно в ситуации военных действий, важно не только владеть нефтью, но и суметь перебросить данный ресурс в нужное для военных действий и победы место. Поэтому особое значение приобретают пути сообщения и логистические системы, позволяющие эффективно и быстро доставлять и распределять данный ресурс. Несомненно, интересен вопрос о том, как изменяется логистическая система под влиянием возросших потребностей страны из-за начала войны, а, в последствие, и непосредственной близости боевых действий к основным путям поставок.

Ярким примером такой системы является работа пароходства «Волготанкер», перевозившего нефтепродукты с бакинских месторождений по реке Волга, с внезапного начала Великой Отечественной войны в 1941 г. и до конца Сталинградской битвы, ставшей переломным событием в истории, как Великой Отечественной, так и Второй Мировой войны. В целом, работу «Волготанкера» нельзя считать единственным примером такого рода сложной логистической системы в период Великой Отечественной войны. Интуитивно более масштабные по сложности и значимости системы доставки – ленд-лиз и «дорогу жизни» в Ленинграде – можно признать довольно схожими с картиной деятельности «Волготанкера». Во всех трех случаях мы имеем дело со сложнейшими системами доставки грузов на порой очень большое расстояние с применением нескольких видов транспорта в непосредственной близости от боевых действий. Сходства с деятельностью «Волготанкера» добавляет то, что в общей массе первых американских поставок по ленд-лизу преобладали нефтепродукты: из всего количества грузов (186 144 тыс. тонн), отправленных в СССР с 22 июня 1941 г. по 30 сентября 1941 г. они составляли 78,4% (145 996 тыс. тонн) [3, с. 144]. Может показаться, что масштаб и значение ленд-лиза и «дороги жизни» невозможно сопоставить с работой локального и малоизвестного пароходства на Волге, но, я полагаю, что волжские пароходства, в целом, и «Волготанкер», в частности, несомненно,

повлияли на ход Сталинградской битвы и ее исход, который, в свою очередь, определил дальнейшее развитие победоносной инициативы СССР во всей Второй Мировой войне.

Чтобы доказать данную позицию необходимо оценить реальный вклад нефтеперевозок «Волготанкера» в масштабах экономики страны. Для этого приведем сравнительные объемы добычи нефти во всей стране и на территории месторождений Баку и Азербайджана в 1941–1943 гг. (Табл. 1).

Таблица 1.

Данные о нефтедобыче в Азербайджане и СССР в целом [4]

Год	1941	1942	1943
СССР в целом (млн.т)	33	22	18
в т.ч. Азербайджан (млн.т)	23,5	15,7	12,7

Как мы видим, большую часть данного ресурса в этот период добывали именно на территории Азербайджана, что вполне обуславливает важное место «Волготанкера» как эффективного перевозчика, связанного с наиболее удобной транспортной артерией – Волгой. При сопоставлении показателей добычи в Баку и во всей стране (Табл. 1) и объемов перевозок «Волготанкера» в 1941 году (Табл. 2) становится ясно, что около трети бакинской нефти и примерно 23 % всей нефти СССР в 1941 году перевозились силами «Волготанкера». Без сомнений, это очень высокие значения, которые показывают, насколько основополагающее место занимало это пароходство в логистике нефтеперевозок.

Таблица 2.

Нефтегрузы, перевезенные пароходством «Волготанкер» за навигацию 1941 г. [5]

	Тонны
Нефть светлая	3199953
Нефть темная	4648249
Итого	7848202
Из них наливные	7848202

Общие значения перевозок «Волготанкера» за 1942 год представлены в Таблице 3. При сопоставлении с соответствующими данными из Таблицы 1,

выясняется, что около 27 % бакинской нефти и примерно 19,6 % всего ресурса страны в 1942 г. перевозилось «Волготанкером». Наблюдается небольшое падение удельного веса перевозок пароходства во всем объеме, но это вполне объясняется комплексом трудностей, связанным с непосредственной близостью путей перевозок к зоне Сталинградского сражения. Стоит также заметить, что добыча и перевозки сократились по сравнению с 1941 г. очень пропорционально, что дополнительно подчеркивает крепкую связь работы «Волготанкера» с нефтяным сектором и ее значимость на этом поприще.

Таблица 3.

**Нефтегрузы, перевезенные пароходством «Волготанкер» за навигацию 1942 г.
[6, л. 10]**

	Тонны
Нефть светлая	1873408
Нефть темная	2452442
Итого	4325850
Из них наливные	4325850

Таблица 4 позволяет подробнее взглянуть на объемы перевозок нефтепродуктов по Волге в 1942 г. и наглядно демонстрирует, как на них влияла Сталинградская битва и конкретная оперативная обстановка. Для более точного анализа учтем особенности судоходства и погоды в указанный год. На Нижней Волге навигация 1942 г. в штатном режиме продлилась с 1 мая по 10 ноября и составила 194 дня [7]. Реально она эпизодически началась 29 апреля [8]. Конец же навигации для большинства судов относится к середине декабря. С 10 ноября на реке начало образовываться «сало» (густой слой мелких ледяных кристаллов на поверхности воды), последние рейсы за навигацию 1942 г. произошли на нескольких переправах юга Сталинграда 28 декабря. Назначение нефтекараванов «Волготанкера» в навигацию 1942 г. началось 21 апреля [1].

Таким образом, апрель в 1942 г. – время, когда навигация еще официально не началась, а потому перевозки явно носили эпизодический характер. Май-июнь – стандартные условия перевозок, стабилизация

навигации. В июле наблюдается небольшое падение показателей, связанное с началом минирования и воздушной опасностью. Остальные месяцы демонстрируют драматическое падение показателей объемов перевозок и обнажают пагубное влияние на речную транспортировку нефтепродуктов «Волготанкером» близости крупного сражения. Также, исходя из данных таблицы, можно получить представление о качественном составе перевозимых нефтепродуктов. В перевозках «Волготанкера» заметно преобладание темных, имевших больше промышленное значение, чем военное, но связано это скорее с качественным составом бакинской нефти (большое содержание примесей и тяжелых фракций) и особенностями ее переработки.

Таблица 4.

Перевозки нефтегрузов за навигацию 1942 г. с распределением по наименованию по Волжско-Нефтеналивному пароходству [6, л. 97]

Месяцы и кварталы	Нефтяные		Всего тонны
	Светлые	Темные	
	тонны	тонны	
Апрель	112700	75169	87869
Май	550225	829492	1379717
Июнь	543523	798793	1342316
Июль	501153	495212	996365
Август	146774	145659	292433
Сентябрь	2233	53555	55788
Октябрь	16800	54562	71362
Ноябрь	0	0	0
Всего за год	1873408	2452442	4325850

Навигация 1943 г. сильно осложнялась захламленным обломками судов и заминированным фарватером, мощность и грузоподъемность флота из-за военных потерь и недостаточности судоремонта снизились по сравнению с предыдущим годом, обычным явлением были простои, вызванные оперативной обстановкой. Несмотря на все это, в 1943 г. «Волготанкером» было вывезено свыше 6,4 млн т нефтепродуктов (в том числе из Астрахани – 6,0 млн т) [2, с. 120], что составило до половины добытой в 1943 г. бакинской нефти и до трети всей нефти СССР, согласно Таблице 1.

Чтобы окончательно оценить важность нефтеперевозок «Волготанкера» используем в качестве средства измерения всем известный ленд-лиз. За весь период помощи стран-союзниц было доставлено около 2 млн тонн нефтепродуктов. Тем временем, «Волготанкер» перевез в 1941 г. до трети всей бакинской нефти (8 млн тонн) и до примерно пятой части нефти всего СССР, а в 1943 г. половину бакинской (6 млн тонн) и треть всей нефти СССР. «Волготанкер» необоснованно мало известен и изучен, несмотря на свой весомый вклад в экономический потенциал страны. Такой масштаб перевозок не в последнюю очередь повлиял на ход военных действий в период Великой Отечественной войны, что свидетельствует о перспективности и необходимости изучения опыта пароходства «Волготанкер» в ее контексте.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Астраханской области. Ф. 796. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.
2. Гоманенко О. А. Навигация 1943 года: битва за Волгу продолжается // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 115-124.
3. Косторниченко В. Н. Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны // Экономическая история. Обзорение. 2005. № 11. С. 142-147.
4. Мартынов, В. Г. Нефтегазовые вехи Великой Победы: малоизвестные истории Великой Отечественной войны / В. Г. Мартынов, Н. Н. Голунов. - Текст : электронный // Журнал «*Neftegaz.RU*». – 2020. - Загл. с экрана. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/nefteservis/543122-neftegazovye-vekhi-velikoy-pobedy-maloizvestnye-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 08.11.2021).
5. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 2. Д. 13. Л. 10.

6. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 22.
7. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 24. Л. 2.
8. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 26. Л. 2.

Белоногов Юрий Геннадьевич

**ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ
ТРУДОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ
МОБИЛЬНОСТИ**

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления
и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический

университет, Россия, Пермь

e-mail: ugb78@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются важные направления в изменении трудового законодательства и правоприменительной практики периода Великой Отечественной войны в сфере регулирования несанкционированной трудовой мобильности. Они были призваны обеспечить более эффективное функционирование советской промышленности в условиях войны за счет решения проблемы самовольной текучести кадров.

Ключевые слова: Указ 26 июня 1940 г.; Указ от 26 декабря 1941 г.; трудовые преступления; амнистия; текучесть рабочей силы.

**CHANGES IN LABOUR LAW AND LAW ENFORCEMENT
PRACTICES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
AS AN EFFICIENCY FACTOR LABOUR MOBILITY REGULATION**

Yury G. Belonogov

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Public Administration and
History, Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

e-mail: ugb78@mail.ru

Abstract. The article considers important directions in changing labor legislation and law enforcement practice during the Great Patriotic War in the field of regulating unauthorized labor mobility. They were designed to ensure the more efficient functioning of Soviet industry in a war by solving the problem of unauthorized staff turnover.

Key words: Decree of 26 June 1940; Decree of 26 December 1941; labor crimes; amnesty; labor fluidity.

В современной российской историографии идет дискуссия об эффективности уголовного наказания за трудовые преступления в годы Великой Отечественной войны. Определенная часть исследователей, повторяя аксиому советской историографии о приоритете государственных и общественных интересов над личными, и признавая даже очевидную жесткость в нарушении прав человека, тем не менее считают «*сталинские Указы 1940 г.*» своевременными и правильными, без которых «*не было бы и Победы*» в 1945 г. [2, с. 27]. При этом специалисты, изучающие практическую реализацию Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. в военный период, фактически подвергают существенной корректировке вывод об эффективности. Цель данной статьи заключается в раскрытии ряда тенденций в развитии законодательства и его правовом применении, которые свидетельствовали о некотором смягчении довоенной практики уголовного преследования трудовых преступников для сохранения на производстве кадровых ресурсов.

В начальный период войны четко просматриваются установки регионального и местных парткомов по разделению нарушителей трудовой дисциплины на «*зlostных*» и «*случайных*». В условиях военных неудач Вооруженных Сил СССР, на фоне резкого ухудшения продовольственного снабжения, плохой работы объектов социальной инфраструктуры, заметного снижения реальной заработной платы, задержек в ее выплате появились высказывания антисоветского характера в адрес партийного и военного руководства, усилились «*упаднические настроения*». Поэтому продолжение

прежней практики суровых наказаний за нарушение трудовой дисциплины, видимо, казалось властям политически нецелесообразной. В том же ключе по смягчению карательной политики следует рассматривать факты прокурорского ограничения хозяйственных руководителей в возможностях произвола по отношению к нарушителям трудовой дисциплины.

Очевидной тенденцией в годы Великой Отечественной войны стала фактическая декриминализация состава ряда трудовых преступлений в рамках реализации Указа от 26 июня 1940 г. В судебной практике самовольная подмена смены, сон на производстве (если работник не был обеспечен работой, сырьем и инструментом), обращение к врачу в рабочее время, невыход на работу из-за отсутствия спецобуви перестают считаться прогулами по неуважительным причинам [4, с. 72].

Отсутствие прежнего административного давления на судебный корпус проявлялось в заметном (естественно, в сравнении с довоенным периодом) снижении количества осужденных за прогулы по неуважительным причинам по Указу от 26 июня 1940 г. [см.: 3, с. 111], увеличении удельного веса оправдательных приговоров и прекращенных дел, привлечение к уголовной ответственности представителей хозяйственной администрации за факты необоснованной передачи дел в суд на работников.

Главной экономической задачей правотворчества в сфере регулирования несанкционированной трудовой мобильности стало обеспечение военного производства рабочей силой. Численность рабочих и служащих в сфере промышленности на территории СССР сократилась с 11,0 млн. человек в 1940 г. до 7,2 млн. в 1942 г., а к 1945 г. этот показатель несколько увеличился до 9,5 млн. человек. При этом плановые рабочие вакансии в промышленности, строительстве и на транспорте за период 1942 – первой половины 1945 гг. были заполнены всего на 72,6% [7, с. 285; 8, с. 68].

С одной стороны, стремление государства прекратить самовольную текучесть кадров проявилось в принятии Указа от 26 декабря 1941 г., который

значительно увеличил срок заключения за самовольный уход с предприятий военной промышленности с 3-4 месяцев до 5-8 лет. С другой стороны, государство стремилось не допустить попадания осужденных работников в ГУЛаг, а также направить отбывавших наказания за трудовые преступления из пенитенциарной системы на объекты военной промышленности.

Уже 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ *«Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений»*. В объявленных на военном положении местностях подлежали освобождению заключенные, осужденные, в том числе, по Указам от 26 июня 1940 г. и 10 августа 1940 г. (кроме злостных хулиганов и рецидивистов), учащиеся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения по Указу от 28 декабря 1940 г. за нарушения дисциплины и самовольный уход. 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие этого Указа на всю территорию. Бывшие заключенные либо призывались в ряды Вооруженных Сил СССР, либо возвращались на прежнее место работы [1, с. 19].

Одновременно государство стремилось не допустить большого перетока становящейся дефицитной рабочей силы в пенитенциарную систему. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 28/11/у от 7 июля 1941 г. уже по-новому определяло наказание в ситуации рецидива прогула по неуважительным причинам: только в случае совершения такого прогула в третий раз в период отбывания наказания за предшествующие прогулы действия нарушителя трудовой дисциплины квалифицировались уже как самовольный уход с работы. Ту же цель – сохранение рабочей силы непосредственно на предприятиях – имела достаточно распространенная в прокурорской практике переквалификация уголовного дела с Указа от 26 декабря 1941 г. на Указ от 26 июня 1940 г. (т.е. с трудового дезертирства на прогул по неуважительным причинам), предусматривавшего отбывание

уголовного наказания в виде исправительно-трудовых работ непосредственно по месту работы.

Низкий процент разысканных трудовых дезертиров, преобладание в практике военных трибуналов заочного осуждения интерпретируются исследователями как аргументы в пользу вывода о том, что Указ от 26 декабря 1941 г., несмотря на суровость наказания, не способствовал качественному решению проблемы самовольного оставления места работы [5; 6]. В обстоятельствах фактического провала реализации этого Указа государство вынуждено было решиться на нестандартный шаг: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. предусматривал амнистию трудовым дезертирам в случае их возврата обратно на предприятия до 15 февраля 1945 г. В ноябре 1944 г. и январе 1945 г. были проведены локальные секретные амнистии, которые коснулись осужденных к лишению свободы за трудовые преступления [6, с. 79]. В целом, можно согласиться с мнением Р.Е. Романова о том, что жесткое регулирование трудовой мобильности привело *«к усилению ее стихийности, существенным образом снизившей эффективность централизованного управления трудовыми ресурсами накануне и в годы войны»* [7, с. 271].

В период Великой Отечественной войны законодательство в отношении трудовых преступников стало значительно более гибким. Наряду с ужесточением законодательства в военное время фиксировалась и тенденция пересмотра правовых норм, мешавших функционированию производства. Правотворчество и правоприменительная практика в сфере укрепления трудовой дисциплины развивались, прежде всего, для обеспечения рабочей силой оборонного производства. Поэтому не бесполезно в современной историографии поставить такой вопрос: благодаря или вопреки «карательной политике» в сфере регулирования несанкционированной трудовой мобильности советский тыл смог обеспечить победу в Великой Отечественной войне?

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. №1. С. 14-24.
2. Десяев С.Н. Предчувствие великой войны (часть 2) // Центр и периферия. 2018. №3. С. 26-37.
3. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. №1. С. 104-114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353
4. Козинцев А.Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // Право и политика. 2008. № 5. С. 72-79.
5. Козинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941-1948 годах // Отечественная история. 2008. №6. С. 101-107
6. Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941-1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72-80.
7. Романов Р.Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 2. С. 271-296. DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(2).271-296
8. Романов Р.Е. Эволюция системы трудовых стимулов рабочих советской промышленности в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // Молодой ученый. 2017. № 35 (169). С. 67-74.

**Иванов Вячеслав Александрович¹, Щербакова Валентина
Ростиславовна²**

**«ПОДВИГ ПАРТИЗАН»: УЧАСТИЕ УРОЖЕНЦЕВ
ДЖАНКОЙСКОГО РАЙОНА В ПАРТИЗАНСКОМ
ДВИЖЕНИИ КРЫМА В 1941–1942 ГГ.**

¹кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии,
культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымского университета
культуры, искусств и туризма, Россия, Симферополь
e-mail: slavik1855@gmail.com

²младший научный сотрудник Центрального музея Тавриды, отдел
*«Мемориал жертвам фашистской оккупации
Крыма 1941-1944 годов «Концлагерь «Красный»*
e-mail: 79787316539@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается участие уроженцев Джанкойского района в рядах партизанского движения на территории Крымской АССР в 1941-1942 гг.

Ключевые слова: партизанское движение; Джанкойский район; Ичкинский партизанский отряд; Джанкойский партизанский отряд.

**«FEAT OF PARTISANS»: PARTICIPATION OF NATIVES OF DZHANKOY
DISTRICT IN THE PARTISAN MOVEMENT OF THE CRIMEA
IN 1941–1942**

Vyacheslav A. Ivanov

candidate of historical Sciences, senior lecturer of the Department of Philosophy,

cultural studies and humanitarian disciplines, Crimean University of Culture, Arts
and Tourism, Russia, Simferopol
e-mail: slavik1855@gmail.com

Valentina R. Shcherbakova

junior researcher Central Museum of Taurida, Department «*Memorial to the
Victims of Fascist Occupation Crimea*», 1941-1944 «

Krasnuy concentration camp»

e-mail: 79787316539@yandex.ru

Abstract. The article deals with the participation of natives of the Dzhankoy region in the ranks of the partisan movement on the territory of the Crimean ASSR in 1941-1942.

Key words: partisan movement; Dzhankoy district; Ichkinsky partisan detachment; Dzhankoy partisan detachment.

В современной отечественной историографии, вопрос об участии уроженцев Степного Крыма в партизанском движении до сих пор досконально не изучен. Восполнить этот пробел и призвана настоящая статья, раскрывающая подробности участия уроженцев Джанкойского района в партизанском движении Крыма.

В октябре 1941 г., выполняя поручение Коммунистической партии, Крымским обком постепенно создал 26 партизанских отрядов общей численностью свыше 11 тысяч человек. В городах, районных центрах и селах Крымской АССР действовало около 200 подпольных групп. Крымские леса были разделены на четыре сектора. Специально подбирались командный состав, назначались комиссары и политруки. В тайники завозились боеприпасы, оружие и продукты питания [1, с. 4]. Начальник второго партизанского района Иван Гаврилович Генев так описывал подготовку к началу ведения партизанской борьбы в своем дневнике от 23 сентября 1941 г.:

«Договорились в кратчайший срок завезти в лес муку, картофель, соль, крупу, фасоль, чеснок, лук, солёные овощи, сало, солонину, масло, брынзу, сахар, чай, сухофрукты, табак, мыло и т. п. Для организации общего питания каждому отряду приобрести по несколько комплектов кухонного инвентаря: котлы, казаны, миски, чайники, кружки, ложки, ведра, котелки, фляги. Поскольку дело идет к зиме, мы решили иметь запас обмундирования и обуви: сапоги, ботинки, постолы, валенки, ватные брюки и фуфайки, шапки-ушанки, белье. Для строительства продовольственных баз и жилых землянок завезти в лес лопаты, топоры, пилы, кирки, гвозди, брезенты, фонари. Закладку баз проводить недалеко от мест, отведенных под строительство лагерей отрядов» [2, с. 15].

Как видим, в отличие от своих коллег в Украинской ССР партийное руководство Крымской АССР заблаговременно позаботилось о подготовке ведения партизанской войны во вражеском тылу.

И она разгорелась, как только гитлеровцы вторглись в пределы Крымского полуострова. 3 ноября 1941 г. со стороны Карасубазара по шоссе лесной дороге на Ускут отходил первый батальон 294-го пограничного полка. Гитлеровцы попытались окружить батальон. По численности нападавшие имели превосходство: два батальона немецкой пехоты и румынский кавалерийский эскадрон. Бой оказался слишком неравным, к тому же силы пограничников были чрезвычайно истощены. Их спасло только то, что они оказались на базе Ичкинского партизанского отряда.

Не мешкая партизаны вступили в ожесточенный бой с противником и приняли на себя главный удар вместо отступающих пограничников [1, с. 4]. Те, воспользовавшись создавшимся замешательством, успели оторваться от гитлеровцев и отступить к Ускуту. Нацисты несколько раз переходили в атаки, но каждый раз, неся потери, отступали. Умело используя окружающую местность – узкую дорогу, выведенную местами из строя, крутые горы, глубокий обрыв и речку, была организована хорошая оборона. Тогда

гитлеровцы решились на хитрость: по высокогорным тропинкам во фланг партизан была послана рота солдат противника. Но здесь врага уже поджидала группа партизан под командованием Ивана Матяхина, бывшего председателя Ичкинского райисполкома [1, с. 4].

В итоге, удалось прикрыть отход отступающих солдат 294-го пограничного полка. В лес партизаны отступили только тогда, когда противник бросил в бой все имеющиеся у него резервы: артиллерийские, минометные части и авиацию [1, с. 4]. В этом бою нацисты потеряли более 120 солдат и офицеров. Кроме того, удалось уничтожить проводника-предателя, которого гитлеровцы завербовали из числа местных жителей. Потери Ичкинского отряда составили ранеными 5 человек, а убитыми – 1 человек. Им оказался коммунист Кондрат Шейло [3, с. 4]. Результаты первого боевого столкновения с врагом выявили, что большинство уроженцев Джанкойского района умеют сражаться и бить врага наверняка.

После боя Ичкинский партизанский отряд отошел на гору Скирда. При отступлении выяснилось, что все теплое обмундирование (а приближались первая суровая партизанская зима в Крыму в 1941–1942 гг. – прим. авт.) остались на партизанской базе. На другой день *«народными мстителями»* было установлено, что практически все продовольственные базы и оставшиеся носильные вещи были разграблены мародерами, при полном попустительстве немцев. Лишенные теплых вещей и продовольствия, партизаны начали страдать от холода и голода. Этим не преминули воспользоваться нацисты [4, с. 4].

19 ноября 1941 г. на расположение Ичкинского партизанского отряда напал батальон немецкой пехоты в районе Верхнего Кокасана. Завязался ожесточенный бой, продлившийся три часа. Ичкинцам пришлось маневрировать и изменить место расположения, чтобы пройти вглубь леса. В санитарной землянке, к сожалению, остались раненные и больные четыре бойца, Иван Ясинский и медсестра Наталья Лунева. Утром следующего дня –

20 ноября 1941 г., когда бойцы Ичкинского отряда возвратились в свой лагерь, они обнаружили страшную картину. Партизана пытали: выкололи глаза, отрубили руки и ноги. У Натальи Луневой была вырезана грудь. Всех пристрелили. Нацисты и их пособники из числа местных жителей таким образом хотели показать, что так будет с каждым, кто осмелится выступить против нацистского оккупационного режима [4, с. 4]; [3, с. 4].

Безжалостная расправа нацистов с тяжелоранеными и не представляющими угрозы людьми вызвала у партизан Ичкинского отряда чувство лютой ненависти к врагу. Они торжественно поклялись отомстить за гибель своих товарищей. Как подчеркивает в своих воспоминаниях Кузьма Романович Тютерев: *«Теперь каждый осознал еще глубже, что в бою он должен быть стойким, отважным и рассчитывать только на победу. В случае поражения его ждут фашистская пытка, издевательства, мученическая смерть»* [4, с. 4].

19-20 февраля 1942 г. нацистское командование, собрав весьма значительные силы, бросило против партизан Ичкинского и Джанкойского партизанских отрядов крупные воинские части с целью уничтожения партизан. Так начался *«большой прочес»*. И.Г. Генов так в своем дневнике описывал его начало: *«В 10. 40 высоко в небе взорвался снаряд, и белое облако повисло над горой Берлюк. Это был сигнал. Шквал артиллерийского и минометного огня обрушился на лес и продолжался в течение часа. Никто из наших людей от снарядов и мин противника не пострадал»* [2, с. 139].

В течение двух дней ожесточенных сражений Ичкинский партизанский отряд отбил целых 5 атак противника, а Джанкойский партизанский отряд – еще несколько атак. При этом бойцы продолжали крепко удерживать занятую ими позицию – гору Берлюк. Во время сражения начальник штаба Джанкойского партизанского отряда чекист Яков Сизас [5, с. 3]; [6, с. 126-127]; [7, с. 79] прислал записку в которой указывалось: *«У меня в группе 32 партизана, а наступает 600 солдат противника. Прошу оказать*

поддержку». Руководство штаба партизанского района оказало необходимую помощь Джанкойскому партизанскому отряду [4, с. 4].

К 14 часам 20 февраля 1942 г. в бой, помимо джанкойцев и ичкинцев, включились партизанские отряды под командованием полковника Б.Б. Городовикова, капитана Куракова и Карасузабарский партизанский отряд. Кроме того, неожиданную поддержку крымским партизанам оказали советские летчики. Сначала они сделали круг над горой Берлюк, где держали оборону джанкойцы, а затем совершили авианалеты на деревни Шелен, Ворон и Арпат, где произвели бомбардировку вражеских гарнизонов. Вместе с тем, подлетев к Лысой горе, летчики открыли огонь из пулеметов и сбросили осколочные бомбы на гитлеровцев [4, с. 4].

В итоге, не выдержав партизанских атак, поддерживаемых с воздуха советскими летчиками, в панике гитлеровцы бросились назад. Об этом бое К.П. Тютерев вспоминал: *«В этот момент над лесом пронеслось радостное «Ура!». Партизаны кричали: «Да здравствуют советские летчики!», «Да здравствует Красная Армия!»*. Нацистам не только не удалось окружить и истребить партизан, но и нанести им какой-либо **незначительный** урон. В этих боях гитлеровцы понесли большие потери. Партизаны уничтожили 188 солдат, 14 офицеров и 4 проводника-предателя [4, с. 4].

22 февраля 1942 г. командир Ичкинского партизанского отряда Михаил Ильич Чуб получил от разведки данные о том, что по лесной дороге Карасубазар – Ускут будет продвигаться вражеский обоз с боеприпасами. Поэтому, он решил выделить три группы партизан для уничтожения обоза. Командование операцией было поручено чекисту Кузьме Петровичу Тютереву, после войны председателю бюро бывших партизан по г. Джанкою. Выполняя поставленную командиром задачу, 45 партизан подошли к дороге. Именно в этом месте дорожное полотно имело крутой поворот в виде подковы. По периметру расположились бойцы готовые к атаке. Вскоре показался вражеский обоз, который сопровождала вооруженная охрана. Как только он

стал продвигаться по фронту расположения партизан, первые две группы пропустили главную колонну к месту расположения первой, которой командовал П.В. Удовицкий – бывший председатель Джанкойского райисполкома [4, с. 4]; [8, с. 91-92].

По свидетельству К.П. Тютерева П.В. Удовицкий командовал следующее: *«За Родину, за партию, огонь по врагу!»* и партизаны открыли шквальный огонь из засады по гитлеровцам из винтовок, автоматов и пулеметов. Причем, так, что *«немецкие солдаты, лошади и брички, подбитые партизанами, покатались в обрыв»* [9, с. 4]. На помощь внезапно атакованному обозу подоспел взвод гитлеровских солдат. Между партизанами и прибывшим к врагам подкреплением завязался ожесточенный бой. Уничтожив некоторое число вражеских солдат, партизаны отступили, возвратившись в расположение своего отряда [9, с. 4].

14 марта 1942 г. нацисты, бросив огромные силы, стремились нанести свой главный удар по Ичкинскому и Джанкойскому партизанским отрядам, уничтожить их и овладеть наконец горами Скирда и Яю-Кая [10, с. 4]. В этом бою были задействованы силы 24-й немецкой и 18-й румынской пехотных дивизий, к тому времени уже имевший некоторый опыт ведения контрпартизанских операций. Однако, крымские партизаны стойко оборонялись и не сдавали врагу своих позиций. В итоге, упорной обороны Ичкинский и Джанкойский партизанский отряды, нанесли гитлеровцам немалый урон. По данным К. П. Тютерева, немцы и румыны потеряли только убитыми до двухсот солдат и офицеров. Но значительными оказались и потери партизан: в Ичкинском отряде погибло 6 человек, среди которых был комсомолец Борис Шаров, джанкойцы – потеряли 2 человека. Тяжело ранен был в бою 14 марта 1942 г. и комиссар Ичкинского партизанского отряда Иван Степанович Бедин. Также тяжело ранены оказались командир Карасубазарского партизанского отряда Николай Дмитриевич Мильников [10, с. 4].

15 марта 1942 г. нацисты возобновили атаки на Ичкинский и Джанкойский партизанские отряды, начав с артиллерийской и минометной бомбардировок позиций «народных мстителей» [10, с. 4]. Об этом так писал в своем дневнике И.Г. Генев: *«В этот момент на лес обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Интенсивная стрельба длилась около 40 минут, затем все утихло, но вскоре заработали наши пулеметы, минометы, автоматы и винтовки. Донеслись взрывы гранат. Первую атаку противник предпринял в направлении Аю-Кая. Не добившись успеха, он все силы бросил на Берлюк, и опять безуспешно... Против нас вновь были пущены в ход артиллерия и минометы»* [2, с. 162].

Бой стал принимать характер позиционного и разгорался с новой силой. Партизаны использовали все ключевые возвышенности в районе боевых действий. Особенно героически сражались партизаны Джанкойского отряда Иван Паршин, Александр Лещенко, Константин Петрович Кобзев и многие другие. В разгаре боя джанкойцы потеряли весь свой командный состав: погиб командир Джанкойского партизанского отряда Иван Павлович Рюмшин и комиссар Джанкойского партизанского отряда Петр Николаевич Клеветов, руководившись обороной на горе Берлюк [9, с. 4].

В деревни, прилегающие к партизанским районам, была послана разведка с целью добычи продовольствия и получения свежих разведывательных данных о дислокации неприятеля. Побыв у крестьян, партизаны узнали, что немецко-румынские оккупанты распространили по селам объявления следующего рода: *«Кто поймает и доставит властям партизана, тот получит в награду 5000 рублей деньгами и корову, а кто доставит партизанского командира, тот получит дом, корову и 10000 рублей»*. Как нарочно, распространение нацистами этих объявлений хронологически совпало с завершением героической обороны г. Севастополя в июле 1942 г. У немецкого командования освободились свежие силы, которыми оно решило провести против партизан карательную операцию. Две

пехотные дивизии и 1-ая горно-стрелковая бригады со всех сторон блокировали лес. Все дороги патрулировались танкетками, сверху круглосуточное наблюдение вели самолеты противника [9, с. 4]. Это вынудило, в конце сентября 1942 г. принять решение о передислоцировании партизан 1-го и 2-го районов (в составе которых сражались джанкойцы) в Зуйские леса (в район рек Суата и Бурульчи), откуда они были эвакуированы на Большую землю.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав участие в боевых действиях уроженцев Джанкойского района, нами выяснено следующее:

- боевые операции характеризовались решительностью, отвагой и героизмом, были наполнены высоким чувством патриотизма. Партизаны уничтожали вражеские войска, принимая на себя удар тех подразделений, которые нужны были гитлеровцами для ведения осады Севастополя;

- устраивали засады на дорогах, проводили диверсии, саботировали мероприятия, которые планировали немецко-румынские оккупанты на захваченной ими территории Крымского полуострова;

- в боевых операциях отряды потеряли значительную часть командного состава – представлявших партактив Джанкойского района, мобилизованный для ведения антифашистской борьбы в глубоком вражеском тылу;

- борьба велась в трудных бытовых и природно-климатических условиях, лишённые продовольственных баз и запасов теплой одежды, части оружия и воинского снаряжения;

- положение значительно ухудшилось после падения г. Севастополя в начале июля 1942 г. Немецкое командование в большой степени усилило ряды своих карательных подразделений, бросив против партизан дополнительные пехотные части, горно-стрелковые бригады, артиллерию, минометы, танки и авиацию.

Говоря о подвиге и трагедии партизан северного Крыма нужно подчеркнуть, что их ратный труд изнурял нацистских захватчиков и приближал над ним победу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Тютюрев К. Подвиг партизан (действовавших в Джанкойском районе) // Заря коммунизма. 1965. 13 апреля. № 48 (4126). С. 4.
2. Генов И.Г. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1963. 280 с.
3. Тютюрев К. Партизанская «ёлка» // Заря коммунизма. 1967. 1 января. № 1 (4482). С. 4.
4. Тютюрев К. Подвиг партизан (действовавших в Джанкойском районе) // Заря коммунизма. 1965. 14 апреля. № 49 (4127). С. 4.
5. Тютюрев К. Из огненного кольца. Записки партизана // Заря коммунизма. 1967. 19 августа. № 132 (4613). С. 3-4.
6. Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю. «По линии 4-го отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941-1944 гг.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 408 с.
7. Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю. Органы государственной безопасности в партизанско-подпольном движении Крыма в 1941-1944 гг.: учебно-методическое пособие. – Симферополь: ИП Бровка А. А., 2019. 132 с.
8. Чуб М.И. Так было: Документальная повесть. – Симферополь: Таврия, 1980. 192 с.
9. Тютюрев К. Подвиг партизан (действовавших в Джанкойском районе) // Заря коммунизма. 1965. 17 апреля. № 51 (4129). С. 4.
10. Тютюрев К. Партизаны не отступили. Из записок партизана // Заря коммунизма. 1967. 4 апреля. № 54 (4535). С. 4.

РАЗДЕЛ VI. РАСЦВЕТ И КРИЗИС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

УДК 94(47)

Шуняков Дмитрий Викторович

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ СССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПЕРЕХОД ОТ ВОЕННОГО К МИРНОМУ ВРЕМЕНИ (1945–1947 гг.)

кандидат исторических наук, профессор кафедры инженерных войск,
военный учебный центр при Уральском федеральном университете имени
первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
e-mail: konigsberg039@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт перехода наградной системы Советского Союза к условиям мирного времени после окончания Великой Отечественной войны. Показано, что наградная система применялась для награждения отличившихся при проведении Маньчжурской операции (разгрома японской Квантунской армии в августе 1945 г.). Кроме того, в течение двух лет происходило награждение за события Великой Отечественной войны тех, кто по каким-то причинам не получил награды ранее. Констатируется, что после окончания Великой Отечественной войны состояло свыше 650 тыс. награждений орденами и медалями или 5% от общего количества награжденных в борьбе с фашистскими оккупантами.

Ключевые слова: Красная армия, Великая Отечественная война, Маньчжурская операция, награда, орден, медаль

FUNCTIONING OF THE AWARD SYSTEM OF THE USSR AFTER THE END OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: TRANSITION FROM MILITARY TO PEACETIME (1945-1947)

Dmitry V. Shunyakov

Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Engineering Troops, military training center at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg

e-mail: konigsberg039@mail.ru

Abstract. The article analyzes the experience of the transition of the award system of the Soviet Union to peacetime conditions after the end of World War II. It is shown that the award system was used to reward those who distinguished themselves during the Manchurian operation (the defeat of the Japanese Kwantung Army in August 1945). In addition, for two years there was an award for the events of the Great Patriotic War of those who for some reason did not receive the award earlier. It is stated that after the end of World War II, there were over 650 thousand awards of orders and medals or 5% of the total number awarded in the fight against fascist invaders.

Keywords: Red Army, the Great Patriotic War, the Manchurian operation, award, order, medal

За годы Великой Отечественной войны советская наградная система продела путь, который в условиях мирного времени занял многие десятилетия.

На момент начала Великой Отечественной войны в государственную наградную систему входили высшие звания – Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда и медали, которыми награждались удостоенные их – «Золотая звезда» и золотая звезда «Сerp и молот», ордена – Ленина, Красного знамени, Трудового Красного знамени, Красной звезды, Знак Почёта, медали – «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [6, с. 31].

В годы войны было учреждено 9 орденов (а с учетом степеней – 18), а также 10 медалей. Из числа орденов почти все – семь предназначались для награждения командного состава за организацию вверенным им воинскими (флотскими) коллективами. К числу «полководческих» наград относится пять: Победы, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского

(ордена перечислены по старшинству). Ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого имели по три степени, остальные – одну, при этом награждение степенями ордена производилось не последовательно от низшей к высшей, а в зависимости от должностного положения награждаемого. Награждение «*флотоводческими*» орденами Ушакова и Нахимова осуществлялось по аналогичным с «*полководческими*» положениям за исключением количества степеней: две вместо трех. Все ордена кроме Победы, имели индивидуально/коллективный статус [6, с. 33-34].

Самая многочисленная категория военнослужащих – рядовой и сержантский состав – награждалась учрежденным 8 ноября 1943 г. орденом Славы. По своему смыслу, наградным критериям, орденской ленте он представлял возрожденный орден Святого Георгия – самый почетный орден России, правда на одну степень меньше. Награждение шло последовательно от третьей (низшей) к первой (высшей) степени. Орден Славы вручался исключительно персонифицировано [6, с. 33].

Орден Отечественной войны в двух степенях (первый из учрежденных в годы войны) предназначался для награждения всех категорий военнослужащих за личные действия в бою. Награждение осуществлялось по четко разработанным положениям, при этом награждение степенями производилось не последовательно, а самостоятельно [6, с. 32].

Наравне с орденами учреждались и медали. За годы Великой Отечественной войны было учреждено 7 медалей «*За оборону...*»: 22 декабря 1942 г. Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, 1 мая 1944 г. – Москвы и Кавказа и 5 декабря 1944 г. – Советского Заполярья. Награждение производилось всех участников обороны вышеперечисленных городов, принимавших участие в боях длительное время [6, с. 33, 35].

Медальями Ушакова и Нахимова, учрежденными 3 марта 1944 г. награждались матросы (солдаты), старшины (сержанты) и мичманы (прапорщики) флота (береговых частей) за личное отличие на морских театрах

военных действий. Являлись морскими аналогами медалей «*За отвагу*» и «*За боевые заслуги*» [6, с. 35].

Медалью Партизану Отечественной войны награждались участники партизанских отрядов. Награждение степенями медали производилось в зависимости от заслуг: 1-й степенью – за организацию партизанского движения и планирование операций, 2-й степенью – за личное боевое отличие и выполнение приказов и заданий командования [6, с. 33].

Для оптимизации наградного производства в 1942–1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наделил наградными полномочиями командиров воинских формирований в зависимости от занимаемой должности. Каждый командир производил награждение определенной категории военнослужащих строго определенным перечнем наград. Например, командир полка награждал солдат и сержантов только медалями, командир дивизии уже награждал офицеров до командира роты включительно, а его наградной арсенал расширен орденами Красной звезды и Славы 3-й степени и т. д. [6, с. 35]

Капитуляция фашистской Германии 7 мая 1945 г. и объявление 9 мая 1945 г. днем Победы [4, с. 216] не привела к изменениям в существовавший системе награждения. Это явилось следствием продолжения боевых действий на Дальнем Востоке и возросшей конфронтацией с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Верный союзническому долгу, 8 августа 1945 г. СССР начал боевые действия против Японии на Дальнем Востоке. Всего за 22 дня была разгромлена Квантунская армия численностью около 1,3 млн чел., что принудило Японию к признанию поражения и капитуляции 2 сентября 1945 г. За отличия в боях против Японии в составе войск 1-го и 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской речной флотилии, 35 соединений и частей получили почётное наименование «*Уссурийские*» и «*Харбинские*», 149 – награждены орденами, 308 тыс. солдат и офицеров были награждены орденами и медалями (87 из них стали Героями

Советского Союза) [1, т. 1, с. 328-329]. Количество награжденных за разгром японского милитаризма на Дальнем Востоке составило 2,38% от общего количества награжденных за бои с Германией и Японией [2, с. 379].

Выход из войны главного противника – Германии резко обострил отношения Советского Союза и западных союзников, по-разному видевших послевоенное устройство мирового порядка. Дело дошло до разработки по заданию премьер-министра Великобритании У. Черчилля секретных планов (операция «*Немыслимое*») по войне против СССР. В сложившихся условиях потенциальной войны против бывших союзников командующий группой советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) маршал Г.К. Жуков перегруппировал силы в Восточной Европе и начал готовиться к обороне [5]. В сложившихся условиях не было смысла отменять существовавший порядок наградного производства.

После окончания войны была учреждена группа наград за события Великой Отечественной войны. Речь идет о медалях за взятие/освобождение городов, за победу над Германией/Японией. Медали «*За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.*» и «*За победу над Японией*» вручались всем участникам Великой Отечественной войны и разгрома Квантунской армии на Дальнем Востоке соответственно, а также лицам, внесшим свой вклад в победу. Примечательно, что профиль маршала И. В. Сталина на одной медали смотрит на запад (за победу над Германией), в другом – на восток. Медаль «*За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.*» является единственной учрежденной наградой для награждения тружеников тыла, ковавших оружие победы. Лицевая часть медали аналогична медали «*За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.*», на обратной стороне надпись по окружности «*За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.*», серп и молот в верхней части и звездочка в нижней. Медали «*За взятие Берлина/ Будапешта/ Кенигсберга/ Вены*» и «*За освобождение*

Белграда/ Варшавы/Праги» выполнены по единой композиционной схеме. На лицевой стороне помещалось название города, взятого штурмом или освобожденного от фашизма, но обратной стороне дата взятия/освобождения. Суммарное количество награжденных данными медалями составило около 36,5 млн. чел. [3, с. 98-99, 107, 110, 123, 127, 131]

Также, после окончания войны осуществлялось награждение тех, кто по каким-то причинам не получил награды ранее. Всего, в период 1945-1947 гг. состоялось 652 тыс. награждений (5,1 % от общего количества награжденных по эпизодам Великой Отечественной войны) [2, с. 380].

В 1947 г. Президиум Верховного совета СССР отменил права награждения орденами и медалями от имени Президиума Верховного совета СССР, предоставленные в период Великой Отечественной войны ряду лиц командного состава Вооруженных сил СССР [4, с. 299].

Таким образом на развитие наградных процессов после окончания Великой Отечественной войны влияли: продолжение боевых действий на Дальнем Востоке против Японии; потенциальная возможность начала войны с союзниками по антигитлеровской коалиции; переосмысления вклада отдельных военнослужащих (воинских коллективов) в события войны и их награждение.

Учреждение медалей *«За победу...»*, *«За взятие...»* и *«За освобождение...»* продолжило традицию памятных наград и свидетельствует о желании государства отметить вклад миллионов солдат и офицеров, их мужество и героизм, проявленный на полях сражений. Символично, что медали вручались всем категориям военнослужащих без ограничений. Медаль *«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»* стала единственной наградой, учреждённой для награждения за работу на заводах и колхозах по обеспечению страны и фронта всем необходимым для разгрома врага.

В районах, где продолжались боевые действия (Дальний Восток), продолжались награждения и поощрения аналогично событиям Великой Отечественной войны.

Указом Президиума ВС СССР от 26 февраля 1947 г. произошла централизация наградного процесса в высших эшелонах власти и переход системы награждения Советского Союза на довоенные положения мирного времени. Награды СССР, учрежденные в период Великой Отечественной войны, за исключением медалей единовременного массового применения (за победу в войне, за оборону, взятие, освобождение городов, а также партизанская медаль), перешли в «спящее» состояние.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Великая Отечественная война 1941-1945 годов: в 12 т. / гл. ред. комис.: ген. армии С.К. Шойгу – пред. [и др.]. – М.: Кучково поле, 2015.
2. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / под. общ. ред. генерала армии А.П. Белобородова. – М.: Воениздат, 1963. 624 с.
3. Володин А.Н., Мерлай Н.М. Медали СССР. – М.: Печатный Двор, 1997. 229 с.
4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Ю.И. Мандельштама. – М.: Гос. изд-во юрид. литры, 1956. 500 с.
5. Терентьев О.В. Великобритания и СССР в мае 1945 года: союзники или враги. // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С.39-45.
6. Шуняков Д.В. Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941-1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30-37.

Кузнецов Алексей Андреевич

**НАЛЁТЫ АВИАЦИИ США НА ГЭС КНДР ВО ВРЕМЯ
КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1952 Г.**

кандидат исторических наук, Научно-исследовательский институт военной
истории Военной академии Генерального штаба, Москва

e-mail: onfp@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены результаты последствий налётов авиации Соединённых штатов на гидроэлектростанции КНДР во время Корейской войны в июне – июле 1952 г. Приводятся географические и технические особенности обороняемого объекта, а также особенности его противовоздушной обороны. Представлены характеристики обороняемых средств. Отражены особенности налёта авиации США на корейские ГЭС.

Ключевые слова: Корейская война; зенитная артиллерия; авиация США; ГЭС; КНДР; 1952 г.

**US AIRCRAFT AT THE DPRK HPP DURING THE KOREAN WAR IN
JUNE - JULY 1952**

A.A. Kuznetsov

Candidate of historical Sciences, Military Academy of the General Staff (Research
Institute of Military History) Russian Armed Forces, Russia, Moscow

e-mail: onfp@yandex.ru

Abstract: The publication presents the results of the consequences of the air raids of the United States on the hydroelectric power plants of the DPRK during the Korean War in June - July 1952. Based on the Report to the Chief Military Adviser of the Korean People's Army, Lieutenant General V.N. Razuvaev dated July 11, 1952, the geographical and technical features of the defended object, as well as the features of its air defense, are given. In addition, the characteristics

of the defended means, as well as their number, are presented. The features of the US air raid on Korean hydroelectric power plants.

Key words: Korean War; anti-aircraft artillery, US aviation, hydroelectric power station, DPRK

Корейская война началась 25 июня 1950 г. Её причиной послужило провозглашение в северной части Кореи в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Конфликт первоначально считался гражданской войной, но в последующем приобрел глобальный охват. Администрация американского президента Г.Трумана решила, что этот конфликт противоречит интересам США, в связи с этим Республике Корея была оказана военная помощь. Опасения, по мнению Г. Киссенджера, были вызваны тем, что победа КНДР могла привести к созданию *«общеазиатского монолитного коммунистического монстра»* [2, с. 429].

Советский Союз также ввёл в КНДР ограниченную группировку Вооруженных сил. Она состояла из военных советников, военных специалистов и 64-го истребительного авиационного корпуса (иак).

Боевой состав 64 иак периодически менялся, но, как правило, в его состав одновременно входили 2-3 истребительно-авиационные дивизии, 2 зенитно-артиллерийские дивизии, авиационно-техническая дивизия, отдельный ночной истребительно-авиационный полк и зенитно-прожекторный полк [1, с. 274]. Корейская народная армия (КНА) и Китайская народно-освободительная армия были слабо подготовлены для отражения нападения с воздуха как в техническом отношении, так и в плане боевой подготовки. В связи с этим их консультировали советские военные советники.

Наступательные действия авиации США велись не только по военным объектам, но и по промышленным гражданским объектам. Зачастую целями являлись гидроэлектростанции (ГЭС).

Чаще всего атакам авиации США подвергалась ГЭС Супхун. Наибольшей активности они достигли в период с 23 июня по 8 августа 1952 г.

Дни налёта были выбраны предусмотрительно, они позволяли не только обесточить КНДР и часть Северного Китая, но и нарушить их систему сельского хозяйства [4, с. 520]. В этот период страны Восточной Азии производят пересадку риса.

ГЭС Супхун находилась на реке Амноккан, являвшейся юго-западной границей с Китаем. Добываемая электроэнергия распределялась между странами. В связи с этим противовоздушную оборону (ПВО) объекта осуществляли китайские добровольцы.

Данные о подготовке, ходе и результатах массированного налета на ГЭС КНДР в июне – июле 1952 г. изложены в Докладе главному военному советнику Корейской народной армии генерал-лейтенанту В.Н. Разуваеву от 11 июля 1952 г. [5].

В ходе подготовки к операции ВВС США проводили длительную разведку: с апреля по 14 июля 1952 г. Несмотря на это выводов об усилении ПВО сделано не было. В результате была изучена не только главная цель, но и боевой порядок зенитных средств.

Активные действия начались 23 июня 1952 г. В налёте участвовали самолёты различного назначения: Ф-51, Ф-80, Ф-84, Ф-86, Б-26 общим количеством около 180 единиц. Все эти средства вооружения были разделены на четыре группы. Первая из них вывела из строя 50 % зенитной артиллерии, защищавшей объект, и провела бомбардировку самой электростанции. Группа состояла из реактивных истребителей-бомбардировщиков Ф-80 и Ф-84, которые, в отличие от бомбардировщиков Б-26, могли производить сброс боеприпасов под углом.

Последующие группы осуществили бомбометание и обстрел ГЭС Супхун пулеметами и реактивными снарядами. Выведенные из строя средства ПВО позволили использовать в следующих налётах моторную авиацию: истребители-бомбардировщики Ф-51 и бомбардировщики Б-26.

В результате атаки ВВС США 23 июня 1952 г. были повреждены некоторые элементы ГЭС: пять трансформаторов, два генератора, щит пульта управления, распределительные устройства, аккумуляторные батареи. Это привело к временному прекращению энергоснабжения КНДР и части Китая. Одна из четырёх турбин ГЭС Супхун не была повреждена.

После налёта советскими советниками был осуществлен разбор недостатков организации ПВО объекта. Так, были слабо учтены условия местности. Наличие гор делало гидроэлектростанцию уязвимой для налёта только со стороны спада воды. Поэтому зенитные средства должны были сосредотачиваться в этом направлении. Основные блоки ГЭС не размещены в укрытиях, хотя имелась возможность установить их в склонах гор.

Не принята во внимание авиационная разведка противника, которая длилась в течение 2,5 месяцев.

Средств ПВО было не достаточно. На 23 июня 1952 г. прикрытие осуществляли: 12 зенитных 85-мм пушек и 24 зенитных 37-мм пушки. Радиолокационных средств не было. Пулемёты для борьбы с низколетящими целями не применялись.

Отсутствовали радиотехнические средства передачи данных. Информация о подлёте авиации противника к зенитным группам своевременно не доводилась. Не было организовано взаимодействие зенитной артиллерии с истребительной авиацией. В связи с этим самолёты не участвовали в отражении нападения на ГЭС.

Советские эксперты выдвинули предложение организовать систему зенитно-артиллерийской обороны ГЭС Супхун в три кольца. Два внешних – оснащенных среднекалиберной пушками, и одно внутреннее – с малокалиберной зенитной артиллерией и пулемётами.

Элементы ГЭС разместить в укрытиях. Для ускорения процесса использовать не ручной труд, как это делалось до этого, а инженерное оборудование.

Все средства обороны подчинить одному командованию. При этом отработать схему *«взаимодействия между истребительной авиацией, зенитной артиллерией, радиопрожекторами и радиолокационной разведкой»*.

Рекомендации позволили внести корректировки в организацию ПВО ГЭС Супхун. На 11 июля 1952 г. состав вооружений был следующий: 44 зенитных 85-мм пушки; 52 зенитных 37-мм пушки; три радиолокатора орудийной наводки и одна станция радиотехнического обнаружения. Неповрежденные трансформаторные подстанции получили скрытное базирование.

В сентябре 1952 г. работа ГЭС Супхун была восстановлена. В последующем она несколько раз подвергалась налётам американской авиации, но предложения советских военных советников, позволили обеспечить сохранность стратегически-важного объекта [3, с. 555-560].

В июне–июле 1952 г. налётам авиации подверглись и менее крупные ГЭС КНДР. Среди них объекты, находящиеся на каскадах рек: Чхончхонган, Пукханган, Хоченган. Все каскады представляли собой узкие ленточные цели, состоящие из четырёх ГЭС, находящихся в гористой местности.

Все эти объекты были оборудованы системой ПВО частично и слабо. На каскаде реки Чхончхонган средствами противовоздушной борьбы были оборудованы только две ГЭС. Каждая из них имела на вооружении по восемь 37-мм пушек. На ГЭС № 2 также было 8 пулеметов ДШК. В осуществлении ПВО на реках Пукханган и Хоченган принимало участие по одному зенитно-артиллерийскому дивизиону, на вооружении которого были 37-мм пушки.

Американская авиация перед нападением в течение нескольких дней проводила разведку. Однако военнослужащие КНА не уделили этому должного внимания.

В атаках ГЭС на каскадах рек Чхончхонган, Пукханган и Хоченган участвовали самолёты Ф-51, Ф-84, Ф-80. Они действовали группами от 8 до 70 единиц. Перед атакой самолёты в ромбовидном, клинообразном или

развернутом строе пролетали над объектом атаки на высоте 3–3,5 км. Данное расстояние было недоступным для малокалиберной зенитной артиллерии. Определив цели, самолёты перестраивались в кильватерную колонну, снижались до 800 м и производили бомбометание под углом 45°–60°. Осуществлялось до трёх заходов на цель. Изредка бомбардировки прикрывались истребителями Ф-86. Затем производились облёты ГЭС, чтобы изучить нанесённые повреждения и выяснить возможность повторения налёта.

В результате были повреждены элементы всех 12 ГЭС, расположенных на атакуемых каскадах. Большинство из объектов были нарушены незначительно. Многие из них возобновили работу уже в июле.

В каждом из случаев причиной неудач, со стороны обороняющихся, являлось недостаточное количество зенитно-артиллерийских средств, отсутствие мероприятий по повышению надёжности и маскировке обороняемых объектов.

Таким образом документы, отражающие опыт боевых действий в Корее, показывают не только объективную реальность того времени, но и демонстрируют, специфические приемы работы военных советников, которые актуальны и в настоящее время. Выявление недостатков в ПВО ГЭС, позволили существенно улучшить их защиту.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Корейская война 1950–1953 гг.: Историография и археография. Сеул. 2009. С. 269-277.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. – М. 1997. 848 с.
3. Лотоцкий С.С. Война в Корее. 1950-1953. – СПб., 2000. 928 с.
4. Окроков А.В. Секретные войны СССР. Самая полная энциклопедия. – М. 2014. С. 520. 736 с.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 16а,
Оп. 3139, Д. 131. Л. 1-16.

Горлов Владимир Николаевич

**НАЧАЛО ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ ПРОГРАММЫ
ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В
СССР**

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
исторических наук и архивоведения Московский государственный
лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: gorlov812@mail.ru

Аннотация. В статье отражена деятельность советского государства по практическому воплощению в жизнь главных задач коммунистического строительства, намеченных Программой КПСС. В статье подчеркивается, какое значение в советском обществе в этот период придавали коммунистическому воспитанию детей. В статье рассматриваются планы советского государства по коренному изменению бытового уклада и постепенное превращение индивидуального домашнего хозяйства в общественное.

Ключевые слова. Коммунистическое воспитание, общественное питание, школы-интернаты.

**THE BEGINNING OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM OF
BUILDING A COMMUNIST SOCIETY IN THE USSR**

Vladimir N. Gorlov

doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Sciences
and Archival Science Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: gorlov812@mail.ru

Abstract. The article reflects the activity of the Soviet state in the practical implementation of the main tasks of communist construction outlined by the Program of the CPSU. The article

emphasizes the importance in Soviet society during this period attached to the communist upbringing of children. The article discusses the plans of the Soviet state to radically change the way of life and the gradual transformation of an individual household into a public one.

Key words: Communist education, catering, boarding schools.

Построение коммунистического общества в нашей стране означало создание впервые в истории человечества высокоорганизованного бесклассового общества. Грандиозные социальные изменения должны были повлечь за собой изменение функций жилого дома, квартиры и её помещений. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, были намечены главные задачи и основные этапы коммунистического строительства на два ближайших десятилетия (1961-1970 и 1971-1980 гг.): сокращение и облегчение женского труда в домашнем хозяйстве с последующей заменой его общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи, общественное питание, коммунальное обслуживание, бесплатное общественное воспитание детей, значительное увеличение свободного времени трудящихся за счет сокращения рабочего дня и возможность использования этого времени для самообразования, повышение культурно-технического уровня, развитие способностей и дарования людей. Все эти факторы, коренным образом влияющие на семейный уклад, должны быть учтены при определении функций жилища ближайшего будущего и тенденций их дальнейшего развития.

Следует отметить, что одновременно очень большое значение придавали коммунистическому воспитанию. С конца 1950-х гг. развёртывались обсуждения о приобщении женщин к общественно-полезной деятельности, о необходимости освобождения женщин в течение рабочего дня, а иногда и вечером от забот по присмотру за детьми и от приготовления пищи. Одним из способов частичного освобождения женщины должны были

стать дневные детские учреждения: пребывание детей в круглосуточных детских садах-яслях или школах-интернатах.

В результате реформы образования стали распространяться школы-интернаты. Лидер партии искренне верил в коммунистическое будущее и считал школы-интернаты важным инструментом для построения коммунистического общества. Именно они наиболее плодотворно будут воспитывать строителей коммунизма.

Часть социологов считали, что в современных условиях никакая семья не способна взять на себя функции главного воспитателя детей школьного возраста, использовать школу только в качестве помощника. Н.С. Хрущёв в своем выступлении 9 июля 1960 г. на Всероссийском съезде учителей заявил: *«Нужно, чтобы партийные организации не считали вопросы воспитания детей в семье только «личным» делом родителей, не занимали «нейтральную» позицию. Надо воспитывать у всех трудящихся чувство ответственности за воспитание детей»* [2, с. 25].

В те годы считали, что вся полнота общественной морали, навыков и поведения детей может сформироваться у них лишь в условиях постоянного воздействия детского коллектива, воспитателей и семьи на основе общественного воспитания. *«Воспитательное влияние семьи на детей должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием»* [3, с. 414]. Наиболее плодотворно это сочетание осуществлялось в условиях территориального и функционального объединения жилища и детских учреждений.

Программа КПСС предусматривала, что сеть дошкольных учреждений и школ-интернатов разных типов должны были *«обеспечить полное удовлетворение потребностей трудящихся в общественном воспитании детей дошкольного и школьного возраста по желанию родителей»* [3, с.413-414].

Всемерное развитие общественного воспитания и образования детей вызовет увеличение потребностей в школах продленного дня и школах-интернатах. В связи с этим предполагали, что различными типами школ-интернатов в перспективе будут охвачены большинство школьников, за исключением незначительной группы детей с ослабленным здоровьем или хроническими заболеваниями. Эти дети могут воспитываться в специальных загородных школах. Таким образом, исходя из условий коммунистического воспитания детей, охват восьмилетними школами-интернатами должен был составить примерно 90% советских детей. В перспективе средние школы представляли бы собой единый тип учебно-воспитательного учреждения, объединяющий общественное воспитание, образование и всестороннее развитие молодого поколения вплоть до совершеннолетия при полном бесплатном государственном обеспечении. В дальнейшем, когда объемы строительства интернатов возрастут, загородные школы-интернаты будут предназначены в основном для детей, нуждающихся в укреплении здоровья, а большая часть школ-интернатов разместится в микрорайонах наряду со школами, имеющими в своем составе частичные интернаты.

В нашей стране развитие общественных форм бытового обслуживания должно было привести к тому, чтобы большая часть процессов, связанных с хозяйственным обслуживанием семьи (стирка, чистка одежды, приготовление пищи и др.), должно осуществляться вне квартиры.

В жилище процесс питания остался бы только как второстепенный, требующий минимум условий. Жилище должно было претерпеть существенные изменения, вызванные не только техникой, но и коренными сдвигами в решении ряда социальных проблем, которые были намечены в Программе КПСС. Значительное увеличение сети общественного питания в Советском Союзе и повышение качества работы столовых, кафе, закусочных впоследствии должно было привести к отказу от домашней кухни. Широкий охват населения общественным питанием неизбежно должен был привести к

уменьшению роли кухни. Она будет служить главным образом для подогрева готовых блюд или приготовление их из полуфабрикатов. В связи с этим отпадала необходимость и в такой площади кухни, которая рассчитывалась на ведение полного домашнего хозяйства [4, с. 97-98].

То же относилось и к проведению семейных праздников. Они постепенно должны были быть перенесены в специально предназначенные для этого помещения общественного характера. В эти годы приветствовались семейные торжества (свадьбы, дни рождения, юбилейные даты и пр.), проводимые в клубах и кафе.

С развитием системы механизированной стирки белья на фабриках-прачечных с улучшением качества их работы и снижением стоимости крупная стирка в домашних условиях будет, как искренне считалось, редким явлением. Уже в начале 1960-х гг. большая часть населения крупных городов широко пользовалась услугами прачечных. Освобождение квартиры от большей части функций, связанных с хозяйственным обслуживанием семьи, должно было значительно повысить её комфортабельность.

Для выявления рациональных решений социально-бытовой организации жилища нового типа Госкомитетом по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР совместно с Союзом архитекторов СССР в 1964 г. был объявлен открытый конкурс на эскиз-идею жилого дома с коллективным обслуживанием. Перед авторами была поставлена задача разработать для строительства ближайших лет более совершенные типы жилища и новые формы общественного культурно-бытового обслуживания населения, способствующие претворению в жизнь идей коммунистического быта, вовлечению наибольшей части населения в трудовую и общественную деятельность, развитию его духовной и физической культуры. В этих проектах была предусмотрена новая организация быта, при которой предполагалось, что жизнь семьи будет протекать не только в квартире, но также и в общественных помещениях, расположенных в жилом комплексе.

В Москве архитектором Н. Остерманом был построен дом-комплекс, рассчитанный на 2200-2300 человек, состоящий из двух 16-этажных жилых корпусов, соединенных между собой двухэтажным зданием, где находится блок обслуживания. В индивидуальных квартирах не было кухонь. Вместо них в общих комнатах был размещен кухонный агрегат (плита, мойка). В верхних этажах предусмотрен ряд общественных помещений: гостиные, кухня с заготовочными и т.д. В первом этаже – детский клуб. Блок обслуживания был рассчитан на всех жильцов дома и вмещал кафе-столовую на 300 мест, зал универсального назначения, детский сад-ясли. [1, с. 44]. В эти годы появились жилые комплексы с обслуживанием для строительства в Якутии, Баку, Норильске.

Формирование типов жилища происходило под влиянием социальных факторов. Если в капиталистических странах жилища содействовали закреплению индивидуализма и частной собственности, то в социалистическом обществе улучшение бытовых условий населения наряду с усовершенствованием средств, облегчающих условия труда по обслуживанию семьи, предполагало коренное изменение бытового уклада и постепенное превращение индивидуального домашнего хозяйства в крупное общественное.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Иванова Е.К., Кацнельсон Р.А. Улица Чайковского, 25.; Путеводитель. – М.:Московский рабочий, 1986. 47 с.
2. Калугин Г.П. Шумаков А.В. Семья – не частное дело. – М.: Советская Россия, 1964. 78 с.
3. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
4. Основы проектирования квартир. – М.: Стройиздат, 1967. 128 с.

Карпов Виктор Петрович

**О РОЛИ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ИНСТИТУТА В СОЗДАНИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА**

доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Россия, Тюмень

e-mail: 7654321.58@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены причины, обстоятельства и результаты создания Тюменского индустриального института, сыгравшего ключевую роль в развитии высшего технического образования в регионе. Выясняется вклад в организацию нового вуза людей, стоявших у его истоков. Показано взаимовлияние процессов становления индустриального института и новых отраслей промышленности в Тюменской области. Оценивается значение института для создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, индустриализации Тюменского севера.

Ключевые слова: Тюмень; вуз; нефть; наука; преподаватели; студенты.

**ON THE ROLE OF THE TYUMEN INDUSTRIAL INSTITUTE IN THE
CREATION OF THE WEST SIBERIAN OIL AND GAS COMPLEX**

Viktor P. Karpov

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University, Russia, Tyumen

e-mail: 7654321.58@mail.ru

Abstract. The reasons, circumstances and results of the creation of the Tyumen Industrial Institute, which played a key role in the development of higher technical education in the region, are considered. The contribution to the organization of a new university of people who stood at its

origins is clarified. The mutual influence of the processes of formation of an industrial institute and new industries in the Tyumen region is shown. The importance of the institute for the creation of the West Siberian oil and gas complex, the industrialization of the Tyumen north is assessed.

Key words: Tyumen; university; oil; science; teachers; students.

В декабре 2023 г. исполняется 60 лет Тюменскому индустриальному университету (в 1963-1994 гг. – Тюменский индустриальный институт, в 1994-2016 гг. – Тюменский государственный нефтегазовый университет). В 1963 г. идея организации нового вуза казалась многим руководителям системы образования несостоятельной не только потому, что тогда в Тюменской области отсутствовала крупная промышленность – руководство Минвуза РСФСР смущало 1) отсутствие материально-технической базы будущего вуза, 2) необеспеченность преподавательскими кадрами: учить будущих инженеров в провинциальном городе было некому.

Создание высшего технического образования в области инициировал секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС Александр Константинович Протозанов, который лично пробивал решение о строительстве нового тюменского вуза в Москве и добился включения в Постановление Совета Министров СССР *«Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области»* (4 дек. 1963 г.) пункта о создании в Тюмени индустриального института (ТИИ) [5, с. 298]. На этом пути предстояло преодолеть большие трудности, что понимали и в Москве, и в Тюмени, поэтому и само название института не было случайным: по словам ректора ТИИ (в 1973-1986 гг.), В.Е. Копылова, подобные институты создавались, как правило, там, где их организация признавалась министерством преждевременной, либо, уступая давлению обкомов. Разрешения на институт давались скрепя сердце» [4, с. 307].

Об особой роли А.К. Протозанова в создании ТИИ позже вспоминала проректор института М.М. Афанасенкова. *«Я считаю, – писала она, – если бы не позиция Александра Константиновича, индустриальный институт у нас бы не открылся. Знаю, многие со мной не согласятся в этом утверждении, но мне-то ситуация знакома очень хорошо, я тогда руководила в обкоме партии школьным сектором. В этом секторе был только один сотрудник – я, а школьный сектор занимался и школами, и учебными заведениями, и становлением вузов»* [3, с. 137].

Настойчивость региональной власти, разумеется, не была проявлением местничества: новые отрасли промышленности, формируемые здесь в связи с открытием Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, требовали большого количества специалистов и полагаться только на инженеров нефтегазового профиля из старых нефтяных районов СССР было недальновидно. Реализуя правительственное постановление 1963 г., министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин в январе 1964 г. подписал приказ, в котором обязал республиканского министра В. Н. Столетова в двухмесячный срок разработать и представить на согласование предложения о мероприятиях по организации Тюменского индустриального института. В первую очередь необходимо было быстро построить учебный корпус с лабораторной базой и обеспечить новый вуз квалифицированными преподавательскими кадрами.

На пионерном этапе ядро высококвалифицированных кадров вуза, как и первый отряд специалистов нефтяных предприятий, формировался, главным образом, благодаря энтузиастам, прибывшим из-за пределов Тюменской области. В числе основателей ТИИ было много ученых из Свердловска – ближайшего к Тюмени крупного индустриального и научного центра. Первым ректором ТИИ 3 февраля 1964 г. бюро Тюменского обкома КПСС утвердило кандидата технических наук, доцента Анатолия Николаевича Косухина (1925-1988), прежде работавшего в Уральском политехническом институте (УПИ)

им. С.М. Кирова. Он возглавлял ТИИ с 1964 по 1973 годы и на его плечи легли все трудности организационного периода. Первым деканом нефтегазопромыслового факультета ТИИ и следующим, после А.Н. Косухина, ректором ТИИ был тоже свердловчанин – Виктор Ефимович Копылов (1932-2019). Проректором по учебной и научной работе в 1964 г. стал кандидат геолого-минералогических наук, доцент Василий Константинович Ермаков (1909-1992), который после войны заведовал кафедрой «*Минералогии и кристаллографии*» и руководил геологическим факультетом в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (г. Свердловск). Первым деканом заочного и вечернего факультета работал Федор Иванович Гурьев (1913-1980), не имевший ученых степени и звания, но показавший себя хорошим организатором на должности заведующего учебно-консультационным пунктом УПИ в Тюмени (1956-1964 гг.). Первым и единственным профессором на старте истории вуза был Иван Викторович Лебедев (1909-2002), заведующий кафедрой общей геологии. До зачисления в штат ТИИ (1964 г.) он работал в Томском политехническом институте.

Два детища – ЗСНГК и ТИИ – шли нога в ногу. В 1964 г. первая тюменская нефть была отправлена баржами на Омский нефтеперерабатывающий завод, а ТИИ сделал первый набор студентов. В 1964/65 учебном году в институте было 1605 студентов, которых учили 95 преподавателей, в т.ч. 1 доктор наук, профессор и 14 кандидатов наук, доцентов, работали 3 факультета (нефтегазопромысловый, инженерный и вечерне-заочный), 11 кафедр готовили инженеров по 12 специальностям [1, с. 222-223].

В январе 1968 г. Тюмень посетил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Побывал он и в Тюменском индустриальном институте. В книге почетных посетителей ТИУ осталась его запись: «*Ваш институт – решающий фактор в развитии области. Тюмень будет энергетической базой страны. Успех ее развития – ваши кадры. Желаю успеха (4/-1968 г.)*» [1, с. 9].

В 1969 г. в Западной Сибири было добыто 20 млн тонн нефти, а в ТИИ состоялось торжественное вручение дипломов первому выпуску специалистов. На торжество прибыли коллеги из УПИ им. С.М. Кирова, нефтяных вузов СССР. Спустя год ЗСНГК выдал продукции на треть больше, чем в 1969 г. Второй выпуск инженеров ТИИ тоже вырос на треть, а в 1972 г. достиг 1 тысячи человек [2, с. 5]. Подразделения ТИИ росли стремительно. В 1973 г., когда праздновалось 10-летие института, в нем было уже 10 факультетов, 48 кафедр, 22 специальности, 8 955 студентов, 1382 преподавателя и сотрудника, включая 11 докторов наук, профессоров, 168 кандидатов наук, доцентов [1, с. 223]. К концу первого десятилетия ТИИ в Тюменском регионе работало более 3-х тысяч выпускников тюменской кузницы инженерных кадров, многие занимали ответственные посты в организациях и на стройках страны, стали позже известными политиками, учеными, руководителями крупных компаний. Среди них Юрий Шафраник, Глава Тюменской области с 1990 по 1993 г., министр топлива и энергетики в 1993-1996 гг., Владимир Богданов, с 1984 г. генеральный директор ПО «Сургутнефтегаз»; депутат Государственной думы 4-6-го созывов Сергей Муравленко, первый губернатор Ямала (в 1994-2010 гг.) Юрий Неёлов и десятки других руководителей регионального и федерального масштаба, закончивших ТИИ.

История Тюменского индустриального института органично слилась и переплелась с историей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В регионе было решено много сложных управленческих, организационных, научно-технических задач, связанных с разработкой месторождений. Но, пожалуй, самой сложной была задача обеспечения новых отраслей индустрии инженерными кадрами. В 1970-е – 80-е гг. ТИИ сыграл решающую роль в успешном решении этой задачи. Сегодня Тюменский индустриальный университет остается одним из ведущих вузов страны по подготовке

инженерно-технических кадров для отечественной нефтяной и газовой промышленности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вуз, нефть и люди / Сост. В.Е. Копылов. – Тюмень: АО «Слово Тюмени», 1993. 240 с.
2. Кафедра истории и культурологии: Серия «Тюменский государственный нефтегазовый университет» / Сост. А.И. Баикина, Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 24 с.
3. Комгорт М. В., Майданов В. С. Лидер нефтегазовой революции. – Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2013 г. 520 с.
4. Копылов В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). В 3-х кн. Кн. 3. – Тюмень: Издат. фирма «Слово», 2002. 460 с.
5. Нефть и газ Тюмени в документах (1901-1965). – Свердловск: Ср-Урал. кн. изд-во, 1971. 480 с.

Тыныбаев Сандыбек Кыстаубекович¹, Чернягин Дмитрий Павлович², Майтанова Алия Маратовна³

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1969–1989 гг.)

¹доктор PhD, научный сотрудник Военного научно-исследовательского центра, Национальный университет обороны имени Первого Президента РК – Елбасы, г. Астана, Республика Казахстан

e-mail: Asker.kz@mail.ru

²докторант, научный сотрудник Военного научно-исследовательского центра, Национальный университет обороны имени Первого Президента РК – Елбасы, г. Астана, Республика Казахстан

e-mail: Chernyagin1977@mail.ru

³старший офицер отдела научной информации и инноваций Военного научно-исследовательского центра Национального университета обороны имени Первого Президента РК – Елбасы г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: aliya.maitanova@gmail.com

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают особенности использования опыта Великой Отечественной войны в системе военно-патриотического воспитания военнослужащих и гражданской молодежи, существовавшее в советском государстве в 70-80-х годах XX-века. Авторы проводят анализ организации военно-патриотической работы и ее содержание в Среднеазиатском военном округе. Статья предназначена для широкого круга научных исследователей советского периода.

Ключевые слова: Военно-патриотическая работа; Среднеазиатский военный округ; Великая Отечественная война, Вооруженные Силы СССР; военнослужащий; гражданская молодежь.

**FEATURES OF THE ORGANIZATION OF MILITARY-PATRIOTIC
WORK IN THE CENTRAL ASIAN MILITARY DISTRICT
(1969–1989)**

Sandybek K. Tynybaev

researcher at the Military Research Center, National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy, Republic of Kazakhstan, Astana.

e-mail: Asker.kz@mail.ru

Dmitriy P. Chernyagin

senior researcher at the research Institute of weapons and military equipment of the military research center of the National defense University named after First President Of The Republic Of Kazakhstan-Elbasy. Kazakhstan, Astana

e-mail: Chernyagin1977@mail.ru

Aliya M. Maitanova

senior Officer of the Department of Scientific information and Innovation of the Military Research Center of the National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy. Kazakhstan, Astana

E-mail: aliya.maitanova@gmail.com

Abstract. In this article, the author examines the system of military-patriotic education of military personnel and civilian youth that existed in the Soviet state in the 70-80s of the XX century. The author analyzes the organization of military-patriotic work and its content in the Central Asian

Military District. The article is intended for a wide range of scientific researchers of the Soviet period.

Key words: Military-patriotic work; Central Asian Military District; Armed Forces of the USSR; serviceman; civilian youth.

В советский период огромное значение в деле укрепления защиты страны уделяли в военно-патриотическому воспитанию молодежи и ее готовности к воинской службе. В советском государстве система военно-патриотического воспитания была многогранна по содержанию, организации, формам, методам и средствам работы, которыми руководствовались политические органы САВО в своей деятельности с допризывной и призывной молодежью.

Основная роль в организации военно-патриотического воспитания молодежи принадлежала командирам и политическим органам САВО, общественным организациям ДОСААФ, военным комиссариатам и органам гражданской обороны Казахской ССР.

Таковы важнейшие социально-политические, идеологические и военно-технические факторы, которые в 70-х – 80-х гг. XX в. обуславливали необходимость усиления военно-патриотического воспитания.

В связи с этим, большое место в деятельности командиров и в том числе, политические органы воинских частей Среднеазиатского военного округа занимались оказанием помощи местным властям в проведении военно-патриотической работы среди обучающейся молодежи и рабочих различных отраслей народного хозяйства.

Чтобы провести военно-патриотическую работу среди молодежи у САВО были большие возможности: обученный военный персонал, хорошая учебная база и материалы, боевая техника и оружие, которые без ущерба для поддержания постоянной готовности войск, могли быть переданы образовательным учреждениям, предприятиям и учреждениям.

Командование и политические органы Военного совета Среднеазиатского военного округа проводили мероприятия по улучшению военно-патриотической работы за счет повышения начальной военной подготовки, повышения качества подготовки молодых людей к службе в Вооруженных Силах. Эти вопросы регулярно обсуждались в политических органах и на заседаниях политического совета САВО, в работе которых участвовали секретари ЦК Коммунистической партии Казахстана, областных, городских и районных комитетов партии, руководящие работники местных комсомольских и оборонных организаций и органов народного образования.

Личный состав воинских частей округа принимали активное участие в разъяснении молодежи идей защиты Родины, героической истории советских Вооруженных сил, революционных и боевых традиций советского народа.

Для гражданской молодежи были прочитаны лекции и доклады на военно-патриотические темы, организовывались тематические вечера, кинофестивали, читательские конференции, экскурсии школьников, студентов, молодых рабочих и колхозников в воинские части, в комнаты и музеи боевой славы. Молодежь встречалась с ветеранами гражданской войны и Великой Отечественной войны, Героями Советского Союза и известными полководцами. Такие встречи проходили в Домах офицеров и в клубах частей с выполнением военных ритуалов и поднятием боевых знамен.

Значение во всей системе военно-патриотической работы имели встречи с ветеранами революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, встречи с офицерами и курсантами военных училищ, выпускниками общеобразовательных школ. Прочно вошли в жизнь общеобразовательных школ организация почетного караула, шествий и возложение венков к памятникам героев Великой Отечественной войны.

Окружные дома офицеров, библиотеки и клубы соединений и частей Среднеазиатского военного округа проводили большую работу по формированию у юношей военного призвания, используя лучшие

произведения советской художественной и военно-мемуарной литературы, кинофильмы, спектакли, в которых в яркой и правдивой форме раскрывались образы офицеров, показывалась их роль в защите Отечества. Много интересных, увлекательных материалов об офицерской профессии, о трудной, но почетной работе командиров, политработников и военных инженеров публиковались на страницах окружной газеты «*Боевое знамя*».

Одним из положительных примеров военно-патриотической деятельности САВО стала Ново-Узенская средняя школа Осакаровского района Карагандинской области [1, л. 80].

Под руководством военрука и учителя истории школьники составили летопись героических дел своих земляков и использовали собранные материалы на уроках по теме «*Казахстанцы – участники Великой Отечественной войны*». Учитель истории средней школы № 1, бывший фронтовик Н. Грибанов при изучении темы «*Вторая мировая война*» использовал исторические документы, кинофильмы, диафильмы и воспоминания ветеранов войны и труда, собранные в кабинете начальной военной подготовки.

В средней школе № 32 г. Караганды силами учеников был открыт музей имени разведчика Н.И. Кузнецова и уголок ветеранов войны и труда [1, л.82].

Большой вклад в дело военно-патриотического воспитания молодежи внес Комитет ветеранов войны Казахской ССР и ее организации. Знаменитые военачальники, активные участники Великой Отечественной Войны, герои Советского Союза часто встречались с молодежью, рассказывали ей о славном боевом пути советских вооруженных сил, о мужестве, героизме и подвиге сотрудников советской гвардии в боях за свободу и независимость Родины, распространяли революционные, трудовые и боевые традиции советского народа.

Перед допризывной и призывной молодежью республики с лекциями, беседами, докладами выступали командиры всех степеней и политработники

Среднеазиатского военного округа. Это дважды Герой Советского Союза Т.Я. Бегельдинов, Герои Советского Союза Г.В. Бердникова, В.С. Кречетов, С.К. Нурмагамбетов, К.М. Сураганов, Д.Е. Морозов, Т. Ажимов, П.Ф. Блинов, Ф.А. Жила, И. Шадрин и многие другие [2, л. 59].

Хорошими пропагандистами зарекомендовали себя ветераны войны, работающие в высших учебных заведениях страны, профессора В.И. Фурсов, Ш.А. Кусанова, В.Н. Сапо, Р.И. Самарин; доценты Г. Жуматов, М.Д. Кожухаров, С.Д. Умаров, С.И. Маликов; писатели и поэты Казахстана – участники войны Д. Поцелуев-Снегин, А. Нуршаихов, Я. Захаров, С. Сеитов, К. Кайсенов, Н. Колточник, С. Биргалиев, С. Бакбергенов, В. Скоробогатов и другие [2, л. 62].

Они разъясняли молодежи величие боевого звания *«гвардейский»*, которыми были удостоены соединения и части, особо отличившиеся в боях за Родину. В Вооруженных Силах СССР гвардейских званий были удостоены 11 общевойсковых и 6 танковых армий, 82 корпуса, 215 дивизии, а также многие соединения и корабли Военно-Морского Флота [3, с. 12].

Звание *«Гвардейский»* были удостоены ряд воинских частей, сформированных в Казахстане. В их числе Гвардейская мотострелковая Режицкая, ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова дивизия имени Героя Советского Союза, генерал-майора И.В. Панфилова.

Бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев стал символом массового героизма советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Многим соединениям и частям присвоены почетные наименования освобожденных городов.

За годы войны более 10 тысяч человек были удостоены высокого звания – Героя Советского Союза. Среди них представители 100 наций и народностей СССР, в их числе более 500 воинов-казахстанцев [3, с.15].

Организации ветеранов Великой Отечественной войны существовали во многих городах республики. Так, каждая дивизия, участвовавшая на войне,

имела свой Совет ветеранов. Например, Совет ветеранов 392-я стрелковой дивизии (председатель Толтыбаев С.), 73-я сталинградско-дунайская дивизия (председатель Морозов А.К.), группа авиаторов (председатель Анижанов Б.), Алма-Атинская группа ветеранов панфиловцев (8 гвардейская дивизия - председатель Усенов А.У.). На встречах с допризывной и призывной молодежью в школах и средне-специальных учебных заведениях ветераны войны рассказывали о боевом пути и традициях Вооруженных Сил, о подвигах воинов-казахстанцев [4, с.7].

Президиум Алма-Атинской секции ветеранов войны в своей работе уделял большое внимание героико-патриотическому и интернациональному воспитанию подрастающего поколения. Она проводилась под руководством партийных органов, совместно с комсомолом, профсоюзами, ДОСААФ, обществом «Знание», штабами гражданской обороны, при широком и активном участии ветеранов Великой Отечественной войны. В этих организациях высоко ценили помощь и практическую поддержку ветеранов, прошедших большую школу жизни. Встречи с ними вызывали большой интерес у молодежи, юношей, готовящихся служить в армии и на флоте.

Большую военно-патриотическую работу среди молодежи вели Герои Советского Союза К. Сураганов, В. Кречетов, А. Ажимов, Д. Мороз, кавалеры ордена Славы трех степеней Ф. Базалеев, П. Тугов и другие ветераны-панфиловцы. Они активные участники многих героико-патриотических мероприятий месячника, присутствуют на торжественных линейках и комсомольских собраниях, проводят беседы с молодежью. Они учат молодое поколение «жить и работать по-ленински», мужеству и стойкости, верности и целеустремленности [5, л. 22].

Военно-патриотическое воспитание неразрывно была связана с мобилизацией армейской молодежи на достижение новых рубежей в боевой и политической подготовке, на овладение современной боевой техникой и оружием, повышением полевой и воздушной выучки. При этом главное

внимание обращалось на необходимость качественного выполнения задач боевой и политической подготовки.

Таким образом, все это составляло содержание основных форм, методов и средств работы командиров, политических органов САВО и общественных организаций по патриотическому воспитанию молодежи. Военно-патриотическая работа охватывала вопросы идейно-политической закалки допризывной, призывной и армейской молодежи, их морально-политической и психологической подготовки, пропаганды революционных, трудовых и боевых традиций, воспитания личного состава в духе постоянной готовности к обороне страны. Для воспитания молодежи в духе постоянной готовности к обороне страны широко использовались разнообразные формы, методы и средства военно-патриотической работы.

В Вооруженных Силах СССР военно-патриотическое воспитание проводилось не изолированно, не в отрыве от других общественных явлений, а в общей системе общественно-политических мероприятий, проводимых в армии и флоте, в том числе в Среднеазиатском военном округе (САВО), на основе комплексного подхода к постановке всего дела воспитания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1 Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 708. Оп. 56. Д. 126. Л. 80-82.

2 АП РК. Ф. 708. Оп. 127. Д. 562. Л. 59-62.

3 Нурмагамбетов С.К. Надежный страж социалистических завоеваний. – Алма-Ата: Казахстан, 1985. 296 с.

4 Идеологическая работа Компартии Казахстана в условиях совершенствования социализма. / Сборник научных трудов. – Алма-Ата: Изд. КазГУ, 1987. 18 с.

5 АП РК. Ф. 708. Оп. 56. Д. 121. Л. 22.

Маслова Вера Анатольевна

**СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1980-1984 ГОДОВ**

студентка магистратуры факультета истории и социальных наук,
научный руководитель Никуленкова Елена Владимировна, кандидат
исторических наук, доцент, Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования Ленинградской области *«Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина»*, Россия, г. Санкт-

Петербург

e-mail: kimbas@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется отражение советско-индийских отношений с 1980 по 1984 гг. в советской периодической печати.

Ключевые слова: советско-индийские отношения; Л.И. Брежнев; Индира Ганди; советско-индийская дружба; советская периодическая печать.

**SOVIET-INDIAN RELATIONS IN THE COVERAGE OF THE SOVIET
PRESS 1980-1984**

Vera A. Maslova

graduate student, scientific adviser Nikulenkova Elena, candidate of historical
sciences assistant professor Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg,
Russian Federation

e-mail: kimbas@inbox.ru

Abstract. The article analyses the reflection of Soviet-Indian relations from 1980 to 1984 in the Soviet press.

Key words: soviet-indian relations, Leonid Brezhnev, Indira Gandhi, soviet-indian friendship, Soviet press.

В статье анализируется освещение советско-индийских отношений с 1980 по 1984 гг. основными советскими газетами: «Правда» и «Известия». Советско-индийские отношения в этот период развивались и освещались печатью в позитивном ключе, что объясняется поддержкой Индией на внешнеполитической арене Советского Союза по ряду вопросов. Между СССР и Индией в 1980-е гг. сформировался высокий уровень взаимодействия в торгово-экономической, научной, культурной, военной и дипломатической сферах.

С 1980 по 1984 гг. на мировой арене шел очередной виток противостояния между двумя блоками: капиталистическим и социалистическим, поэтому «холодная война» и противодействие США были главенствующими темами идеологии СССР. Сотрудничество с Индией преподносилось как демонстрация ее приверженности социалистическому лагерю, хотя формально она считалась капиталистической страной.

Советская печать была проводником идеологии, полностью подчинялась политическому руководству страны. Газета «Правда» являлась официальным изданием Коммунистической партии Советского Союза, в ней не только печатались новости, но и излагалась точка зрения руководства государства на события, происходящие в стране и в мире. «Известия», издаваемые Советом народных депутатов, были вторым по значимости и тиражу изданием. Оценки на события в этих газетах совпадали, но была небольшая разница при акцентах в освещении локальных тем, например, на сотрудничество в торговле, сельском хозяйстве.

В начале 1980 г. на пост премьер-министра Индийской республики была избрана Индира Ганди, занимавшая этот пост и ранее, с 1966 по 1977 гг.

Советская пресса с радостью сообщала о назначении, возлагая большие надежды на расширение сотрудничества.

В 1980-1984 гг. было совершено множество визитов на высшем уровне, что свидетельствует о развитости отношений между Индией и СССР: в 1980 г. обменялись визитами министры иностранных дел, Москву посетил президент Индии Н.С. Редди, в декабре того же года Л.И. Брежнев нанес официальный визит в Индию. Ответный визит в Москву И. Ганди был в 1982 г. Кроме того, состоялись визиты министров обороны (министр обороны СССР посетил Индию дважды – в 1982 и 1984 гг., а министр обороны Индии нанес визит в СССР в 1983 г.), правительственных делегаций. В 1983 г. совершил поездку по СССР Раджив Ганди, занимавший в то время пост генерального секретаря партии Индийский национальный конгресс. Все перечисленные события подробно освещались в советской прессе, преподносились читателям в восторженной форме с акцентом на дружеский тон их проведения.

На первых полосах *«Правды»* и *«Известий»* в памятные для Индийской республики даты размещались копии телеграмм-поздравлений, адресованных президенту и премьер-министру Индии от высшего руководства СССР (генерального секретаря и председателя правительства). В значимые для Советского Союза праздники – День Великой Октябрьской социалистической революции, День международной солидарности трудящихся – публиковались так же на первых полосах газет поздравления от имени индийского руководства к советскому народу. Ежегодно размещались взаимные поздравления к дате заключения договора о мире, дружбе и сотрудничестве, особо отмечалось 35-летие установления дипломатических отношений между странами.

Каждое поздравление Индии и значимая для советско-индийских отношений дата сопровождалось увеличением публикаций, рассказывающих о стране, об истории развития сотрудничества, о значимости помощи СССР для экономики Индийской республики.

Наиболее ярко и активно советская пресса освещала визит Л.И. Брежнева в Индию. О предстоящем визите Брежнева в Индию в центральных газетах объявили 11 ноября 1980 г. В «Правде» вышла статья под названием «Важное событие» [25, с. 4], в «Известиях» – «Дружба, проверенная временем» [21, с. 5], в следующем номере «Правды» сообщалось, что эта новость вызвала «огромный резонанс» [13, с. 1] в политических кругах Индии, сообщили о массовом митинге в Дели, посвященном предстоящему визиту. В ноябре 1980 г. в «Правде» вышло 9 статей на эту тему, в «Известиях» – 6; в декабре – 6 в «Правде» и 3 в «Известиях». В заголовках статей часто встречаются слова «Индия готовится». В ноябре и начале декабря в центральных газетах печатают статьи о жизни индийского народа, об успешном сотрудничестве с СССР в разных областях; делают акцент и на сотрудничестве стран на международной арене: «СССР и Индия осуществляют конструктивное взаимодействие, рассматривая ключевые международные проблемы с одинаковых или близких позиций» [11, с. 5]; взаимодействие в науке, культуре: перед визитом был организован показ советских фильмов, прошла встреча общественности, семинар в парламенте – об этих мероприятиях сообщает «Правда» [7, с. 5]. Накануне визита появляется заметка в «Правде» о вручении премии им. Дж. Неру за развитие индийский-советских отношений деятелям науки и культуры СССР. Информация о советско-индийской дружбе выходит на первый план в освещении международной жизни накануне и в дни визита.

О приезде Л.И. Брежнева в Индию газеты сообщили на первых полосах 9 декабря 1980 г. Визит подробно освещался, при этом подчеркивалось, что народ Индии рад этому событию: «Тысячи и тысячи жителей индийской столицы горячо приветствовали высокого советского гостя» [12, с. 5]. «В эти дни чуть ли не ежечасно обнаруживаешь новые и новые свидетельства индийский-советской дружбы» [12, с. 5] – сообщают собственные корреспонденты «Известий». «Мы считаем – подчеркнула премьер-министр

– что дружба между Советским Союзом и Индией является одним из важных факторов сохранения мира во всем мире» [8, с. 4]. 28 статей в «Известиях», 24 – в «Правде» вышли во время нахождения Л.И. Брежнева в Индии с 9 по 12 декабря, в одном номере могло размещаться до девяти публикаций, которые находились не только в международных разделах изданий, но и вытесняли внутреннюю повестку страны. Такая реакция СМИ свидетельствует о существенном значении отношений с Индией для советского руководства. В текстах используются эмоционально окрашенные слова: «сердечная встреча», «дорогой гость», «верный друг». Типичный заголовок о советско-индийской дружбе – «Испытанная временем». Тексты публикаций носят восторженный характер: «Традиционная индийский-советская дружба, основанная на принципах равенства и взаимопонимания, издавна связывает народы республики Индии и Советского Союза» [9, с. 1]. «Переговоры подтвердили стремление двух стран к миру» [15, с. 4] – сообщает «Правда» о переговорах лидеров стран, отмечая благородную миссию СССР и Индии на мировой арене.

Результатом визита стало подписание совместной советско-индийской декларации, соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, в области культуры и образования. Советская пресса преподносит эти документы, как величайшее достижение, хотя к началу 1980 г. между странами уже существовали крепкие связи, которые имели положительную динамику и не прекращались, когда у власти была оппозиционная партия Джаната Парти.

В «Правде» 10 декабря 1980 г. выходит и обзор иностранной прессы о визите Л.И. Брежнева под названием «Событие выдающегося значения», т.е. советская печать позиционирует это событие как существенное для всего мирового сообщества явление. В заявлении перед парламентом И. Ганди говорит: «Это был визит, которому как Индия, так и СССР придавали большое значение» [6, с. 5] – т.е. подчеркивается, что индийское руководство высоко оценивает визит.

В январе 1981 г. продолжают публикации о визите Брежнева: в «*Известиях*» сообщают о документальном фильме, снятом о визите – «*Фильм о дружественном визите*» [24, с. 4], в котором интервьюируемые индийские деятели науки и искусства «*дают высокую оценку визиту Л.И. Брежнева, советско-индийским отношениям, представляющих собой пример практического воплощения мирного сосуществования государств с разным социально-экономическим строем*» [24, с. 4].

Ответный визит Индиры Ганди состоялся в 1982 г. О предстоящем визите И. Ганди в Москву в сентябрьских номерах «*Правды*» и «*Известий*» размещено по 4 публикации. В первый день визита 22 сентября 1982 г. на первых полосах главных газет Союза опубликованы фото и подробности, о подписании декларации, состоявшемся в день приезда. О визите «*Правде*» напечатано 15 публикаций, в «*Известиях*» – 11, значительное место отводится оценкам мероприятия: «*Важный шаг вперед*», «*Высокая оценка*», подробно описана хронология мероприятий, размещено множество фотографий, так же сообщается об отклике на визит в зарубежной прессе. Описание мероприятий занимало существенное место на полосах газет. После визита И. Ганди выступила в парламенте Индии с речью: «*В результате советско-индийских переговоров на высшем уровне в Москве еще больше укрепились двусторонние отношения, расширились сферы экономического сотрудничества*» [4, с. 4].

Проанализировав количество и объем публикаций о визитах, есть основания сделать вывод, что советская печать существенно больше внимания уделила посещению Л.И. Брежнева Индии в 1980 г., чем ответному визиту И. Ганди.

В июле 1983 г. СССР с официальным визитом посетил Раджив Ганди, занимавший в то время пост генерального секретаря правящей партии ИНК. Пресса подробно освещает все его перемещения и встречи. В «*Известиях*» публикуется интервью, в котором Р. Ганди подчеркивает: «*При дружеском содействии мы в Индии построили десятки промышленных объектов, в том*

числе гигантские металлургические комбинаты. Можно уверенно констатировать – наши отношения устойчивые, успешные» [5, с. 7]. Не удивительно, что Р. Ганди акцентирует внимание на экономическом сотрудничестве, т.к. во время визита он посещал именно промышленные предприятия и научные центры в разных регионах Советского Союза: Новосибирский Академгородок, Нововоронежскую АЭС.

В рассматриваемый период в обеих странах произошла смена лиц, занимающих ведущие посты в управлении: после смерти Л.И. Брежнева в 1982 г. в СССР пост генерального секретаря партии занял Ю.В. Андропов, в 1984 г. Ю.В. Андропова сменил К.У. Черненко; в Индии был переизбран президент в 1982 году – Н.С. Редди сменил Заил Сингх, в 1984 г. была убита Индира Ганди, на ее место пришел Раджив Ганди. Советская пресса публиковала соболезнования о смерти генеральных секретарей СССР от имени индийского руководства, сообщала о визите индийских делегаций (И. Ганди присутствовала на похоронах Л.И. Брежнева). Советская делегация посетила похороны И. Ганди, что широко освещалось на страницах газет, так же сообщалось о последовавших затем переговорах.

В июле 1981 г. состоялись советско-индийские переговоры с министром иностранных дел Индии П.В. Нарасимха Рао, который посетил Советский Союз. В марте 1982 и 1984 гг. освещаются визиты в Индию министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова. Подробно описываются посещение авиастроительной корпорации Маршалом Советского Союза и его участие в учениях. *«Известия»* отмечают слова Д.Ф. Устинова: *«Дружба и сотрудничество между Советским Союзом и Индией, в том числе в области обороны, не направлены против третьих стран»* [19, с. 5]. В июне 1983 г. СССР посетил министр обороны Индии Н. Венкатараман, о его визите рассказано более скупно.

В марте 1982 г. И. Ганди пообщалась с первым секретарем компартии Грузии Э.А. Шеварнадзе, советская пресса высоко оценила встречу и поднятые

вопросы дружбы между СССР и республикой Индией. Делегация во главе с Э.А. Шеварнадзе посетила съезд Коммунистической Партии Индии, что подробно расписано на страницах газет. Советское руководство всегда уделяло повышенное внимание коммунистическим партиям в других странах, пытаясь возвысить их значение в глазах советского народа, поэтому поездка Э.А. Шеварнадзе тщательно освещена в прессе. Индийские делегации от Коммунистической партии Индии неоднократно посещали СССР, в т. ч. съезды ЦК КПСС.

Советская пресса активно освещала сотрудничество стран на международной арене. Сообщала о поддержке Индией советских мирных инициатив. Так, 16 января 1982 г. в «Правде» опубликовали интервью И. Ганди председателю правления Агентства печати Новости Л.Н. Толкунову, в котором она поддержала советские мирные инициативы, выдвинутые Л.И. Брежневым, так же поддержала любые переговоры, направленные на разрядку напряженности. В 1981 г. СССР внес на рассмотрение в Генеральную Ассамблею ООН проект «Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода», 13 сентября 1981 г. «Выступая в парламенте, министр иностранных дел П.В. Нарасимха Рао заявил, что индийское правительство внимательно изучает эту мирную инициативу Советского Союза. Индия всегда выступала за использование космического пространства только в мирных целях» [14, с. 4] – сообщает «Правда». Такая риторика продолжается и в 1984 г: «Широкое одобрение в Индии встретили мирные инициативы Советского Союза, в частности, предложение СССР правительству США приступить к переговорам о предотвращении милитаризации космического пространства» [18, с. 5].

Представляя Индию, как страну-миротворца, соратницу в этом движении с Советским Союзом, пресса пишет о лидерстве Индийской Республики в движении неприсоединения, о высокой оценке деятельности движения руководством СССР. «Правда» обращает внимание на Всемирный

совет мира, председателем которого является Р. Чандра, представитель Индийской республики, он часто делает заявления о необходимости разрядки напряженности, поддерживает декларируемую позицию СССР по разоружению.

Отсутствие осуждения ввода войск в Афганистан со стороны Индии, о котором сообщается лишь вскользь и в контексте взаимоотношений Индии и Пакистана, преподносится как поддержка действий СССР.

Важнейшей темой является одинаковый взгляд СССР и Индии на вопрос размещения в бассейне Индийского океана вооружений. Критике подвергалась военная база Соединенных Штатов на Диего Гарсия в Индийском океане. Советский Союз, находящийся в противостоянии с США, осуждал любые оборонные стратегии Соединенных Штатов, Индия стремилась к гегемонии в Азии и так же была заинтересована в стабильном положении региона.

Активно освещается сотрудничество стран в промышленной сфере: СССР принял участие в строительстве металлургических комбинатов, в разработке месторождений нефти и строительстве нефтеперерабатывающих предприятий. Большой вклад внёс СССР в электроэнергетику. *«Индийцы знают и ценят то, что у них при содействии СССР построились или строятся 70 крупных индустриальных объектов, подготовлено около 100 тысяч специалистов и рабочих высокой квалификации»* [3, с. 4] – подчеркивают в *«Правде»*. *«Советско-индийские связи в области животноводства, земледелия и сельскохозяйственного машиностроения успешно развиваются вот уже на протяжении более четверти века»* [10, с. 4] – цитирует *«Правда»* министра сельского хозяйства Рао Бирендра Сингха.

Публикуются примеры сотрудничества стран в торговле. СССР – самый крупный покупатель, *«систематически увеличивая закупки чая, Советский Союз способствует возрастанию занятости в этой отрасли экономики»* [22, с. 5]. *«Советско-индийское экономическое сотрудничество стимулирует*

развитие обеих стран» [23, с. 5]. «История не знает такого масштаба тесных политических и экономических связей между странами с различным социальным строем» [23, с. 5].

Журналисты акцентируют внимание и на индийско-советском научном взаимодействии: *«На протяжении многих лет успешно развиваются научно-технические связи между Индией и СССР. В настоящее время индийские и советские ученые сотрудничают в исследовании космоса, использовании атомной энергии в мирных целях, применении изотопов и лазерной технологии» [2, с. 1].*

Описывая сотрудничество в космической сфере, советские журналисты заостряют внимание на ведущей роли в нем Советского Союза. Подробно освещается запуск индийского спутника советской ракетой-носителем ноябре 1981 г. 7 сентября 1982 г. «Правда» сообщает о поломке индийского спутника «*Инсат-1 А*», который был изготовлен и запущен США по заказу Индии, при этом спутник производства СССР «*Бхаскара-2*» продолжал функционировать и поставлять ценную информацию.

Таким образом, пресса подчеркивает не только значительный вклад Советского Союза в индийскую космическую программу, но и свое преимущество перед США в этой сфере. В апреле 1984 г. индийский космонавт Р. Шарма совершил космический полет на советском корабле совместно с космонавтами Ю. Малышевым и Г. Стрекаловым. *«Советско-индийский космический полет стал знаменательной вехой в развитии многогранных взаимовыгодных отношений между двумя государствами» [17, с. 4] – сообщают «Известия». О восторженном отношении советской прессы к этой теме свидетельствуют названия статей: «Дружба земная и космическая», «На орбите дружбы».*

Активно освещается культурное сотрудничество: книжные ярмарки, постановки индийскими театрами спектаклей советских драматургов (М. Горького), показ индийских фильмов и их популярность в СССР, трансляция

советских фильмов в Индии, проведение выставок художников и фотографов, появление «Домов дружбы» с СССР в разных индийских городах. В печати подробно описывают мероприятия, приуроченные к годовщинам договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Часто сообщают о месячниках дружбы в Индии и СССР, включающим манифестации дружбы, круглые столы. «Правда» и «Известия» наперебой публикуют информацию о митингах дружбы в Дели с участием советских делегаций, а к 35-летию установления дипломатических отношений – о выставке «Индия глазами советских художников» в индийской столице.

Отмечается участие индийской спортивной команды в Олимпийских играх в г. Москва – 3 августа 1980 г. «Правда» размещает статью «Во имя мира, во славу спорта».

При публикациях интервью Индиры Ганди выбираются отрывки, в которых она дает положительную оценку взаимоотношений. «Некоторые обвиняют Индию в том, что она склоняется в сторону Советского Союза, но именно СССР всегда поддерживал Индию, когда ей было трудно, заявила премьер-министр Индира Ганди в время встречи с группой индийских дипломатов» [16, с. 5] – сообщает «Правда» в январе 1982 г. В достижениях Индии советская пресса отмечает существенное влияние СССР: в промышленности, космической сфере, науке. В статьях, описывающих положение дел в Индии, обязательно упоминается роль дружбы СССР и Индии: «Дружба с Советским Союзом с самого начала существования независимой Индии укрепила его авторитет на международной арене. Сегодня к голосу этой азиатской державы внимательно прислушиваются во всём мире. Особенно весом этот голос в движении неприсоединения, одним из основоположников которого был Джавахарлал Неру» [20, с. 5].

Можно сделать вывод, что отношения СССР с Индией с 1980 по 1984 гг. советской печатью освещались как дружественные и успешные. Большое значение советская пресса придавала визитам на высшем уровне и массовым

мероприятиям, приуроченным к значимым для обоих государств датам. СМИ поддерживали и развивали образ Индии как важного партнера СССР во многих сферах, характеризовали Индийскую республику только с положительной стороны, показывали заинтересованность индийского руководства и индийского народа в расширении сотрудничества. В 1980-е гг. был достигнут пик советско-индийского сотрудничества, немалую роль в этом процессе играла советская пресса, создававшая образ Индии как государства-партнера.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Визит в Индию // Правда, 1981. – 16 марта.
2. Вклад ученых // Правда, 1982. – 07 июля.
3. Ворожейкин И., Широков В. Заглядывая в завтра // Правда, 1981. – 29 марта.
4. Выступление И. Ганди // Известия, 1982. – 05 октября.
5. Гость из Индии // Известия, 1983. – 14 июля.
6. Дружба, проверенная временем // Правда, 1980. – 17 декабря.
7. Индия готовит сердечную встречу // Правда, 1980. – 04 декабря.
8. Индия ждет высокого гостя // Правда, 1980. – 03 декабря.
9. Могучий фактор мира // Правда, 1980. – 10 декабря.
10. На долговременной основе // Правда, 1981. – 05 августа.
11. Новиков Н., Тер-Григорян А. Открытое сердце Индии // Известия, 1980. – 07 декабря.
12. Новиков Н., Тер-Григорян А. Радужие Индии // Известия, 1980. – 09 декабря.
13. Огромный резонанс // Правда, 1980. – 12 ноября.
14. Последовательный курс // Известия, 1981. – 13 сентября.
15. Пресс-конференция в Дели // Правда, 1980. – 10 декабря.
16. Принципиальная политика // Правда, 1982. – 08 января.

17. Слава героям космоса // Известия, 1984. – 14 мая.
18. Служат примером // Правда, 1984. – 13 августа.
19. СССР-Индия: дружба и сотрудничество // Известия, 1982. – 17 марта.
20. Тер-Григорян А. Годы, обогнавшие века // Известия, 1982. – 26 января.
21. Тер-Григорян А. Дружба, проверенная временем // Известия, 1980. – 11 ноября.
22. Тер-Григорян А. Калькутта: ритмы большого города // Известия, 1982. – 16 августа.
23. Тер-Григорян А. СССР-Индия: яркая палитра сотрудничества / Известия, 1982. – 13 апреля.
24. Фильм о дружественном визите//Известия, 1981. – 10 января.
25. Шурыгин. Важное событие // Правда, 1980. – 11 ноября.

РАЗДЕЛ VII. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 524 6 (091) (571 122)

Прищепа Александр Иванович

ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ХМАО-ЮГРЫ В 1990-2010-ГГ.

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России
Сургутского государственного университета ХМАО-Югры

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется природный потенциал водных, лесных и биологических ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа в годы его интенсивного нефтегазового освоения и анализирует их экологическое состояние. Автор подробно останавливается на характеристике эволюции правовой основы охраны природных ресурсов округа, уделяя пристальное внимание нарушениям законодательства природохозяйственной деятельности. Важное место в статье уделяется влиянию интенсивного развития нефтегазовой промышленности севера Западной Сибири на функционирование традиционного хозяйственного и культурного уклада жизнедеятельности его коренного населения.

Ключевые слова: экология, природные ресурсы, коренное население, природоохрана, животный мир, законодательство, традиционный образ жизни, окружающая среда.

ABOUT PROTECTION OF NATURAL RESOURCES OF KHMAO- YUGRA IN 1990-2010

Alexander I. Prishchepa

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian
History Surgut State University of KhMAO-Yugra
E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the natural potential of water, forest and biological resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug during the years of its intensive oil and gas development and analyzes their ecological state. The author dwells in detail on the characteristics of the evolution of the legal basis for the protection of natural resources of the district, paying close attention to violations of the legislation of environmental management. An important place in the article is given to the influence of the intensive development of the oil and gas industry in the north of Western Siberia on the functioning of the traditional economic and cultural way of life of its indigenous population.

Key words: ecology, natural resources, indigenous population, nature conservation, wildlife, legislation, traditional way of life, environment.

В исследуемый период Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, являясь главным нефтегазоносным регионом России, отличавшимся в условиях системного экономического кризиса 1990-х гг., устойчивыми темпами промышленного роста и высоким уровнем благосостояния населения, располагал и иным огромным и разнообразным природно-ресурсным потенциалом, представляя собой один из богатейших субъектов страны.

В округе имелись крупные запасы леса. Его основная часть располагалась в пределах Западно-Сибирской равнины и составляла 3,2 млрд. м³ [7]. Эти запасы древесины лежали в основе формирования одного из крупнейших лесопромышленных комплексов страны.

Леса Югры заселял богатый и разнообразный животный мир. Он представлен был смешением типично таежных, относительно северных (обитателей тундры) и относительно южных (обитателей лесостепи) видов животных, среди которых высока пропорция первых. Всего на территории

Ханты-Мансийского автономного округа зарегистрировано 60 видов млекопитающих и около 260 видов птиц [5].

Речная сеть Ханты-Мансийского автономного округа представлена более чем 19,6 тыс. реками общей протяженностью около 100 тыс. км с густотой речной сети в 0,19 км/км², большая часть которых относится к малым рекам и ручьям. Основными реками Ханты-Мансийского автономного округа являются Обь с главным притоком Иртышом. Среди регионов федерального округа Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место по протяженности речной сети после Ямало-Ненецкого автономного округа [1].

Многочисленные озера ХМАО – Югры образуют целые системы, из которых крупнейшими являются Кондинский Сор, Торм-Эмтор, Леушинский туман, Пильтанлор, Турсунтский туман, Сырковое и ряд других. Среди регионов федерального округа Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место по общей площади озёр и искусственных водоемов и озерности после Ямало-Ненецкого автономного округа [1]. Постоянно живут в водоемах и водотоках Югры или встречаются во время миграции, зимовки, нагула и нереста 42 вида рыб [5].

Начавшийся в 1960-е гг. нефтегазовый бум наносил чувствительный удар по экологическому благополучию живой природы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Защищая ее, в округе предпринимаются решительные шаги по формированию региональной законодательной природоохранной базы, созданию которого до 1992 г. препятствовала политика централизма, характерная для системы управления субъектами федерации в Советском Союзе. Возможность передачи регионам властных полномочий в сфере создания собственного законодательства появилась в 1992 г. с момента подписания Федеративного Договора *«О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти*

автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации». Соответствующие статьи Договора закрепили властные полномочия автономного кругов в основных вопросах пользования своей ресурсной базы: «Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами регулируются основами законодательства, кодексами, законами Российской Федерации и правовыми актами автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» [10].

Одним из первых принятых законодательных актов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры является закон «*О недропользовании*» (1996 г.). Данный закон подробно разъясняет правила и порядок пользования недрами на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и «*закрепляет правовые условия, обеспечивающие экологическую безопасность, сохранение традиционного образа жизни и исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера при пользовании недрами на территории автономного округа*» [6].

Впервые в законе «*Об охране окружающей природной среды и экологической защите населения автономного округа*» (1998 г.) были прописаны правовые основы охраны окружающей среды и обеспечения экологической защиты населения автономного округа. В данном законе подробно прописана система мер реализации политики рационального природопользования, система государственного регулирования охраны окружающей среды, система экологического контроля на разных уровнях, а также система административной ответственности за экологические правонарушения, что, по мнению историка Ю.С. Приходько. «*позволяет сделать вывод о качественных изменениях, произошедших в области регионального законодательства. За период 2006-2007 гг. законодательная база была пополнена семнадцатью нормативно-правовыми актами. В течение этого времени были приняты шесть законов, три из которых*

призваны осуществлять контроль в области сохранения водных биологических ресурсов, в области охраны водных объектов или их частей бассейна реки Обь, а также в области водных и лесных отношений» [8, с. 158]. Ю.С. Приходько отмечает, что в 4-х из 17-ти принятых постановлений речь идет о создании новых памятников природы регионального значения, остальные постановления являлись, по сути, дополнением к сложившемуся законодательству. По мнению историка, «к 2010 году в округе была сформирована достаточно прочная нормативно-правовая база для осуществления региональной экологической политики» [8, с. 158].

Принятые законы были направлены на усиление контроля за развитием системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) автономного округа, которые позволяли сохранять типичные и уникальные природные ландшафты, разнообразие животного и растительного мира, объекты природного и культурного наследия.

Выделение особо охраняемых территорий в округе началось в 1926 г., когда был образован первый Кондинско-Сосьвинский заповедник с целью сохранения популяции северо-азиатских бобров. В 2020 г. в Югре насчитывалось 24 особо охраняемых природных территорий общей площадью более 2,7 млн. га. Кроме того, на территории округа располагались два водно-болотных угодья международного значения: Верхнее Двубье и Нижнее Двубье, общей площадью более 1 млн. га, предназначенные для охраны мест обитания водоплавающих птиц, нереста рыб, сохранения кормовых баз. В Красную книгу Югры были внесены 48 видов животных, 150 видов растений и 38 видов грибов. В округе было создано немало значимых, достойных внимания природных объектов: 2 заповедника – «Малая Сосьва» и «Юганский»; 8 заказников; 4 природных парка: «Самаровский чугас», «Сибирские увалы», «Нумто» и «Кондинские озера»; 10 памятников природы; археологические комплексы: «Барсова гора», «Сайгатино», городище Шеркалы [4]. Общая площадь особо охраняемых природных территорий

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры составляла 6,3% от всей территории округа [2].

Однако, ресурсная специфика территории, географические и климатические особенности и, в первую очередь, развитие промышленного сектора нефтегазового производства неумолимо создавали серьезные экологические проблемы автономного округа, загрязняя атмосферный воздух, водные объекты и почву, несанкционированно размещая и утилизируя промышленные и бытовые отходы, трансформируя среду обитания животного мира и тем самым оказывая существенную негативную нагрузку на окружающую среду, являлись постоянной угрозой жизненно важным интересам коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа, численность которого в 2005 г. составляла 30150 чел [9].

В 1992 г. Правительством округа было утверждено *«Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе»*, которое закрепило право малочисленных народов Севера на пользование родовыми угодьями, где осуществляется их традиционная форма жизнедеятельности. В нём особо подчеркивалось, что согласно существующему законодательству, нефтяные компании должны согласовывать свою деятельность с владельцами родовых угодий и компенсировать им убытки [2].

Это постановление являлось исключительно важным актуальным документом, о чем свидетельствует адресованное в 1992 г. письмо наиболее отчаявавшихся коренных жителей округа Президенту страны Б.Н. Ельцину, в котором они писали: *«Господин Борис Николаевич! Мы, ханты с верховьев реки Тром-Аган, обращаемся к тебе заступиться за нас, не отдавать наши последние земли на работы нефтяникам. К твоим скольким работникам мы обращались – все без толку. Приезжал к нам недавно даже Руслан Хасбулатов, посмотрел на нас как на дикарей, уехал и забыл, что живут где-то люди, которые хотят жить. Нас выгоняли и выгоняют нефтяники с нашей земли. Грабят наши чумы, хабары, убивают на мясо наших оленей,*

вылавливают нашу рабу, отстреливают наших зверей, обманывают, спаивают нас».

Экологическая проблема в письме приобретает крайне острое социальное звучание. В нем далее отмечается: *«И представители Советской власти берут сторону нефтяников. Это Юрий Васильевич Неелов и Валерий Андреевич Чурилов.*

Господин Ельцин! Мы тоже люди! Мы хотим жить на своей земле, по обычаям, растить своих детей. А без своей земли мы не народ. Зачем позволять нас коренных жителей своим людям доводить нас до отчаяния? Зачем нас толкать ненавидеть и отнимать наши земли. Так может родиться война с ружьями, в которой, мы знаем, погибнем.

У нефтяников есть нефть, только не хотят идти добывать по-хозяйски. Они вполне могут обойтись без нашей последней земли, дать стране нефть столько сколько требуется.

Мы требуем не разрабатывать группу Тянского месторождения нефти. Нам идти некуда!» [3, л. 55].

Таким образом, в исследуемый период ХМАО-Югра располагал богатым природным потенциалом. Руководство округа прилагало значительные усилия для его сохранения, обеспечения экологической безопасности природной среды и защиты традиционной хозяйственной и культурной жизнедеятельности коренного населения. Однако, государственная политика нефтегазового освоения новой энергетической провинции, в основу которой был положен принцип максимума затрат на добычу сырья и минимума средств на природоохранные мероприятия сопровождалась разрушительными последствиями для экологического состояния природной среды округа и векового уклада жизни ханты и манси.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Водные объекты ХМАО – Югры // Справочник водных ресурсов «*Water Resources*». URL: <https://waterresources.ru/region/hanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/> (дата обращения 5.12.2022).
2. География ХМАО. URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_4932.html (дата обращения 6.12.2022).
3. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Ф. 525. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.
4. Единый официальный сайт государственных органов. Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Раздел Экология. URL: <https://admhmao.ru/ob-okruge/obshchie-svedeniya/ekologiya/> (дата обращения 5.12.2022).
5. Животные Югры – Ханты-Мансийского автономного округа. URL: http://pogodaomsk.ru/Archive/Zhivotnye_Khanty-Mansiiskogo_avtonomnogo_okruga/ (дата обращения 5.12.2022).
6. Закон «*О недропользовании*» от 18.04.1996 г. URL : <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 12 ноября 2022 г.)
7. Общая характеристика лесов Югры // Единый официальный сайт государственных органов Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. URL: <https://kmns.admhmao.ru/traditsionnoe-khozyaystvovanie/299188/raznoobrazie-dikorosov-yugry/> (дата обращения 17.11.2022).
8. Приходько Ю.С. Историко-правовые аспекты региональных отношений на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры во второй половине XX – нач. XXI вв. // Вестник Сургутского педагогического университета. 2012. № 4. С. 155-159.
9. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10 апреля 2007 г. № 110-рп «*О концепции экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030*

года». URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/ekologicheskaya-politika/strategicheskie-dokumenty-v-oblasti-okhrany-okruzhayushchey-sredy/regionalnye/131951/o-kontseptsii-ekologicheskoy-bezopasnosti-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-na-period-do-2/> (дата обращения 6.12.2022).

10. Федеративный Договор от 31.03.1992 г. *«О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации»*. URL://<http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 12 ноября 2022 г.)

Джарчыев Турал Мисир оглы

**ОЗЕЛЕНЕНИЕ ГОРОДОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД**

аспирант кафедры истории России, Институт гуманитарного образования и
спорта, Сургутский государственный университет, Россия, Сургут

e-mail: jarjievT@mail.ru

Аннотация. В постсоветский период, особенно после 2010 г., в городах ХМАО проводится ряд мероприятий по озеленению: лесопосадки, сбережение имеющихся лесов, улучшение состава лесов, улучшение разнообразия растительности. Помимо создания парков, лесопарков, скверов для отдыха горожан, улучшения экологии и т.д., проводятся мероприятия по ландшафтному дизайну. Используется и система «Умный город».

Ключевые слова: Озеленение городов; городские леса; лесосбережение; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; «Умный город».

**GREENING OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG –
YUGRA CITIES IN THE POST-SOVIET PERIOD**

Dzharchyev Tural Misir ogly

Postgraduate student of the Department of Russian History, Institute of Humanities
Education and Sports of Surgut State University, Russia, Surgut

e-mail: jarjievT@mail.ru

Abstract. In the post-Soviet period, especially after 2010, a number of landscaping activities out in the cities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug were carried, such as forest planting, conservation of existing forests, improvement of forest composition or improvement of vegetation diversity. In addition to the creation of parks and forest-parks, gardens for the recreation of

citizens, improving ecology etc., measures on landscape design were held too. The «Smart City» system is also used.

Key words: Greening cities; urban forests; forest conservation; Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra; «Smart city».

Характерной чертой городов Югры была оторванность от жилой зоны, неравномерность покрытия и недостаточность лесных массивов. Рост населения опережал рост инфраструктуры, особенно процесс озеленения, осуществлявшийся по остаточному принципу. В результате в городах округа к концу 1990-х гг. на одного человека приходилось от 1,2 (Лангепас) до 3,9 (Сургут) м² при норме не менее 10 м² в больших городах и 7 м² в малых [2, с.118-119]. Лишь в конце 2000-х гг. и особенно после 2020 г. ситуация стала меняться [13]. Так, на окружном совещании по озеленению городов 11 марта 2009 г. были поставлены задачи в этом направлении, в том числе образовать на территории Ханты-Мансийска природный парк «Самаровский чугас» [9].

Помимо решения экологических проблем, озеленение способствует архитектурному улучшению города и кратковременному отдыху пешеходов (скверы, бульвары), защите от пыли и шума (насаждения вдоль улиц) и многому другому. Так, в Нижневартовске уличные насаждения снижали шум, загазованность и запылённость на 4-7% [3, с.17].

При озеленении городов нужно учитывать породный состав лесов, в ХМАО он достаточно прост. Так, в Сургутском районе к началу 2010-х гг. наиболее распространены были сосняки и смешанные леса, меньше – березняки. Всего из 76 видов растений для озеленения городов использовалось не более 7-8 [1, с.38-40]. Основу зелёных насаждений Нижневартовска составляли берёзовые (77%) и ивовые (16%) [2, с.129]. В г. Лангепас имелось 16 типов растений [10] и т.д.

В Ханты-Мансийске общественность и экологи предложили включить в единый зелёный массив не только пригородные, но и внутригородские

насаждения в рамках создания «*Зеленого щита*», идеи, выдвинутой еще в 2016 г. на общероссийском уровне. Представители «*Природнадзора Югры*» и ряд других чиновников выступили против, заявив о достаточном количестве законов, позволяющих и без того обеспечить сохранность лесов. Но представители общественности настаивали на едином лесном массиве, мотивируя тем, что все природные процессы взаимосвязаны. Так, активная вырубка в одном конце города влияет на целостность грунтовых вод по всей площади, в результате образуются оползни и засыхают деревья [15].

Власти Ханты-Мансийска самоустранились и от уборки городских лесов, они стремились перекладывать её на руководство парка, что создавало угрозу разрушения экосистемы «*Самаровского чугаса*». Так, на лето 2018 г. в лесах города имелось, например, 857 подлежащих удалению деревьев. Средства из городского бюджета на очистку городских лесов выделялись, но по факту шли на другие цели либо на очистку не очень нуждающихся в ней территорий. В этой ситуации активисты-экологи организовали летом 2018 г. несколько субботников по очистке лесов и лесопарков [12].

Больше делала в этом плане Сургутская администрация. В 2012 г. в городе уже имелся 21 парк и сквер. Общая площадь рекреационных зон составляла 403 га [1, с.40].

В Нижневартовске в конце 1990-х гг. при остром дефиците зелёных насаждений тем не менее в черте города сохранились естественные участки леса, ставшие основой для новых лесопарков. Однако в целом озеленение составляло лишь 16% при норме 40% (на социально значимых объектах – от 50% до 75%). Лишь во второй половине 2010-х наблюдается ощутимый прогресс: так, посадки деревьев и кустарников выросли более чем вдвое [2, с.118-119].

Особое внимание уделялось защите кедра – по причине как ценности его, так и особой подверженности негативному влиянию нефтегазодобычи. Поэтому в постсоветские годы актуализировалась проблема сохранения

кедровников и создания их припоселковых зон [8, с.20-22, 82-84]. Кедровые посадки существенно повышали экологический потенциал городов.

По Генеральному плану развития г. Сургута озеленение должно было возрасти до 10 м² на человека «в ближайшее время» и до 20 м² в дальнейшем. Генеральный план развития г. Лангепаса (1999 г.) предполагал за 8-10 лет довести уровень озеленения до 20 м² на человека [5, с.241-243; 14] и т.д. В целом городские леса ХМАО за 2009-2020 гг. увеличились со 160 до 200 тыс. га [4, л.13].

Большое внимания уделялось преодолению скудости ассортимента городских лесов. В первой половине 2000-х гг. в их состав начали вводиться деревья, кустарники из других регионов – «интродуценты». Всего к 2014 г. было успешно перенесено в местные леса 65 видов, включая сибирские виды и некоторые другие, которые удалось приспособить к местным условиям, такие, как клен ясенелистный, миндаль низкий, жимолость татарская, черёмуха виргинская, а еще несколько десятков видов изучались на предмет приживаемости. В итоге в Сургуте уже в 2003 г. ассортимент городских лесов был представлен 26 видами, а в Лангепасе и Нижневартовске – 24 [6, с.31-32; 14].

В конце 2000-х гг. встала проблема планирования озеленения с учетом дизайна городского пространства. Так, в лесах рекреационного назначения получил распространение метод пейзажных групп, сочетающий видовую растительность с окружающим ландшафтом, от простых (однородные группы с 3-10, иногда больше, деревьями) до сложных (из большего числа видов деревьев и кустарников). Производился и посев разнотравья с высокими декоративными качествами и устойчивостью к вытаптыванию (мятлик луговой, овсяница красная, клевер белый) и цветов [7].

Общественность округа все активнее включалась в природоохранную деятельность. Иногда, как в случае с Самаровским чугасом, это вызвано бездействием чиновников, но чаще администрация поддерживает и/или

возглавляет такие мероприятия. Так, в Ханты-Мансийске был проведен «*День древонасаждений Югры*», в Сургуте и Сургутском районе – акция «*Посади дерево*», конкурс проектов ландшафтного дизайна «*Цветущий город*» и др. Акции «*Посади дерево*» проходили и в Лангепасе и в Покачи, в Нягани и Радужном; в первых двух городах – также акция «*Кедровый сад*», в двух других – «*Зеленый двор*» [11] и т.д.

Использовалась и концепция «*Умный город*», например, компьютерное моделирование в ходе ландшафтного планирования; предполагалось использовать ее при обследовании потенциальных территорий для лесоразведения на предмет их пригодности (анализ почвы, наличие вредных для растительности организмов). Ведутся и работы по использованию электронных баз и космических спутников (на труднодоступных участках) для анализа состояния лесов [8, с.46, 62].

Таким образом, в течение десятилетий недостаточный уровень озеленения городов был серьезной проблемой. Принятые меры позволили повысить «*в разы*» уровень озеленения Нефтеюганска, Сургута, Нижневартовска, а в Ханты-Мансийске путем соединения городских и пригородных лесов создан «*зеленый щит*». В целом городские леса ХМАО за 2009-2020 гг. увеличились на четверть. Проводилось также обогащение ассортимента растительности. Последний благодаря внедрению интродуцентов вырос в 3-4 раза. Началось также активное применение ландшафтного планирования при проведении озеленения.

Вместе с тем, официальные власти не всегда проявляли должную активность. Так, при создании «*зеленых щитов*» и при проведении лесопосадок официальные власти довольно часто оказывались не на высоте. Поэтому большое значение имели общественные инициативы, благодаря которым движение за экологию в округе приобрело массовый характер.

Применение новых технологий в рамках системы «Умный город» способствовало решению многих из этих проблем, включая определение соответствия качества воздуха и почв проводимым лесопосадкам.

Вместе с тем, пока озеленение городов округа остается недостаточным. В этом деле требуется усиление активности как городской общественности, так и ответственных официальных лиц.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бордей Р.Х. и др. Урбанофлора Сургута. – Сургут: СурГУ, 2013. 147 с.
2. Вавер О.Ю., Выходцев А.М. Историко-геоэкологический анализ современного состояния и концептуального подхода к развитию города Нижневартовска. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. 186 с.
3. Вавер О.Ю. и др. Концепция озеленения территории города Нижневартовска. – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2010. 55 с.
4. Государственный архив ХМАО – Югры. Ф. 495. Оп. 1. Д. 7.
5. Зеленцова, С.Ю. и др. Региональное и муниципальное управление: опыт, инновации, проблемы взаимодействия. – Сургут: Издат. центр СурГУ, 2017. 237 с.
6. Кукуричкин Г.М. и др. Экзотические деревья и кустарники в Сургуте// Экология и природопользование в Югре. – Сургут: ИЦ СурГУ, 2014. С.31-32.
7. Лесохозяйственный регламент городских лесов города Сургута. URL: http://admsurgut.ru/files/oldfilas/dm117571_0.doc (дата обращения 17.01.2022).
8. Онучин И.Е. Лесоводственно-таксационная оценка кедровых насаждений на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: дисс. ... канд. сельхоз. наук. – Екатеринбург, 2017. 250 с.
9. В Ханты-Мансийске обсудили городские леса. URL: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-25958.html> (дата обращения 21.01.2022).

10. Исследование парковой зоны города Лангепаса. URL: https://studbooks.net/1832076/geografiya/issledovanie_parkovoy_zony_goroda_lan_gepasa (дата обращения 24.01.2022).
11. Мероприятия в муниципальных образованиях Югры. URL: http://aaningsitir.ru/eoedu/International/archive/2010/2#gor_yrai (дата обращения 25.01.2022).
12. Неплюева И. Жители города взялись за очистку лесов// Правда УрФО. 7 июля 2018. URL: <https://pravdaurfo.ru/articles/166661-vlasti-stolicy-hmao-proignorirovali-reshenie-suda> (дата обращения 27.01.2022).
13. Прилуцкий Д. Сургут позеленел: в городе обновляют газоны на разделительных полосах // SiTV. 27 июля 2021. URL: <https://sitv.ru/arhiv/news/surgut-pozelenel-v-gorode-obnovlyayut-gazonu-na-razdelitelnyx-polosax/> (дата обращения 29.01.2022).
14. Сродных Т.Б., Денеко В.Н., Чикурова А.Ю. Озеленение городов Среднего Приобья. URL: <http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/6042/1/LU-23-2003-35.pdf> (дата обращения 22.01.2022).
15. Цигенбаум Е. Власти столицы ХМАО-Югры не спасли «Самаровский чугас». От «зеленого щита» отказались в угоду строительному бизнесу// Правда УрФО. 12 сентября 2017. URL: <https://pravdaurfo.ru/articles/157097-vlasti-stolicy-hmao-yugry-ne-spasli-samarovskiy> (дата обращения 27.01.2022).

Ляхов Михаил Игоревич

**ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В УРБАНИЗИРОВАННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРА СИБИРИ**

кафедра социально-гуманитарного образования

Сургутский государственный педагогический университет, Россия, Сургут

e-mail: lyamigor86@gmail.com

Аннотация. В статье представлен историографический анализ проблематики экологической истории городов Севера Сибири. Приводятся основные выводы авторов о характере и итогах антропогенного влияния урбанизированного пространства на природу Севера Сибири. Делается вывод о дальнейших перспективах экологической истории в контексте истории Сибирского города.

Ключевые слова: экологическая история; Север Сибири; урбанизация; Сибирский город; Западная Сибирь; Восточная Сибирь.

**HISTORIOGRAPHY OF THE INTERACTION BETWEEN MAN AND
NATURE PROBLEM IN THE NORTH SIBERIA URBANIZED SPACE**

Mikhail I. Lyakhov

Department of the Social and Humanitarian Education

Surgut State Pedagogical University, Russia, Surgut

e-mail: lyamigor86@gmail.com

Abstract. The article presents a historiographic analysis of the problems of urban environmental management in the North Siberia territory. The main researchers conclusions about the nature and results of anthropogenic influence are given. The conclusion about the further prospects of ecological history in the context of the history of the Siberian city is made.

Key words: ecological history; North of Siberia; urbanization; Siberian city; Western Siberia; Eastern Siberia.

История городов как явления макро- и микропроцессов человеческой деятельности является активно развивающимся объектом исследования. Данный факт связан с сущностью города как непосредственного участника жизни человека. Он и его сообщество производят и распределяют человеческие блага, создают научные достижения, занимаются политическими вопросами. Суть нынешних городов – находиться в постоянном развитии с целью не допустить любого отставания от мировых трендов. Такие тенденции подталкивают урбанистов, географов, экономистов, политтехнологов, историков и других специалистов ставить в центре своих разработок городские процессы для решения, прежде всего, нынешних проблемных ситуаций.

Сибирский Север занимает важную роль во внутригосударственной политике России. Этот регион с большим ресурсным потенциалом. На протяжении исторического развития влияние человека на природу Сибири только увеличивалось. Часть основанных сибирских поселений превращалась в крупные базы индустриального развития территории. Другая часть оставалась менее развита в социально-культурном, демографическом и экономическом отношении. Тем не менее, ключевая цель всех городских поселений Севера Сибири оставалась неизменной – адаптация к климатическим условиям местности и извлечение природных ресурсов всеми доступными способами.

На сегодняшний день проблематика северных городов России стала полноценным предметом исследования отечественной экологической истории. Особенности географического положения и экономического развития северных городов в связке с уникальными социально-бытовыми и культурными услугами подчеркивают необходимость изучать экологию-

исторические проблемы взаимодействия человека и природы в урбанизированном пространстве Сибирского Севера.

Активно развиваются историко-экологические исследования восточносибирского региона. В монографии Н.В. Гониной делается вывод о нарушении экологической ситуации на территории Крайнего Севера. В результате активного промышленного освоения были нарушены пищевые цепочки флоры и фауны, увеличилась концентрация ядовитых веществ в атмосфере, происходила повсеместная гибель тундры. Кроме этого, создание промышленных населенных пунктов привело к постепенному вытеснению традиционных способов природопользования [4, с. 82]. Схожие выводы прослеживаются в работе С.В. Гайдина [2] и совместном исследовании В.А. Кудашкина и С.А. Янюшкин [10], рассматривающие реализацию природопользовательской политики государства на территории Красноярского края, Иркутской и Читинской областей.

Имеются работы по оценке экологической ситуации на территории Республики Якутии. Интерес вызывает работа С.А. Григорьева, в которой автор демонстрирует попытки жителей региона повлиять на ситуацию в области охраны природы. Исходя из выводов исследователя следует, что активная гражданская позиция жителей региона способствовала отмене ряда правительственных инициатив. Так, были отменены проекты строительства ГЭС на р. Колыма, водоотвода для перекачки стока р. Амга для лесосырьевых предприятий промышленном освоении рек [5, с. 74]. Возможная реализация данных проектов нарушила бы состав и баланс воды на территориях населенных пунктов. Схожее мнение прослеживается в работе А.Д. Винокурова. Интерес представляет вывод автора о том, что Республика Якутия стала одним из первых субъектов России, который разработал и принял закон об охране природы своей территории [1, с. 249]. В дальнейшем схожие законодательные процессы будут прослеживать в других регионах страны.

В последние десятилетия отечественная историография пополнилась работами по проблемам экологического характера в период активных процессов индустриализации и урбанизации на территории Севера Западной Сибири. Одной из актуальных тем у исследователей является выявление институциональных способов решения экологических проблем. Слабая реализация природоохранного законодательства, а также стремление выполнить государственный план нефтегазовыми предприятиями не позволяли, по мнению Е.И. Гололобова, наказывать нарушителей должным образом [3, с. 17]. Детально вопрос о работе природоохранных органов на территории Севера Западной Сибири просматривается в работе М.С. Мостовенко. Вывод автора неутешителен – хоть в сферу компетенции комиссий по охране природы и входил ряд важнейших вопросов (соблюдение экологического законодательства, строительство очистных сооружений в городах и т.д.), тем не менее реальных механизмов влияния на ситуацию комиссия не имела. Ее работа носила больше рекомендательный характер, чем обязательный. [6, с. 172].

Интерес у авторов вызывает вопрос благоустройства и создания комфортной среды в городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. И.Н. Стась считает, что создание зеленых зон проходило хаотично и касалось лишь озеленения внутри микрорайонов. Не прокладывались газоны и не высаживались деревья на общегородских улицах. [8, с. 144]. При этом, исследователь отмечает о непрекращающихся общественных дискуссиях, касающиеся благоустройства городов Среднего Приобья. Ряд городских возражений природопользовательского характера не активно, но принимались ведомственными предприятиями [9, с. 61]. Работа А.И. Прищепы дополняет экологическую историографию. На примере Сургута прослеживается вывод о том, что решение вопроса благоустройства города окончательно решилось только лишь в течении 1990-х годов [7, с. 61].

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что тематика экологической истории Сибирского города имеет серьёзное основание к укреплению в академической среде. Исследователями проанализировано состояние экологической среды урбанизированных территорий в период активного промышленного освоения. Дана характеристика взаимодействия органов власти с ресурсодобывающими предприятиями в области правового регулирования экологических вопросов, изучены проблемы благоустройства городов, проведена оценка ущерба антропогенного влияния на природу.

Тем не менее, в исследовательском поле имеются перспективные направления в экологической истории городов Сибири, которые требуют детального изучения. К таковым можно отнести уровень атмосферного загрязнения в новых индустриальных центрах, проблематика участия горожан в улучшении окружающей среды, становление правового регулирования природопользования и его отражение в урбанизированных процессах городов Севера Сибири. Кроме этого, необходимо применять методы устной истории в историко-экологических исследованиях, способствующих не только «оживлению» научных работ, но и позволяющих детально рассмотреть дискурс взаимоотношений власти и граждан в вопросах экологии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Винокуров А.Д. Политическая составляющая охраны окружающей среды в ЯАССР в 1985-1992 г. // XIV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри, с международным участием. – Нерюнгри: Печатный двор, 2013. С. 248-250.
2. Гайдин С.Т. Развитие природопользования в Восточной Сибири (1946-1991 гг.). – Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2008. 427 с.

3. Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севера Западной Сибири в 1960-1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 12-20.
4. Гонина Н.В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе. 1945–1970 гг. – Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2009. 174 с.
5. Григорьев С.А. Экологическое движение в Якутии в конце XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 19-25.
6. Мостовенко М.С. Экологические проблемы индустриального освоения Сибирского Севера в 1970-1980-е гг. (по материалам деятельности постоянных комиссий по охране природы Ханты-Мансийского района) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 166-175.
7. Прищепа А.И. Экологические проблемы строительства Сургута как нового города (вторая половина XX в.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3 (5). С. 56-62.
8. Стась И.Н. «Голая» урбанизация: озеленение городов нефтяников Западной Сибири (1960-1980-е гг.) // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2014. С. 140-145;
9. Стась И.Н. Экологический дискурс в Сургуте в период рождения нового города (первая половина 1960-х гг.) / И.Н. Стась// Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (45). С. 55-63.
10. Янюшкин С.А., Кудашкин В.А. Хозяйственное освоение и проблемы природопользования Приангарья в 1950-1980-е гг. – Братск:Братский гос.ун-т, 2009. 166 с.

Завражин Анатолий Владимирович¹, Шубина Ирина Владимировна²

**ПЕРВЫЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА
ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (октябрь-ноябрь
1992 года)**

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: zavan51@mail.ru

²кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Московский социально-педагогический институт, Россия, Москва
e-mail: shubina73@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются на примере осетино-ингушского конфликта причины обострения межэтнических, межнациональных противоречий на Кавказе в первые годы образования Российской Федерации после распада СССР и появления большого количества новых независимых государств.

Ключевые слова: распад СССР, образование Российской Федерации, межнациональные противоречия, межэтнические конфликты.

**ETFIRST INTERETHNIC CONFLICT ON THE TERRITORY OF THE
RUSSIAN FEDERATION (October-November 1992)**

Zavrazhin Anatoly Vladimirovich,

doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History
Gubkin University. National University of Oil and Gas. Russia, Moscow

e-mail: zavan51@mail.ru

Shubina Irina Vladimirovna

candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of
Pedagogy, Moscow Socio-Pedagogical Institute, Russia, Moscow

e-mail: shubina73@bk.ru

Annotation. The article examines, by the example of the Ossetian-Ingush conflict, the causes of the aggravation of interethnic, interethnic contradictions in the Caucasus in the first years of the formation of the Russian Federation after the collapse of the USSR and the emergence of a large number of new independent states.

Keywords: the collapse of the USSR, the formation of the Russian Federation, interethnic contradictions, interethnic conflicts.

Развал в 1991 г. Советского Союза и образование на территории бывшего СССР большого количества новых независимых государств стало сопровождаться обострением межэтнических, межнациональных противоречий. Ярким примером этого явился первый межэтнический конфликт в форме открытого насилия, который произошел на территории Российской Федерации в конце октября – начале ноября 1992 г. между представителями двух северокавказских этносов – осетинами и ингушами.

Осетино-ингушский конфликт относится к категории кризисных событий, перегруженных факторами эмоционально-ценностного характера, среди которых *«историческая несправедливость»*, *«принадлежность территорий»*, *«собственная государственность»*, *«нерушимость границ»* и подобные им идеологические конструкции этнонационализма. Именно эти факторы уже неоднократно в прошлом были причиной кровавых вооруженных конфликтов и войн. Разжиганию конфликта способствовали и религиозно-культурные противоречия между христианами-осетинами и мусульманами-ингушами.

До сих пор в современной литературе не существует единого мнения по вопросу об истоках осетино-ингушского конфликта. Вместе с тем, большинство исследователей сходятся в том, что осетино-ингушский конфликт новейшего времени имеет глубокие исторические корни. Предпосылки этого конфликта были заложены еще в советское время, когда в 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы, а Чечено-Ингушская АССР упразднена. Пригородный район, заселенный до депортации ингушами, а также ингушский ареал Владикавказа (ранее Орджоникидзе) официально отошли к Северо-Осетинской АССР. В 1957 г., после того как ингушам было разрешено вернуться на их земли, район так и остался в составе Северной Осетии. После принятия в 1991 г. закона «*О реабилитации репрессированных народов*» ингуши стали требовать вернуть им Пригородный район и часть Владикавказа [2, с. 52].

Осенью 1991 г. Д. Дудаев провозгласил независимость Чеченской республики и ингуши получили своеобразную возможность на создание Ингушской республики на части территории бывшей Чечено-Ингушетии. При этом чеченское руководство всячески поощряло радикально настроенных ингушских националистов на присоединение к Ингушетии Пригородного района Северной Осетии, где проживало около 40 тыс. ингушей.

Практически сразу после 4 июня 1992 г. – провозглашения Ингушской Республики в составе Российской Федерации начались этнические чистки в Чечне. Тысячи ингушей под жестким давлением чеченских властей были вынуждены мигрировать из Чечни в Ингушетию. Многие из них переселялись в более развитый Пригородный район Северной Осетии и г. Владикавказ. Обострению ситуации способствовала массовая миграция осетин из Южной Осетии (около 30 тыс. человек) в Северную Осетию, включая Пригородный район и Владикавказ, в связи с конфликтом с Грузией. При этом ингуши подвергались открытой дискриминации – их ограничивали в прописке, затрудняли доступ к получению земельных участков, незаконно задерживали

и подвергали другим дискриминационным мерам. Наоборот, грузинские осетины пользовались целым рядом льгот и привилегий (они же в последующем сыграли наиболее жесткую роль в изгнании ингушей).

В самой Ингушетии также развернулась громкая кампания в поддержку *«собственных граждан»* в Северной Осетии. Широкое распространение получили лозунги о *«возвращении»* Пригородного района и переноса столицы Ингушетии из Назрани во Владикавказ. По предложению Северной Осетии в целях стабилизации обстановки Верховный Совет РФ своим постановлением от 12 июня 1992 г. № 2990–1 ввел чрезвычайное положение в осетинских районах, граничащих с Ингушетией и Чечней. Во исполнение этого постановления в республику были переброшены воинские контингенты, насчитывающие около 12,5 тыс. военнослужащих с тяжелой техникой, для охраны общественного порядка и обеспечения иных мер, предусмотренных Законом РФ *«О чрезвычайном положении»* [2, с. 54].

Одновременно в Северной Осетии, *«при явном содействии Москвы, начали создавать неконституционные вооруженные структуры – национальную гвардию и народное ополчение для противодействия "ингушской экспансии"»* [1]. Российское руководство передало в их распоряжение большое количество оружия и военной техники, включая 11 зенитных установок, 57 танков Т-72, 53 БТРа и 4 БМП. Кроме того, различные предметы вооружения (автоматы, гранатометы, взрывчатые устройства, приборы ночного видения и др.) стали выпускаться на заводах Владикавказа [1].

В целом позиция российского руководства в конфликте формировалась под воздействием событий в Чечне и была направлена в первую очередь на обеспечение целостности и безопасности России. Помимо этого Москва поддерживала мероприятия осетинского руководства, поскольку именно ему принадлежала вся полнота власти, в том числе и в Пригородном районе.

Вооруженный конфликт на территории Пригородного района начался в ночь с 30 на 31 октября 1992 г. Воинские подразделения, прибывшие в зону конфликта, подверглись обстрелу со стороны ингушских боевиков, после чего они получили команду на открытие огня. 2-5 ноября 1992 г. в Пригородном районе происходили интенсивные столкновения между осетинами и ингушами с применением главным образом стрелкового оружия, после чего начался исход ингушского населения.

2 ноября 1992 г. президент РФ Б.Н. Ельцин ввел на территории Пригородного района чрезвычайное положение. Осетино-ингушское противостояние потребовало ввода в зону конфликта регулярных армейских формирований. В район вошли федеральные войска, которые к 6 ноября разделили противоборствующие стороны. Вооруженный конфликт удалось погасить.

В результате конфликта пострадали более 8 тыс. человек, в том числе погибли более 600 человек (171 осетин, 419 ингушей, 60 человек других национальностей, 17 военнослужащих), ранено более 650 человек [2, с.55]. Были уничтожены, либо повреждены 3 тыс. жилых домов. Материальный ущерб составил свыше 50 млрд. рублей. В результате конфликта из Северной Осетии в Ингушетию ушли, по разным оценкам, от 30 до 60 тыс. беженцев. Несколько сотен человек попали в заложники по обе стороны границы. Уголовные дела по фактам гибели и похищения мирных граждан были позднее сведены в одно производство и прекращены [3].

Поскольку расследование обстоятельств вооруженных столкновений осенью 1992 г. было фактически прекращено Генеральной прокуратурой РФ, нельзя дать объективного ответа на вопрос: кто в действительности первым взялся за оружие – ингуши, решившие вернуть район и тем самым восстановить свое национально-государственное образование, или осетины, не желавшие расставаться с частью территории, которую привыкли считать своей. Но в любом случае, очевидно, что закон «*О реабилитации*

репрессированных народов» 1991 г. продолжает оставаться легальным основанием для требований пересмотра границы.

В течение десяти лет после кровавых событий 1992 г. осетино-ингушские отношения начали постепенно улучшаться. Были приняты меры к ликвидации последствий вооруженного конфликта – возвращению ингушских беженцев в Пригородный район. Руководство Северной Осетии приняло решение о выделении в Пригородном районе земельных участков для вынужденных переселенцев. По словам министра по делам национальностей Северной Осетии Т. Касаева, удалось решить серьезные организационные, финансовые и материально-технические проблемы и обеспечить создание необходимых условий для жилищного обустройства граждан ингушской национальности. Значительным событием в налаживании добрососедских отношений стало подписание 25 февраля 1998 г. в Магасе трехстороннего соглашения между правительствами двух республик и спецпредставителем Президента РФ, направленного на комплексное решение проблемы вынужденных переселенцев. Но она до сих пор полностью не решена. На сентябрь 2002 г. по оценке осетинской стороны их число составляло 6-7 тыс. человек, ингушская сторона оценивала их количество в 28–35 и даже более тысяч человек, а по данным специального представительства Президента РФ по вопросам урегулирования последствий осетино-ингушского конфликта – 16–18 тыс. человек [4].

Однако, после террористического акта в школе Беслана (Северная Осетия) в 2004 г., когда погибли более 300 человек, напряжение в отношениях стало вновь нарастать, так как среди захвативших школу были ингуши [5]. В Осетии возобновились разговоры о создании отрядов самообороны, а в Ингушетии начались митинги протеста. К счастью, до открытого противостояния дело не дошло и все разрешилось мирным путем.

Таким образом, осетино-ингушский конфликт среди проблемных узлов южно-российского геополитического поля, занимает особое место. По

мнению специалистов, только мирное урегулирование всех спорных вопросов, возникающих между народами, позволит укрепить общий вектор развития всего кавказского региона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001. [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://www.magas.ru/osetino-ingushskii-konflikt>. [Дата обращения: 20.01.2023].
2. Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. – М., 1999. – 312 с.
3. Осетино-ингушский конфликт может вспыхнуть вновь после трагедии в Беслане, полагают эксперты // Новости России. 2004. 6 сентября. [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/06sep2004/prigorodny.html>. [Дата обращения: 20.01.2023].
4. Цуциев А. Осетино-ингушский конфликт 1992 года: некоторые итоги десяти лет урегулирования // Бюллетень Владикавказского института управления. 2003. № 9 // Интернет-сайт «Владикавказского института управления» [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten92002/page2.html>. [Дата обращения: 20.01.2023].
5. Габараев М. Осетино-ингушский конфликт обостряется // Institute for War and Peace Reporting (Институт по освещению войны и мира). № 352. 2006. 9 август [Электронный ресурс]//Режим доступа:http://iwpr.net/?apc_state=henfcrs322853&l=ru&s=f&o=322853. [Дата обращения: 20.01.2023].

Ерохин Владимир Николаевич

ЭТНИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета

(Магадан, Российская Федерация)

e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения теоретических представлений об этничности и национализме в современных социальных науках с практикой государственного строительства в истории России и ходом реализации национальной политики в Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: этничность, национализм, социальные науки, Российская Федерация, гражданская политическая нация.

ETHNICITY AND NATIONALISM IN STATE LEGAL THEORY AND POLITICAL PRACTICE OF CONTEMPORARY RUSSIA

Vladimir N. Yerokhin

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation

e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problems of the correlation of theoretical ideas about ethnicity and nationalism in modern social sciences with the practice of state building in the history of Russia and the course of implementation of national policy in the Russian Federation at the present stage.

Key words: ethnicity, nationalism, social sciences, Russian Federation, civil political nation.

События нескольких прошедших лет принесли в межгосударственные отношения в современном мире новое обострение противоречий между Россией и Западом, что усиливается также цивилизационными различиями противостоящих обществ. В течение XXI в. может развернуться сценарий цивилизационно-государственного противостояния, а не конструктивного взаимодействия между Западом и Востоком. Запад, в первую очередь, США, по сути дела, не желает, чтобы экономическое и культурное развитие других регионов мира происходило планомерно и кумулятивно, и создает там, где это удастся организовать, очаги *«организованного хаоса»*.

По словам известного историка и социолога И. Валлерстайна (1930-2019), национализм в современном мире является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миросистему, которая опирается на структуру современных государств. Но при этом надо видеть, что национализм характерен не только для слабых. Национализм даже наиболее силен в самых богатых и сильных странах, которые, правда, открыто призывают к национализму гораздо реже, чем политические элиты в странах послабее, и делают это в тактическом плане иначе, пытаясь представить экономическую и политическую организацию западных стран, сложившуюся на определенной национально-государственной основе, как наивысшее цивилизационное достижение и ориентир для всех остальных обществ [2, с. 223–224].

Западные политики в современном мире нередко прибегают к стратегии подогревания и раздувания этнических конфликтов, трактуя их как национальные конфликты и называя этнические группы в не западных странах *«национальными меньшинствами»*. Применительно к внутренним условиям своих стран западные антропологи предпочитают говорить об *«этнических группах»*, *«этнических меньшинствах»*, между тем, например, применительно, в том числе, и к российским условиям заводя разговор о национальных группах.

Проблемы изучения происхождения этноса и этничности, понимания национализма в современной политической жизни по-прежнему относятся к кругу наиболее актуальных и значимых для большинства современных обществ, в том числе и для российского общества. В развитии человеческого общества начало осмысления этничности восходит в своих первоначальных формах к эпохе разложения родо-племенного строя и формирования государственно организованного общества. Этничность является формой и способом социальной организации культурных различий [1, с. 62; 5, с. 33]. Национализм в своем происхождении связан с этничностью, но не сводится к ней. Национализм – феномен, развернувшийся в общественной жизни в своих важнейших базовых характеристиках фактически только в Новое время и ставший особым способом осмысления коллективной идентичности в сообществах, стремившихся к созданию собственной государственности.

Национализм опирается на ранее существовавшие идентичности и традиции, и национальные идентичности часто интегрируют такие традиции, но не сводятся к ним [3, с. 109]. Как отмечает известный исследователь национализма Дж. Бройи, досовременная этническая идентичность, хотя и может быть обнаружена в древних и средневековых обществах, не была институционализована. В досовременных народностях отсутствовали три базовых элемента, через которые оформляется и закрепляется этническая идентичность – юридическая, политическая и экономическая идентичности. Это важнейшие институты, через которые в обществах эпохи Модерна обретают социальные формы также и национальная идентичность [6, с. 206]. В древних и средневековых обществах государства конституировались на основе служения поданных правящей династии, на основе приверженности определенному вероисповеданию («*истинной вере*»), и осмысление этничности не выходило на первый план, хотя на практике среди существовавших групповых идентичностей определенную роль играли также

этнические, земляческие связи. Досовременные государства тоже бывали полиэтничными по составу населения.

В дальнейшем же в Новое время под влиянием идей Великой Французской революции для западноевропейской политической и исторической мысли стало типичным использование понятий «этнос», «народ» как синонимов понятия «нация». Нация – это сообщество, которое, имея под собой, чаще всего, этническую основу и общность истории и происхождения, еще дополнительно скрепляется территориальными, экономическими, политическими, культурными связями, то есть представляет собой не чисто этническое, но также политическое и социально-экономическое явление. Вместо «тела короля» как политического символа сообщества на первый план как объект политической лояльности выходит «тело нации».

Нации начинают приписываться свойства социальной субъектности, как будто нация как единый организм обладает способностью к целеполаганию, принятию решений, выбору альтернатив. Такой подход, вообще говоря, является наглядным примером реификации (овеществления) понятий, эссенциалистского подхода к пониманию социальных общностей, в результате чего нация наделяется единой волей, способностью к коллективному действию, как будто это особый организм, отдельный индивид. Приписываемая нации единая воля отнюдь не возникает и не реализуется автоматически и даже фактически формулируется определенной группой политических предпринимателей, прибегающих к националистической риторике в политической борьбе для достижения тех или иных, иногда корыстных, политических целей. Когда в политической борьбе не хватает иных ресурсов, бывает, что приходится задействовать также и националистическую риторику, чтобы преподнести выдвигаемые требования как выражение «истинной воли и подлинных интересов нации».

В Западной Европе в Новое время существовали предпосылки формирования такого типа национализма, в котором на первый план выходило понимание нации как гражданского, политического сообщества. Классическим в этом отношении является пример политического развития Франции, хотя и в этой западноевропейской стране в конце XVIII – первой половине XIX вв. были еще сильны региональные идентичности. По словам В. А. Тишкова, *«французская нация существовала и продолжает существовать, прежде всего, как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность»* [4, с. 159].

В Центральной и Юго-Восточной Европе, в отличие от французских условий, в Новое время существовала ситуация, в которой жившие в этом регионе этнические общности входили в состав полиэтничных государств и в течение долгого времени не имели какого-либо гражданского, политического представительства в действовавших властных структурах. В результате в осмыслении национальной принадлежности, понимании национализма в этой части Европы сложилось представление о нации как языковом и культурном сообществе, то есть этнонации. Российская империя тоже была государством, в котором этнические группы, не имевшие гражданско-политического представительства, подобным же образом, так сказать, *«опознавали своих»* по языку и культуре. Российской общественной мысли по наследству от Российской империи так и досталось такое, этнокультурное по характеру, понимание нации.

В русской философской мысли до 1917 г., вдобавок к этому, широко было распространено убеждение, согласно которому *«историческая миссия»* России не может рассматриваться как узконациональная. Русская культура трактовалась как *«сверхнародная»*, несущая в себе не ограниченно национальные, а общечеловеческие надежды, чаяния и устремления. Начавший заметно проявляться у поздних славянофилов во время правления императора Александра III (1881-1894) русский патриотизм и национализм не

встречал сочувствия и признания у более широко философски образованных мыслителей. Типично в этом отношении высказывание одного из крупнейших русских религиозных философов В. С. Соловьева (1853-1903) в полемике с поздним славянофилом националистического толка Н.Н. Страховым (1828-1896). По словам В. С. Соловьева, *«трудно поверить, чтобы тонкий ум почтенного критика не понимал различия между национальностью и национализмом, – ведь это то же самое, что различие между личностью и эгоизмом»* [7, с. 516].

Негативное отношение к национализму досталось современному российскому обществу еще от дореволюционного прошлого. Господствовавший в советское время как политическая идеология марксизм тоже насаждал подозрительное отношение к национализму. Марксизм с его классовым подходом к анализу социальных явлений остался малочувствительным к проблематике этничности и национализма. Но при этом в советский период отечественной истории складывался шанс к тому, чтобы граждане СССР превратились в единую национально-государственную политическую общность, *«советский народ»*, который мог стать отечественным вариантом такого характерного для западного мира явления, как гражданская политическая нация, в которой этничность отошла на второй план.

В отличие же от России, все западноевропейские государства-нации сконструированы на базе идей национализма. В лексиконе социальных наук на Западе понятие *«национализм»* имеет нейтральные или порой даже положительные коннотации и подтекст: национализм как преданность культуре своей нации, стремление к национальной независимости – что в этом плохого? В современной же России не только в массовом сознании, но порой и в понимании специалистов не проводится отчетливого различия между понятиями *«национализм»*, *«нацизм»*, *«шовинизм»*.

Вместе с тем, вопреки отрицательному отношению к национализму, современный российский федерализм имеет форму этнофедерализма, и даже в преамбуле действующей Конституции РФ речь идет не о единой гражданской нации, а упоминается *«многонациональный народ Российской Федерации»*. Это может сформировать у читателя мысль, что и гражданских наций в стране не одна – российская, а много.

Понятно, что политика – это искусство возможного, и действующая власть в управлении государством вынуждена иметь дело не с чистой политической теорией, а с конкретной страной и народом. Но надо иметь в виду, что политологи обоснованно отмечают дополнительный конфликтный потенциал, который несет в себе этнофедеративное устройство государства. Не случайно число этнофедераций в мире невелико (Бельгия, Индия, Канада, Малайзия, Нигерия, Российская Федерация, с большими оговорками Швейцария и Босния и Герцеговина) [2, с. 473-482].

С 1990-х гг. в нашей стране довольно влиятельная в научно-этнологическом сообществе группа во главе с В.А. Тишковым отстаивает необходимость работы по формированию среди населения страны российской гражданской политической идентичности. Чтобы не поддерживать институализированную этничность, по совету этих экспертов из российских паспортов убрали графу *«национальность»*. При этом предполагается, что этнокультурная идентичность живущих в Российской Федерации народов должна реализовываться не в политической сфере, а в частной жизни. Превращение этнофедерации в федеративное государство, построенное по территориальному принципу – это процесс большой длительности, но ход и результат этого процесса крайне важны для современной российской государственности, поскольку устойчивая общероссийская гражданская политическая идентичность является одним из основных факторов в поддержке национально-государственной безопасности современной России.

Устойчивое существование государств, видимо, нельзя обеспечить без определенной степени дозированного использования националистического дискурса – без национализма, без заботы о национально-государственных интересах нет эффективного политического действия. Но при этом ключевым является то, что это должен быть интегративный по характеру гражданский политический национализм.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: Издат. центр РГГУ, 2000. 366 с.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология. – М.: Юрайт, 2014. 495 с.
3. Калхун К. Национализм. – М.: Территория будущего, 2006. 286 с.
4. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. – М.: Весь мир, 2013. 400 с.
5. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. 511 с.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. 409 с.
7. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. – М.: Правда, 1990. 688 с.

РАЗДЕЛ VIII. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО – ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАЗНООБРАЗИЯ

УДК 94(47).084.8

Тараданова Татьяна Михайловна

ЭСТЕТИКА СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СРЕДЫ

кандидат философских наук, доцент кафедры истории

Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: taradanova@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается музыкальная культура в рамках официального советского искусства в период с 1917 по 1991 гг. Дается характеристика основным подходам к решению художественных и просветительских задач в области музыкального искусства.

Ключевые слова: музыкальное искусство, массовая песня, классическая музыка, музыка кино, эстрадная песня.

AESTHETICS OF THE SOVIET MUSICAL ENVIRONMENT

Tatiana M. Taradanova

candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of history

Gubkin University. National University of Oil and Gas. Russia, Moscow

e-mail: taradanova@list.ru

Annotation. The article examines the musical culture within the framework of the official Soviet art in the period from 1917 to 1991. The characteristic of the main approaches to solving artistic and educational tasks in the field of musical art is given.

Keywords: musical art, mass song, classical music, cinema music, pop song.

Официальное советское искусство, охватывающее период с 1917 по 1991 гг. характеризуется прежде всего огромной ролью идеологии в его становлении и развитии, согласно которой основной задачей советского искусства является служение народу. Искусство было призвано отстаивать интересы общего дела борьбы за социализм и коммунизм, нести людям правду, развивать в них творческое начало. Музыка наряду с другими искусствами также рассматривалась как идеологическое средство, призванное воодушевлять и просвещать людей.

Вопрос о том, что стало историческим прототипом такого подхода к искусству стал ключевым в раннем советском искусствознании. Одной из причин называлась тенденция, а впоследствии и грандиозные художественные программы под лозунгом развития монументального искусства. Монументализм на первом этапе становления нового общества осознавался как основное требование к *«искусству будущего»*. Начало развитию советского монументального искусства было положено в 1918 г. В.И. Лениным, выдвинувшим план развития монументальной пропаганды, в соответствии с которым искусство необходимо было мобилизовать в качестве важнейшего агитационного средства революции.

Следующим вероятным прототипом советской массовой музыки называется музыка Великой французской революции, в которой широко использовалась ее способность воздействовать на массовую аудиторию. Такое направление в развитии музыкальной культуры согласовывалось с общей идеологической тенденцией времени. Вызвав процесс всесторонней демократизации общественной жизни Европы, французская революция оказала огромное влияние на все области духовной жизни. Каждое значительное событие революционного времени возбуждало творческую фантазию народа и получало яркое художественное оформление. Под звуки музыки пала Бастилия, народ слагал песни о низвержении монархии, о принятой конституции. Крупные военные победы отмечались грандиозными

празднествами. Похороны народных героев превращались в массовые шествия. Музыка, получившая социальную направленность, превратилась в общественную силу, поставленную на службу государству, в активное средство гражданского воспитания. Ее идейное содержание связывалось с пафосом революции, выражением действия организованных народных масс. [2, с. 869]

В соответствии с поставленными идеологическими задачами, в советском государстве развиваются массовые жанры в различных искусствах, в том числе и в музыке. Появляются музыкальные кантаты, оратории, призванные воспевать, возвеличивать достижения партии и советского народа. Особое значение придается музыкальному оформлению политических событий и торжеств. С точки зрения отражения советской идеологии рассматривается и песня, развиваясь в массовый музыкальный жанр. Простота формы, музыкального и поэтического языка обуславливали ее максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия.

С середины 20-х и до конца 50-х гг. XX в. понятием *«массовая песня»* охватывалось все песенное творчество советских композиторов. Позднее, с укоренением термина *«советская песня»*, к массовой песне стали относить только хоровую песню на общественно-политические темы, предназначенную для совместного исполнения большими массами людей. В отличие от эстрадной и бытовой песни, массовая была рассчитана на хоровое звучание во время демонстраций, митингов, собраний и других крупных общественных событий. Реже массовые песни исполнялись в концертах.

Первыми образцами массовых песен советского времени стали гимны Великой французской революции, в частности *«Марсельеза»*. К массовым песням принадлежат также многие международные и русские революционные песни XIX – начала XX вв. (например, *«Интернационал»*, *«Варшавянка»*, *«Смело, товарищи, в ногу»* и другие). В 1920 – 1930-х гг. массовая песня стала ведущим жанром советских композиторов-профессионалов и любителей

песенного творчества. К этому периоду относится большая часть красноармейских и партизанских песен Гражданской войны («*Песня коммуны*», «*По долинам и по взгорьям*», «*Марш Будённого*», «*Красная Армия всех сильнее*» и другие, а также комсомольские песни 20-х гг. («*Молодая гвардия*», «*Наш паровоз*» и другие).

Подлинно массовыми становятся песни, написанные советскими композиторами в 1930-х гг. Это «*Песня о встречном*» Д.Д. Шостаковича (1932), «*Марш весёлых ребят*» И.О. Дунаевского (1934). В 1930-1950-х гг. в жизнь советского народа вошли массовые песни композиторов А.В. Александрова («*Священная война*»), М.И. Блантера («*Катюша*»), И.О. Дунаевского («*Песня о Родине*», «*Марш энтузиастов*»), В.Г. Захарова («*Ой, туманы мои*»), Л.К. Книппера («*Полюшко*») и многие другие. В конце 1950-1960-х гг. были созданы песни «*Бухенвальдский набат*» В.И. Мурадели, «*Пусть всегда будет солнце*» А.И. Островского, «*Песня о тревожной молодости*» А.Н. Пахмутовой, «*Родина*» С.С. Туликова и другие. В то же время всё большее распространение получает лирическая и бытовая песня. Но именно в жанре массовой песни советскими композиторами были созданы произведения, по выразительным и художественным достоинствам не имеющие аналогов в мировом музыкальном искусстве. [3, с. 18-21]

Особая роль в советской музыкальной культуре отводилась классической музыке. Критерии художественной ценности в классической музыке бесконечно разнообразны и укоренены в эпохе, традиции, культуре. Особое значение имеет то, что классическое произведение представляет собой выражение художественной свободы художника. Высокое искусство культивирует индивидуальность и это делает его произведения уникальными.

Задача популяризации классической музыки в советское время решалась комплексно – через образование, проведение многочисленных конкурсов исполнителей, концертную деятельность, с помощью средств массовой информации. В советской музыкальной практике постепенно сложился и

существовал эмоционально объединяющий всех «праздничный» и «траурный» классический репертуар. Музыка, звучащая в теле и радиозфире предваряла и сопровождала государственные события, иллюстрировала их содержание, назначение, степень торжественности. Чаще всего в дни торжественных событий звучали сочинения М.И. Глинки, П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова. В дни празднования Дня Победы 9 Мая на улицах и площадях, в городских скверах духовые оркестры исполняли любимые всеми песни военных лет. Во многих городах страны, в частности в городах нефтяников и газовиков, были созданы городские духовые оркестры, постоянно выступавшие на открытых концертных площадках.

В советском теле и радиозфире музыкальное искусство было представлено достаточно разнообразно – звучала российская и зарубежная классика, музыка кино, театральная музыка, народная, массовая, эстрадная песня. Практически весь спектр музыкального искусства был представлен советскому массовому слушателю. Безусловно, существовала цензура, иногда закрывавшая дорогу талантливым, но выходящим за рамки принятых стандартов музыкальным направлениям.

Музыкальное озвучивание телеэфира тщательно продумывалось и как правило было художественным и профессиональным. Музыкальные заставки к таким популярным телепередачам как «Время», «В мире животных», «Спокойной ночи, малыши» стали эталонными в этом жанре, воспринимались как музыкальная преледа к действию определенного содержания. Отсутствие рекламы способствовало именно такому их восприятию.

Обучение музыке в общеобразовательных школах осуществлялось по программе, специально разработанной Д.Д. Кабалевским, и во многом благодаря этому предмет «Музыка» имел определенный статус. Изменение впоследствии программ школьного образования привели к потере уникальной возможности развития художественной эмоциональности детей, формирования у них хорошего художественного и музыкального вкуса.

В целом – советский опыт музыкального просвещения гарантировал каждому человеку в стране, независимо от его музыкальных интересов, доступ к лучшим образцам музыкального искусства, а также право выбора из тех произведений, что составляют художественную ценность. Не было специально созданных каналов телевидения, радиопередач, ориентированных на классическое искусство (каким впоследствии стал канал «Культура»), высокое искусство не загонялось в резервацию, а было достоянием всех и каждого. Коммерческий подход к средствам массовой информации на постсоветском пространстве существенно снизил качество художественной информации, существенно сократив ее количество.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Конен В.Д. Очерки по истории зарубежной музыки. – М.: Музыка, 1997. 639 с.
2. Писаревская А.А. Музыкальное искусство Франции в период революции 1789 года // Молодой ученый. 2016. № 4 (108). С. 867-870. – URL: <https://moluch.ru/archive/108/26256/> (дата обращения: 04.04.2023).
3. Сохор А.Н. О массовой музыке // Сборник «Вопросы теории и эстетики музыки», выпуск 13. – Ленинград. Изд-во Музыка, Ленинградское отделение, 1974. С. 5-21.

Фалеев Алексей Николаевич¹, Филатова Марина Николаевна²

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

¹кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,

Россия, Москва

e-mail: anfaleev@mail.ru

²доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,

Россия, Москва

e-mail: filatova.m@gubkin.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы исторического наследия и отношения к нему, а также будущего и прошлого, их взаимосвязи. При этом раскрывается гуманистическая проблематика с позиций марксистской теории.

Ключевые слова: человек, духовная культура, естествознание, познание, самопознание, история.

MAN AND CULTURE IN THE MODERN WORLD

Alexey N. Faleev

candidate of the philosophical Sciences, associate Professor of philosophy Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow

e-mail: anfaleev@mail.ru

Marina N. Filatova

full doctor of the sociological Sciences, Professor of philosophy Gubkin

University. National University of oil and gas. Russia, Moscow

e-mail: filatova.m@gubkin.ru

Abstract. The issues of historical heritage and attitude to it, as well as the future and the past, their relationship are considered. At the same time, the main topics of humanistic problems are covered from the standpoint of Marxist theory.

Keywords: man, spiritual culture, natural science, knowledge, self-knowledge, human history.

Человек, его место в мире, предназначение человеческой жизни – эти вопросы постоянно беспокоили и продолжают волновать людей. Ответить на них – значит, найти цель и смысл существования. С древнейших времен в истории философской мысли наметились две линии поисков. Представители одной из них пытались уяснить место и назначение человека посредством изучения природы. Они считали, что жить надо согласно природе. Философы второго направления искали ответ на указанные вопросы не в законах природы, а в самом человеке. Так, древнегреческий философ Сократ считал, что как разумное существо человек должен жить по своей природе и рекомендовал следовать девизу «*Познай себя!*».

Путь к самопознанию долог и труден, поскольку он означает нечто иное, чем познание вещей окружающего мира. Человек не соотносим с вещью, его нельзя ей уподобить, и, стало быть, знание о нём не может быть похожим на знание об окружающих предметах, обладающих раз и навсегда данной формой существования. Человек – это не только творение (природы и истории), но и творец. Он должен создавать сам себя, и для него быть самим собой означает стать другим, чем он есть. Динамизм истории – это вытекающий из родовой способности человека к самоопределению специфический способ его существования.

Самопознание человека и его познание нерасторжимы. Постигая мир, размышляя над пройденным путем, уясняя былые ошибки, многие из которых были исторически неизбежными, человек превращает воспоминания о прошлом в необходимую основу своего духовного развития, культуры, самосозидания. Причем сама способность воссоздавать в сознании прошлый опыт и впечатления не дается ему готовой. Она формируется в процессе исторического развития. Кроме того, память не может существовать без забывания, поэтому последнее также необходимо. В целом, существенное значение для понимания человека имеет то, что он помнит, а также и то, о чем забывает. И, судя по тому, что человек помнит и как он относится к своей истории (взгляд на которую и связь, с которой бывают разными), о нем можно многое сказать.

Утверждают, что *«человек – продукт обстоятельств»*. С этим трудно не согласиться, если под обстоятельствами иметь в виду те, которые сопутствовали личной жизни человека, а также и те, которые сопровождали жизнь прошлых поколений людей. Индивидуальное развитие человека есть процесс социализации, т.е. вхождения в социальную среду, формирования человеческих способностей и потребностей, усвоения человеческих способов поведения и форм деятельности, созданных предыдущими поколениями. *«История отдельного индивида, – пишет К. Маркс, – отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею»* [1, т.1, с.440]. Как раз через опыт духовной жизни предыдущих поколений, с помощью идейного наследия прошлого каждый отдельный человек постигает суть настоящего. Не случайно в произведениях В.Г. Распутина, В.П. Астафьева, В.И. Белова, Ф.А. Абрамова, Ч.Т. Айтматова, В.В. Личутина, обратившихся к истокам народной культуры и достойно продолживших идеи А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.П. Платонова и др., со всей убедительностью показано, что моральные взгляды трудового

народа прошлых времен сохраняют свою ценность и для нашего времени. Кстати, именно народная культура вызвала к жизни самые значительные взлеты человеческого духа, в том числе и великое искусство России XIX в.

В кризисные моменты истории могут пробуждаться тенденции к полному разрыву с прошлым, когда жаждущие обновления люди отрицают историческое наследие. Утрата интереса к минувшему часто базируется на наивной уверенности в том, что, не считаясь с историей, можно претворить в жизнь любые проекты общественных преобразований. Разрушая сложившиеся социальные структуры, ломая устоявшиеся стереотипы поведения коренные перевороты вызывают большой прилив энергии в стремлении людей обновить социальную жизнь. Однако каждый человек, хочет он этого или этого нет, неизменно связан со своей историей массой видимых и невидимых нитей. Их не могут уничтожить даже самые решительные в переломные эпохи разрывы с прошлым, без памяти о котором человек обедняет себя и с неизбежностью впадает в иллюзии касательно личных перспектив (поскольку лишь зная «откуда», можно постичь «куда»).

Стремление к тому, чтобы начать все с начала – особенность, проявляющаяся в жизни людей различных эпох. Оно присуще и христианству, и первым социалистическим утопиям, а также близка, основывающейся на деятельности самих индивидов по переустройству социальных отношений, марксистской концепции. Конечно, мечты о будущем и устремленность к нему неизменно будут присущи человеку, однако видение исторической перспективы и поступки в соответствии с ней не должны заслонять предшествующего пути.

Человек должен пройти свой путь и понять свое предназначение, которые раскрываются им через познание, как своей собственной человеческой природы и истории, так и внешней природы и ее истории. Человеческая история является продолжением истории природы. И, стало

быть, правомерно искать общий смысл совершающегося процесса развития, который, по всей вероятности, сможет быть достигнут лишь тогда, когда знание о человеке станет объединяющей историю природы и историю людей «наукой истории». Со временем, в конце большого пути наука о человеке, предсказывал К. Маркс, включит в себя естествознание, а естествознание – науку о человеке: *«Это будет одна наука... Человек есть непосредственный предмет естествознания... природа есть непосредственный предмет науки о человеке»* [1, т. 42, с. 124-125]. Цель и смысл жизни вершатся самим человеком, но эти свершения, как отсюда следует, имеют свои исходные основания в исследовании природы и познании истории.

Сформировавшаяся на базе практического освоения действительности история духовной культуры как *«летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего»* является наивысшим разделом *«науки истории»*. Именно здесь, в данной области должна быть раскрыта тайна человека как существа, способного создавать себя, влиять на то, как устроится будущее. Разумеется, что эту историю в её общей тенденции и внутренней противоречивости надо пропустить через себя и тогда отношение к ней будет итоговой оценкой, целостным взглядом на свою личную историю.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага. Соч., изд-е 2. Т. 1. М.: Госполитизда, 1955. С. 119-160.

**РАЗДЕЛ IX. РОССИЯ И МИР – «РОССИЯ И ЕВРОПА»:
ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.
ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

УДК 821.161.1

Левина Лариса Александровна

**РУССКОЕ МЕССИАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.Ф.
ОДОЕВСКОГО, Н.В. ГОГОЛЯ, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «*Российский государственный университет нефти и
газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина*»,

Россия, г. Москва

E-mail: larissa.a_mail@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена насущной потребностью общества в осмыслении исторических перспектив России и ее роли в мировой истории. В статье рассматривается русское мессианство как альтернативное славянофильству и западничеству направление русской общественной мысли, представленное В.Ф. Одоевским, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским.

Ключевые слова: национальная идея, мессианство, Россия и Европа, православие и католичество, В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский.

RUSSIAN MESSIANITY IN WORKS

BY V.F. ODOEVSKY, N.V. GOGOL, F.M. DOSTOEVSKY

Larisa A. Levina

doctor of philological Sciences, Professor of history Gubkin Russian State
University of Oil and Gas (National Research University) Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the research is due to the urgent need of society in understanding historical perspectives for Russia and its role in world history. The article discusses russian messianity as an direction of Russian social thought, alternative to Slavophilism and Westernism, submitted by V.F. Odoevsky, N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky.

Key words: national idea, messianity, Russia and Europe, Orthodoxy and Catholicism, V.F. Odoevsky, N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky.

В первой половине – середине XIX в., когда заявили о себе и набирали силу славянофильство и западничество, возникло как минимум еще одно направление общественной мысли, к сожалению, недооцененное ни современниками, ни потомками. Основные его идеи заключаются во том, что: а) Россия и Западная Европа связаны отношениями взаимодополняемости; б) России предстоит сыграть мессианскую роль как в цивилизационном, так и в религиозном отношении. Поэтому условно назовем это направление мессианством.

Основоположником этого направления следует считать выдающегося мыслителя и общественного деятеля – князя В.Ф. Одоевского. Он был близок к славянофилам и по взглядам, и просто по-человечески, но никогда полностью не разделял их убеждений.

Он верил в великое будущее России и в неисчерпаемые потенциальные возможности русского человека, полагая, что этим возможностям ещё только предстоит реализоваться. В дневнике он писал: *«Нет способнее русского человека во всей Европе, но немцы опередили нас просвещением <...> А между тем русский человек все-таки первый в Европе. Не только по способностям, которые ему дала природа, но и по чувству любви, которое должным образом в нем сохранилось, несмотря на недостаток просвещения <...> Уж если русский человек прошёл сквозь такую переделку и не забыл христианской любви, то, стало быть, в нем будет прок, но это ещё впереди, а не назад»*

[6, с. 62-63]. Не видя для России перспективы в развитии по пути Запада, Одоевский отдавал себе отчет в том, что в области науки, техники и образования Европа Россию опережает. Именно этих сферах он считал необходимым следовать за Европой, в чем и видел путь к осуществлению Россией ее мессианского предназначения: *«Не перейдем у иностранцев, – писал Одоевский, – ни их гражданского безумия, ни смут, ни раздоров, – но перейдем и усвоим себе Смалева плуг, и Жаккардову машину, и Макадамову дорогу, и Уатова паровик»* [6, с. 63].

Особое значение для понимания представлений князя Одоевского об исторической миссии России имеют его соображения о церкви и конкретно – о католицизме. В его записях читаем: *«Езуитская камарилла развращает народную нравственность, приучая народ бояться не суда и закона, но случайности, и смешивая в его понятиях добродетель с угодливостью и вывертливостью, а виновность – с несчастием, от которого можно отделаться разными средствами. Народ, потеряв нравственное чувство совести и следуя в этом примеру высших над ним лиц, теряет веру в добросовестность власти и веряется первому встречному возжаку, который и сам не знает, куда он идет и куда ведет»* [8, с. 346]. Можно предположить, что именно в салоне Одоевского подобные идеи зазвучали впервые в России. Свидетельство тому – появление их на страницах издававшегося частями в течение 1830-х гг. романа *«Русские ночи»*: *«Западный храм – политическая арена; его религиозное чувство – условный знак мелких партий. Религиозное чувство погибает! <...> Девять на десять так называемых римских католиков не верят ни в непогрешимость папы, ни в добросовестность иезуитов, и десять на десять готовы хоть на ножи за то и другое»* [7, с. 200]. Одоевский не склонен был связывать упадок Запада исключительно с религией, придавая не меньшее значение состоянию науки и искусства. Будучи человеком веротерпимым, он не стремился противопоставить конфессии, а только констатировал факт деградации религиозного чувства

европейцев. В то же время в прямом противопоставлении не было необходимости, ибо, коль скоро речь идет об исторических судьбах христианства, православие представляет собой естественную альтернативу католичеству.

На сопоставлении конфессий сосредоточился Н.В. Гоголь, придавший мессианской идее преимущественно религиозное звучание: *«По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым»* [1]. Очевидно, что при такой постановке вопроса о западном в полном смысле слова пути развития не может быть и речи. Но и самобытность исторического пути не так интересовала Гоголя, как вопрос о соотношении христианских церквей и об исторической миссии православия. Гоголь писал: *«...вижу всю мудрость Божью, попустившую временному разделенью Церквей, повелевшую одной стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой — волноваться вместе с людьми; одной — не принимать в себя никаких нововведений, кроме тех, которые были внесены святыми людьми лучших времен христианства и первоначальными отцами Церкви, другой — меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычек людей, вносить все нововведения, сделанные даже порочными несвятыми епископами; одной — на время как бы умереть для мира, другой — на время как бы овладеть всем миром...»* [1] Сравнивая православие и католичество с евангельскими Марией и Марфой соответственно, Гоголь делает вывод, что именно православной церкви, которая, подобно Марии *«избрала благую часть»* [Лк. 10:42], принадлежит будущее: *«...в нашей Церкви сохранилось все, что нужно для ныне просыпающегося общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей, и чем больше захожу в нее сердцем, умом и помышленьем, тем больше изумляюсь чудной возможности примирения тех противуречий, которых не в силах примирить*

теперь Церковь Западная. Западная Церковь была еще достаточно для прежнего несложного порядка, еще могла кое-как управлять миром и мирить его со Христом во имя одностороннего и неполного развития человечества. Теперь же, когда человечество стало достигать развития полнейшего во всех своих силах, во всех свойствах, как хороших, так и дурных, она его только отталкивает от Христа: чем больше хлопочет о примирении, тем больше вносит раздор...» [1].

Дальнейший импульс мессианской идее дал величайший русский писатель Ф.М. Достоевский. Будучи православным пассионарием, испытавшим большое личное влияние князя Одоевского, которого считал своим покровителем, Достоевский развивал его идеи, но при этом делал жесткий акцент на противопоставлении православия и католичества. В «Дневнике писателя» он не раз поднимал вопрос об угасании западной цивилизации вообще и западного религиозного чувства, в частности: «*Эта Франция, даже и потерявшая теперь, почти вся, всякую религию (иезуиты и атеисты тут всё равно, всё одно), закрывавшая не раз свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировке собрания самого Бога <...> Самый теперешний социализм французский <...> есть не что иное, как лишь вернейшее и неуклонное продолжение католической идеи, самое полное и окончательное завершение ее, роковое ее последствие, выработавшееся веками» [4, с. 6-7]. Аналогичные мысли обнаруживаем и в романе «Идиот». Здесь они вложены в уста князя Мышкина, который в этом вопросе – с поправкой на присущую этому персонажу экзальтацию – может рассматриваться как alter ego автора: «*Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле <...> По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие,**

злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть <...> Ведь и социализм – порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собою потерянную власть религии, чтобы утолить жажду духовную возжаждавшего человечества...» [2, с. 450-451]

Мысли о деградации религиозных институтов Запада до уровня мелких политических партий, о вырождении католицизма в социалистическую идеологию и о католической церкви, которая все больше сеет раздор, наглядно показывают близость взглядов Одоевского, Гоголя и Достоевского по этому вопросу. Хронологически Достоевский подытожил тему в размышлении о грядущем восхождении православного государства до духовного уровня церкви, в то время как церковь католическая опускается на уровень государства как политической силы: *«...не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А, напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, что <...> есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет»* [3, с. 62]. Впрочем, одних лишь мыслей о предназначении православной церкви было бы недостаточно, чтобы говорить о мессианстве. Вопрос ставится гораздо шире – речь идет о роли России и русского человека в дальнейшей судьбе одряхлевшей Европы.

«О, верьте! Будет призванный из народа юного, свежего, непричастного преступлениям старого мира! Будет достойный взлелеять в душе своей высокую тайну и восставить светильник на свещнице. <...> Где же ныне шестая часть света, определенная провидением на великий подвиг? Где ныне народ, хранящий тайну спасения мира? Где сей призванный? <...> где он?» [7, с. 201] В этих строках Одоевского непосредственно

вырисовывается образ мессии, который должен прийти из России. И далее: «В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывающий трепетную Европу, – и блеск русского меча доныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира <...> не одно тело должны спасти мы – но и душу Европы!» [7, с. 202]; «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке – узнайте его, и вы в том уверитесь, вы найдете у нас частию ваши же силы, сохраненные и умноженные, вы найдете и наши собственные силы, вам не известные, и которые не оскудеют от раздела с вами» [7, с. 243]. Поневоле вспоминается мысль Гоголя о том, что у нас «сохранилось все, что нужно для ныне просыпающегося общества», и образ Марии, которая «избрала благую часть, и она не отнимется у нее» [Лк. 10:42]

Своим предшественникам вторит Достоевский. «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили, и которого они не знали! <...> нашу русскую цивилизацию им неся, мы должны теперь стать перед ними...» [2, с. 451-452] «Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег Нового Света, откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия...» [2, с. 453] Нетрудно заметить единство не только принципиальных позиций, с точностью до акцентирования религиозной темы у Достоевского и отсутствия его у Одоевского, но и манеры изложения, вплоть до текстуальных совпадений.

И Одоевский, и Гоголь, и Достоевский чувствовали себя живущими на переломе истории, на пороге великого цивилизационного катаклизма, за которым начнется новая эпоха, и ведущую роль в ней, по их мысли, должна

играть Россия. *«Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы не причастны преступлениям старой Европы; перед нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа»* [7, с. 202], – пишет Одоевский в *«Русских ночах»*. Много лет спустя в *«Дневнике писателя»* Достоевский откликнется: *«...видно подошли уже сроки чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготовлялось в мире с самого начала его цивилизации»* [4, с. 6]; *«А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея <...> с разрешением Восточного вопроса вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая <...> не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно <...> Тут нечто всеобщее и окончательное <...> несущее с собою начало конца всей прежней истории европейского человечества...»* [4, с. 9]

Достоевский говорит о смене цивилизации. Одоевский употреблял слово *«стихия»*, Гоголь рассуждал о *«новом порядке»*, но, по сути, речь идет об одном и том же. Развивая мысль о взаимодополняемости России и Запада, Одоевский предсказывал пришествие преобразователя, который привьет Европе необходимый ей элемент восточной стихии, подобно тому, как Петр I привил России недостающий ей западный элемент [7, с. 242-243]. Достоевский же видел в деятельности Петра провозвестие мессианского предназначения России. [5, с. 147] В том, что Одоевский называл русской всеобщностью, всеобнимаемостью, Гоголь – способностью к примирению противоречий, а Достоевский – всечеловечностью, общечеловечностью, все три мыслителя усматривали залог готовности России к осуществлению своей мессианской роли в истории одряхлевшей изверившейся Европы. Невозможно не заметить, насколько актуально в наши дни звучит разработанная ими мессианская идея будущего России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Патриот. 1993. 400 с. [Электронный ресурс] <https://azbyka.ru/fiction/vybrannye-mesta-iz-rereriski-s-druzyami/19/> Дата обращения: 20.02.2023
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. – Л.: Наука. 1973. 511 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. – Л.: Наука. 1976. 511 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. – Л.: Наука. 1983. 470 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. – Л.: Наука. 1984. 518 с.
6. Левина Л.А. Где тот добрый человек, который сказал бы мне спасибо? Князь Одоевский как государственный и общественный деятель. // Социум. 1994. № 10-12 (41-43). С. 56-66.
7. Одоевский В.Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Худ. Лит. 1981. 365 с.
8. Русский архив. 1874. Кн. 1. – М. 530 с.

Жукова Евгения Михайловна

**ГУМАНИСТИЧНОСТЬ, КАК СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА
ВЕРОТЕРПИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО, Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО,
Н.И. ПИРОГОВА)**

преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования *«Российский государственный
университет нефти и газа (национальный исследовательский университет)
имени И.М. Губкина»*, Россия, г. Москва
e-mail: ev7zhukova@gmail.com

Аннотация. Объектом исследования является литературно-философское наследие Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и Н.И. Пирогова, а его предметом – принцип веротерпимости в мировоззрении этих мыслителей. Каждый из них представляет собою высокий образец гуманистичности в эпоху тесного взаимодействия различных этносов. Анализ творчества трех деятелей культуры показывает, что при разности мироощущений все они сходились в общегуманистической сути веротерпимости. Принятие веротерпимости как общекультурной универсалии основано на восприятии ими мира как единого организма, в котором различные религиозные традиции не унифицированы, а составляют *«единство множественного»*.

Ключевые слова: религиозная веротерпимость; гуманистичность; Лев Толстой; Федор Достоевский; Николай Пирогов.

**HUMANISM AS THE ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF RELIGIOUS
TOLERANCE (ON THE EXAMPLE OF THE PHILOSOPHICAL
CONCEPTS OF L.N. TOLSTOY, F.M. DOSTOEVSKY, N.I. PIROGOV)**

Evgeniya M. Zhukova

Lecturer, University of Oil and Gas (National Research University)

Moscow, Russia

e-mail: ev7zhukova@gmail.com

Abstract. The object of the research is the literary and philosophical heritage of L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky and N.I. Pirogov, and its subject is the principle of religious tolerance in the worldview of these thinkers. Each of them represents a high example of humanism in the era of close interaction of various ethnic groups. The analysis of the creativity of the three cultural figures shows that with a difference in worldviews, they all converged in the general humanistic essence of religious tolerance. Acceptance of religious tolerance as a general cultural universal is based on their perception of the world as a single organism in which various religious traditions are not unified, but constitute a "unity of the plural".

Keywords: religious tolerance; humanism; Leo Tolstoy; Fyodor Dostoevsky; Nikolai Pirogov.

Сегодня, в эпоху глобализации и быстрого обмена информацией мы становимся свидетелями того, как стремительно меняются границы понятий. В живом общественно-политическом и академическом диалоге происходят существенные семантические сдвиги ключевых терминов. В результате человек оказывается в новой понятийной системе координат, в которой взаимосвязи различных мировых процессов видятся иначе, нежели 100-300 лет назад. Отсюда и иной взгляд на допустимое, необходимое, должное.

Отмеченные тенденции характерны для такого понятия, как веротерпимость. Современные исследователи, по большей части, рассматривают его в одной связке с понятием религиозной толерантности. Причем одни авторы ставят между ними знак равенства, другие различают их. В то же время происходит «дробление» последнего понятия на внешнюю и внутреннюю веротерпимость [21, с. 147-157]; ему могут присваиваться нехарактерные свойства и функции [12, с. 37-46]; оно может сближаться (вплоть до отождествления) с социальным равнодушием, индифферентным отношением к этике и религиям [19, с. 176], связываться с экуменизмом [5, с.

42; 6, с. 379] и т.д. Веротерпимость порою понимается как страдание – мучительное «претерпевание» иного (чужого), исключая возможность искреннего его приятия. Таким образом, понятие веротерпимости размывается, теряет свои первоначальные смысловые очертания. Более того, ставится вопрос о ее необходимости и даже о ее принципиальной невозможности в рамках конкретных культур или человечества в целом [7, с. 206]. Последнее обосновывается ссылками на принципы ригоризма, эксклюзивизма и др. [5, с. 37-46]. Происходит, на наш взгляд, необоснованное усложнение понятия веротерпимость, искусственное нагромождение смыслов вокруг него. Все это чрезвычайно затрудняет его восприятие не просто как понятия, но как принципа жизни.

Нарастающий сегодня религиозный фанатизм выдвигает проблему веротерпимости на передний план. А значит, осмысление опыта государств, где этот принцип проводился (сверху и снизу), представляет собою не только академический интерес. В этом контексте актуальным видится исследование идеи веротерпимости в художественном, философском и научном наследии лучших представителей того или иного общества.

Немало исследований посвящено проблемам духовно-нравственных основ жизни в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского [см., напр.: 3; 4; 11]. И хотя целый ряд авторов затрагивает тему отношения этих мыслителей к вопросу веротерпимости [см., напр.: 16, с. 203-214; 18, с. 307-313], ее гуманистические корни никогда специально не прослеживались в научных работах. К двум названным фигурам мы сочли возможным присоединить выдающегося врача и педагога Н.И. Пирогова, который своими путями приходил по существу к тем же идеям. Его размышления об отношениях между представителями различных конфессий не получили должного освещения в академических трудах [см., напр.: 14, с. 203-219; 15, с. 184-190]. Тем интереснее обратиться к обозначенному кругу вопросов, опираясь на персоналистический и исторический метод, а также элементы сравнительного

(компаративистского) метода. Цель работы – выявить гуманистическую основу принципа веротерпимости в творческом наследии русских мыслителей.

Важной составляющей философии и практической деятельности всех трех была гуманистичность, понимаемая как любовь к человеку и уважение к его восприятию образа «священного», к его чувствам и действиям по отношению к этому образу. Общеизвестна фраза из произведения «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского про слезинку ребенка; широкое распространение в свое время получили и идеи Л.Н. Толстого о любви к человечеству, нашедшие воплощение в том числе в педагогической сфере [20, с. 347-349]. То же самое, в сущности, делал в педагогике и Н.И. Пирогов [1, с. 9; 2, с. 25], хотя его образовательная *«программа»* имела свои особенности. Всех троих также объединяет экзистенциальный опыт, который повлиял на их отношение к ценности человеческой жизни, к душе. Выдающийся врач-хирург, Н.И. Пирогов оперировал раненых в осажденном англо-французскими войсками Севастополе. Крымская война самым непосредственным образом коснулась и Л.Н. Толстого, участвовавшего в сражениях при Ольтенице, Силистрии, в Севастополе. Ф.М. Достоевский был приговорен к расстрелу, который инсценировался и в последний момент заменен каторгой. Таким образом, человеколюбие, присущее всем трем, не являлось умозрительным, в его основе лежал глубокий личный опыт. Каждый из них касался темы веротерпимости, органично вытекающей из гуманистического мироощущения авторов.

Важно отметить не только то общее, что объединяет выбранных деятелей, но и определенные различия – дабы отчетливее проявились ценность и универсализм идей, к которым приходили разные по «складу души» люди. Если Ф.М. Достоевский смотрел на мир сквозь призму христианских ценностей [8, с. 114], то Л.Н. Толстой искренне интересовался множеством религиозных традиций и обладал широтой восприятия [13, с. 183; 9, с. 55].

Н.И. Пирогов же, по мнению ряда исследователей, тяготел к космизму [10, с. 109-118; 17, с. 56].

Для Л.Н. Толстого проявление любви к людям (в том числе и к иноверцам) – это не «*вымученный*» акт, а естественное состояние человека, в мироощущении которого все взаимосвязано и взаимозависимо. Все три мыслителя признавали единство мира, человечества, видели его как целостный организм. Такой холистический подход позволял им проследить определенные закономерности развития этого мира, выделять созидательные и разрушительные тенденции. Ф.М. Достоевский считал, что русский человек особенно тонко чувствует мировые события, потому что наделен способностью к синтетическому восприятию, его сознание направлено не только на национальное, но и на «всечеловеческое». В сущности, те же мотивы мы находим в концепции Н.И. Пирогова, для которого наряду с индивидуальным (человеческим, мозговым) мышлением в природе присутствовала другая – «*мировая*» (вселенская) мысль, свидетельствующая об имманентном единстве человечества, естественности и даже целесообразности в наблюдаемом многообразии религиозных, национальных и пр. делений социума. Философская и практическая деятельность всех трех авторов имела миротворческий характер. Они осознавали, что без веротерпимости не будет такого миропорядка, при котором различные государства смогут сохранить свою самобытность, культуру, религию, причем это относится как к внешней, так и к внутренней политике.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексюк А.Н., Савенок Г.Г. Педагогические взгляды Н.И. Пирогова // Избранные педагогические сочинения / Сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. – М.: Педагогика, 1985. С. 6–28.

2. Врачинская Т.В. Наследие Н.И. Пирогова в контексте основ педагогической конфликтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2009. №11. С. 24–28.
3. Гельфонд М.Л. Нравственно-религиозное учение Л.Н. Толстого. – М.: ИФ РАН, 2009. 343 с.
4. Гусейнов А.А. Непротивление злу силой // Лев Николаевич Толстой / Под ред. А.А. Гусейнова, Т.Г. Щедриной. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 219–247.
5. Гусельцева М. Культурно-исторические аспекты толерантности // Образовательная политика. 2011. № 4(54). С. 29–45.
6. Днепров Т.П. Эволюция смысла толерантности в истории философско-педагогической мысли // Сибирский педагогический журнал. 2009. №2. С. 375–382.
7. Евдокимов А.Ю. Веротерпимость и толерантизм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. №3. (771). С. 199–208.
8. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 712 с.
9. Ильин В.Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. – СПб.: РХГИ, 2000. 480 с.
10. Кениспаев Ж.К. Методология исследования сознания в русской философии // Образ человека в историко-философском познании. Сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ. Под ред. С.А.Ан, В.В. Маркина. – Барнаул: АлтГПУ (Барнаул), 2001. С. 109-118.
11. Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2013. 302 с.

12. Логинов А.В. Возможна ли внутренняя религиозная толерантность? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. № 4/170 (12). С. 37–46.
13. Лосский Н. Нравственная личность Толстого // Международный Ежегодник по Философии Культуры, 1911. Кн. 1. – М.: «Мусагетъ». С. 179–192.
14. Мазинг Ю.А. Николай Иванович Пирогов: 200 лет жизни в истории России // Пространство и время. 2010. №2. С. 203–219.
15. Миронов Д.А. Философские воззрения Н.И. Пирогова // Вестник СПбГУ . Серия 6. Политология. Международные отношения. 2007. №4. С. 184–190.
16. Полосина А.Н. Лев Толстой и Вольтер о веротерпимости // Вольтеровские чтения: Материалы международных конференций. Вып. 1. – СПб.: РНБ, 2009. С. 203–214.
17. Пряхин В.Ф. Философское наследие Н.И. Пирогова и мировоззренческие основы глобализации XXI века // Вестник «Биомедицина и социология». 2019. №1 (4). С. 54–57.
18. Сарбаш Л.Н. Полиэтноконфессиональная Россия в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Вестник ЧГУ . 2012. №4. С. 307–313.
19. Цораев З.У., Бязрова Дж.Б. Толерантность как системообразующая ценность бытия современного поликультурного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. №2. С. 176–181.
20. Шадская А.В. Проблема веротерпимости на уроках ОРКСЭ в контексте идей Л.Н. Толстого // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Материалы XXXIV Международных Толстовских чтений (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 8–10 сентября 2014 г.). – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 344–349.
21. Margalit A. The Ring: on Religious Pluralism // Toleration: An Elusive Virtue. Editor D. Heyd. Princeton University Press, 1996. P. 147-157.

Мананникова Марина Викторовна

КОНЦЕПЦИЯ ВИЗАНТИЗМА, КАК ОСНОВА РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

кандидат философских наук, доцент кафедры геополитики и устойчивого развития общества, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
Россия, Москва
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-теоретические основания византизма К.Н. Леонтьева, выражающего специфические особенности отечественной культуры. Приводится оценка Н.Я. Бердяевым движущих сил исторического развития, представленного в теории византизма. В заключении рассматривается понятие русской идеи, определяющей своеобразие места и роли русской цивилизации в мировом историко-культурном процессе.

Ключевые слова: византизм; культурный кризис; «*русская идея*»; Россия; культура.

THE CONCEPT OF BYZANTIUM AS THE BASIS OF RUSSIAN CULTURAL IDENTITY

Marina V. Manannikova

candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Geopolitics and Sustainable Development of Society,
Gubkin University. National University of oil and gas, Russia, Moscow
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

Abstract. The article examines the ideological and theoretical foundations of K.N. Leontiev's Byzantium, which expresses the specific features of Russian culture. N.Y. Berdyaev's assessment of the driving forces of historical development presented in the theory of Byzantium is given. Russian idea is considered in the conclusion, which determines the peculiarity of the place and role of Russian civilization in the world historical and cultural process.

Key words: Byzantium; cultural crisis; «*Russian idea*»; Russia; culture.

Продолжая традицию осмысления роли и места России в мировом историко-культурном пространстве, отечественные мыслители, несколько отступая от классических теорий славянофильства, проявили необычайную системность и четкость понимания процессов, определяющих настоящее, прошлое и будущее нашего государства.

К.Н. Леонтьев, будучи сторонником и последователем взглядов Н.Я. Данилевского, посчитал необходимым дополнить теорию последнего, введя представления о пространственно-временной определенности локальных культурных типов. Особый интерес в теории Леонтьева представляет собой концепция византизма, имеющая важное, парадигмальное значение для всего его творчества. Обращаясь к теме византизма, Н.К. Леонтьев анализировал характер и особенности набравшего силу в XIX в. движения славянских народов, стремившихся к освобождению и постоянно обращавшихся за помощью к Российскому государству. По мнению Леонтьева, опасность в данном случае заключается в противопоставлении славянства и византийского православия, «чисто племенного этнографического отвлечения», опирающегося на языковую близость и подлинного византизма, понимаемого как православное вероисповедание [1].

В работе «Панславизм и греки» Леонтьев пишет: «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России» [3, с. 7]. По мнению мыслителя, основой славянского единства должно стать принятие византизма как парадигмы межславянских отношений.

Он считает, что мощь России – это необходимое условие существования славян. А силу России может обеспечить только политика византизма – *«единственный надежный якорь нашего не только русского, но и всеславянского охранения»* [1].

Религиозно оформленное самодержавие становится общественным идеалом. К подобного рода идеям мыслитель, по мнению Н. Бердяева, приходит через общий эстетический нарратив, сформировавший у него резко отрицательный взгляд на процессы, происходящие в культуре Европы XIX в. *«Константин Николаевич не может простить Европе, что она отрешилась от своего благородного прошлого. Он не был врагом тех принципов, которые были положены в основу европейской культуры, – католичества, феодализма, рыцарства. Он был врагом измены этим принципам, самими же принципами эстетически восторгался. Мещанство победило католичество, аристократию, поэзию старой Европы»* [3, с. 4].

Леонтьев видел глубокую опасность в той усредненности, которая стала следствием тотального распространения демократического равенства, формирующего *«средний тип буржуа»*, отрицающего эстетику. Личность такого типа аморальна, поверхностна, безбожна. *«Мещанская эгалитарность»* имеет свою противоположность, воплощенную в формах *«сложного цветения»*, проявляющихся на второй стадии историко-культурного развития общества. Здесь мы можем наблюдать подлинное торжество духа, воплощающееся в сложном дифференцированном пространстве классов, сословий, великих людей, массы и гениев, святых и злодеев. *«Демократические движения означают распадение общественного организма, наступление старости, умирание. Константин Николаевич открывает что-то вроде закона энтропии в социальной жизни»*, – пишет Н. Бердяев [3, с. 6].

Обращаясь к анализу движущих сил исторического процесса, Леонтьев открыто подчеркивал свою приверженность идеям русского направления, хотя

мировую историю он рассматривал в европоцентрированной системе координат. *«Леонтьев был более европейцем, чем сам сознавал, и чем это принято о нем думать»* [3, с. 6]. Это не мешало ему критиковать *«одряхлость»* Старого света, предсказывая его кризис и неминуемую гибель.

Основа нации, по мнению мыслителя, это прежде всего самобытность религии, оригинальность культуры. Он использует яркий, емкий, провокативный концепт – *«византизм»*, превращая его в новое направление консервативной мысли. Византизм, с одной стороны, выступает как культурная мыслеформа, входящая в *«ментальный мир человека»*. С другой стороны, это понятие обладает признаками идеологемы, заключая в себе свойства идеологии и описывая особый тип государственности, особый путь развития России, ее идентичность и историческое самоопределение.

Русский византизм приобретает черты русской идеи. Разрушительный либеральный космополитизм противопоставляется Леонтьевым консервативной государственности, инструменту, способному сохранить *«цветущую жизнь»* русской культуры. Россия должна, по его мнению, искать опору прежде всего в самодержавии и мощной независимой православной церкви. Нравственными скрепами общества выступают традиционная семья с элементами патриархальности и саморазвивающаяся и усложняющаяся культура. Содержание самой русской идеи сводится Леонтьевым к креативному развитию и масштабированию созидательного многообразия культурных форм и составляющих. Говоря о понятии *«русское»*, мыслитель имеет в виду прежде всего то, что каким-либо образом соотносится с Россией, ее особенностями, византийским характером. При этом национализм Николаем Константиновичем резко критикуется, как орудие политических манипуляций, способствующее деградации культур и народов. Национализм может быть допущен только в одной единственной своей форме – как культурный национализм, основанием которого служит родство религий, нравов и прочих ценностных ориентиров [2].

Размышляя о союзниках России, Леонтьев подчеркивал сходство судеб нашего государства и Византии, считая их обреченными на пребывание в одиночестве. Западная Европа является опасным союзником в силу противоречия между «культом всеобщего благополучия», навязываемого либеральной парадигмой мышления и ценностями русского мира [2].

По мнению мыслителя, Россию ждут глобальные цивилизационные потрясения, возможность избежать которые заключается в укреплении византийских культурных начал.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кунильская Д.С. Концепт и идеологема «византизм» в публицистике К.Н. Леонтьева // Проблемы исторической поэтики. 2016. №1. С. 262-275.
2. Леонтьев Н.К. Избранные письма (1854-1891). – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. 640 с.
3. Осьмачко С.Г. Историософия К.Н. Леонтьева в оценках Н.А. Бердяева // Ярославский педагогический вестник. 2016 г. №1. С. 5-10.
4. Прокуденкова О.В., Мухаммед Аль Хадиди. Теоретическое наследие К.Н. Леонтьева в контексте культурфилософских идей конца XIX – начала XX в. // Вестник СПбГУКИ. 2015. №2(23) июнь. С. 129-133.
5. Русские философы (конец XIX - середина XX века): Антология. Вып.1 / Сост.: А.Л. Доброхотов, С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. – М.: Изд-во «Кн. палата», 1993. 368 с.
6. Савельева М. Соотношение мифологического и рационального в доктрине византизма // Философский полилог. 2017 г. Вып.2. С. 54-64.

Семенова Татьяна Николаевна¹, Ситнова Лариса Ивановна²

**ДИАЛОГ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС**

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,

Россия, Москва

e-mail: semenovataniya@gmail.com

²Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий

e-mail: cmp@gubkin.ru

Аннотация. В центре внимания статьи становление идеи диалогичности культуры с античности до наших дней с опорой на идеи М. Бахтина, В. Библера, М. Бубера по развитию диалога культур, межличностного и внутриличностного диалога. Религиозная мировоззренческая ориентация М. Бубера включает межрелигиозный диалог. Устойчивое развитие современных цивилизаций связано с культурой диалога на разных уровнях, что обеспечивает взаимопонимание и успешную коммуникацию.

Ключевые слова: диалог; диалектика; диалог культур; межличностный диалог; внутриличностный диалог; коммуникация

DIALOGUE: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL DISCOURSE

Semenova Tatiana Nikolaevna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin Russian State University of
Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia

e-mail: semenovataniya@gmail.com

Sitnova Larisa Ivanovna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Socio-Political Technologies

e-mail: cmp@gubkin.ru

Annotation. The article focuses on the formation of the idea of dialogic culture from antiquity to the present day, based on the ideas of M. Bakhtin, V. Bybler, M. Buber on the development of the dialogue of cultures, interpersonal and intrapersonal dialogue. M. Buber's religious worldview orientation also includes interreligious dialogue. The sustainable development of modern civilizations is associated with a culture of dialogue at different levels, which ensures mutual understanding and successful communication.

Keywords: dialogue; dialectics; dialogue of cultures; interpersonal dialogue; intrapersonal dialogue; communication

Диалогичность коммуникационных процессов требует особого внимания к самой проблеме диалога. В античности диалог был синонимом слова диалектика, как искусство спора, достижения истины в процессе столкновения мнений (диалоги Платона); методом познания, направленным на поиск истины. Результатом такого диалога является совместное достижение истины, открытие нового. В античном представлении истина не дана в готовом виде, ею необходимо овладеть. Только в результате совместного обсуждения можно достичь полноценного понимания, получить новое знание. Диалог является рационально-понятийным методом познания, направленным на совместный поиск истины.

В средние века единственным источником Истины является Откровение, которое нуждается в объяснении и истолковании. Цель диалога –

истолкование Истины (экзегетика). Диалог в Средневековье выступает в формах апологетического диалога (апологетика и патристика) и диспута (схоластика). Важнейшим методическим приемом в апологетическом диалоге служит цитирование. Диалог принимает форму диспута, который стал играть важнейшую роль в схоластической системе образования и становится выражением особого способа познания. Диспут в схоластике представляет собой формальное ведение спора, основной задачей которого является разъяснение Священного писания и систематизация религиозных догматов. Используется вопросно-ответная процедура. Появляется идея медитации как внутреннего диалога. С Галилея идея веры в могущество человеческого разума и диалог становится средством обучения и познания (раньше – средство защиты, наставления) [10, 12].

В XX в. проблема культуры как диалога трансформируется в проблемы культуры и личности, в межличностный диалог. Метафизика диалога развивается в концепциях М.М. Бахтина, В.С. Библиера, М. Бубера. Интерес к проблеме диалога в XX в. связан с необходимостью понимания субъекта познания, где диалог есть объективная форма развития знания, культуры, когда истина не дана в готовом виде, а достигается в совместном поиске.

С точки зрения М.М. Бахтина [1, 2, 3, 4] субъектом диалога является личность в конкретном социокультурном контексте. Диалог выступает как характеристика человеческого бытия. Через диалог человек видит самого себя, других людей, приобретаются знания о своем, субъективном, существовании и о существовании объективного мира. Диалог у М.М. Бахтина – это не средство, а самоцель. Он вводит понятие «*хронотон*», как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, диалог автора и читателя, диалоги персонажей произведения. Диалог постоянен, никогда не заканчивается, имеет экзистенциальное измерение: диалогическое общение – это способ твоего бытия, твоего существования. Культура существует как общение, как диалог

людей различных культур, как форма свободного решения и изменения своей судьбы и принятия ответственности за свой выбор; как творчество, продуктами которого, по М.М. Бахтину, выступают тексты и произведения. Хронотоп Бахтин М. использует прежде всего для выделения эстетического, чувственно-образного мировоззрения, кардинально выделяющего человека из животного мира (человек проигрывает животным в слухе, обонянии, осязании, зрении), но трансформирует свои чувственные ощущения в прекрасный мир искусства, как способ самовыражения, трансляции информации, идей, мыслей, чувств о самом себе, об окружающем природном и социальном мире. Здесь просматривается диалог как способ самопонимания и взаимопонимания.

В философских трудах В.С. Библера [5, 6, 7] понятие диалога культур выдвигается в качестве основания философии в канун XXI в. Цивилизационная потребность во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении реализуется прежде всего через диалог культур. Взаимопонимание культур, поиск единства, сходства, тождества есть объективная необходимость, условие развития культур. По Библеру диалог – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур, между различными логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра. Диалог – форма социального бытия людей, социокультурный феномен; В процессе коммуникации возникают отношения. Сам диалог с этой точки зрения выступает не только выражением общения двух людей в конкретный момент, это и взаимодействием культур, возрастов, мировоззрений, стран. Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных прошлых, настоящих и будущих культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур.

М. Бубер [8,9] делает акцент не на индивидуальности, а на отношения между индивидуальностями, то есть в процессе коммуникации возникает нечто новое – отношения; нужно включиться в мир другого, а не сделать его

мир частью своего. По М. Буберу существует три вида диалога: монолог, замаскированный под диалог, технический диалог, подлинный диалог.

Подлинный диалог можно назвать высшим уровнем межличностного общения, так как в нём личность относится к Другому, к другому Я, к другой Личности, выявляя в последней наличное качественное своеобразие бытия, отличие от своего Я. Настоящий диалог осуществляется посредством слов, понятийно, но и молчание двух людей может выражать диалогичность. Это свидетельствует о том, что в экзистенциальном диалоге важен не только момент разговора, но и в том, что происходит встреча с Другим. Технический диалог возникает из стремления к взаимной выгоде, пользе, из насущной необходимости достичь объективного взаимопонимания в процессе переговоров по практическим деловым проблемам (в экономике, политике и т.д.). Технический диалог может также рассматриваться и как деловое общение, так как в ходе него люди выстраивают в большей степени партнёрские или товарищеские отношения, нежели дружеские. В монологе, замаскированном под диалог, в сущности, ставится конкретная цель: Я самоутверждается за счет взаимодействия с Другим (удовлетворить тщеславие своего Я). По М. Буберу, именно диалог является целью человеческого существования, но и одновременно выражением духовной и интеллектуальной зрелости цивилизационных коммуникативных процессов.

Важнейшее место в философии М. Бубера занимает Бог, отношения человека с Вечным Ты. Он полагал, что любое Ты может привести к Богу, ведь Бог разлит и в Ты. Будучи религиозным философом, М. Бубер затрагивает проблему межрелигиозного диалога. Он отмечает важную особенность религии, состоящую в том, что она даёт ответы на фундаментальные вопросы. Так, люди, ведущие религиозный спор, пытаются добиться истины, которая должна быть одна для всех, и в связи с этим не могут согласиться друг с другом (и, по мнению М. Бубера, различие останется). В подлинном диалоге различия не стираются, однако личность «обращена» к другой личности напрямую, и

они парадоксальным образом достигают согласия, исходя из убеждённости каждого в своей правоте.

Глобальные миграционные процессы, сложнейшие конфронтационные политические события, обострение современных экономических, социальных и духовных процессов ставят вопрос о сосуществовании культур, цивилизаций [12]. Диалог разных культур, цивилизаций позволяет формировать и поддерживать общечеловеческое пространство, чувствовать единство общечеловеческой цивилизации с развитием индивидуальности отдельных культур (Пусть расцветают все цветы – Конфуций). Несомненно, это скорее нормативная ценность, чем реально осуществленная ситуация. Тем не менее развитие диалога, умения слушать и понимать друг друга – это базисный фактор «социализации» человечества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. /Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. - 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 7 -180.
3. Бахтин М. М. К философии поступка. – М.: Лабиринт – МП, 1996, 183 с.
4. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 227- 231.
5. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения). Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42
6. Библер 1990 – Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990.
7. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, 1991, 176 с.

8. Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. 464 с.
9. Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. -175 с.
10. Лосев А.Ф. Средневековая диалектика//Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Losev/Dial_index.php (дата обращения: 25.02.2023).
11. Жильсон Э. Философия в средние века. – М.: Культурная Революция, Республика, 2010. 678 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., АСТ, 2003, 603 с.

Суворова Елена Владимировна

**РОССИЯ И КИТАЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ)**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: suvorlen@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сходство и различие культурных особенностей России и Китая через призму паремий. Делается вывод о том, что несмотря на географическое соседство, названные страны имеют не только много общего, но и много различий: в мировосприятии, отношении к таким константам культуры как ценности, время, труд, человеческие качества. В статье предлагается также взгляд на русскую и китайскую культуры с позиции иноязычного наблюдателя. В конце статьи даются рекомендации по сохранению эффективного межкультурного диалога между российским преподавателем и китайскими студентами.

Ключевые слова: диалог культур, китайское мировосприятие, русский менталитет, паремия, межкультурная коммуникация

**RUSSIA AND CHINA: DIALOGUE OF CULTURES (ON THE BASIS OF
RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS)**

Elena V. Suvorova

Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor of Foreign Languages
Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow
e-mail: suvorlen@yandex.ru

Abstract. The paper investigates the problem of how Russian and Chinese identities are similar, different, and intersect by means of proverbs and sayings. It concludes that despite the geographical proximity, these countries have both similarities and differences in their worldview, attitude to such constants of culture as values, time, labor, human qualities. These cultures are also considered from an American scholar's point of view. At the end recommendations are given how to hold a constructive intercultural dialogue between a Russian teacher and Chinese students.

Keywords: dialogue of cultures, Chinese worldview, Russian mentality, proverb, intercultural communication

Находясь в условиях жесточайших санкций, Россия вынуждена тщательно выстраивать полноценный диалог с дружественными для нее странами. В этой связи знание ключевых особенностей культуры партнеров оказывается особенно важным.

Если ранее Россия стремилась к полномасштабному партнерству с европейскими странами, то в нынешней ситуации происходит кардинальный разворот в сторону такой страны как Китай. Исторически Китай всегда был стратегическим партнером России, но если ранее эта страна находилась в определенной зависимости от российских технологий, то на данный момент она вышла на новый экономический уровень и играет роль равноправного партнера. На наш взгляд, историческое сотрудничество между Россией и Китаем обусловлено определенной близостью российской и китайской культур. В статье будут рассмотрены ключевые моменты (мифологические (тотемические), религиозные, культурные и этнолингвистические), легшие в основу сходства и различия этих культур, представлен взгляд на их особенности с позиции иностранного исследователя, а также даны определенные рекомендации в обучении китайских студентов.

Согласно К. Леви-Стросу, *«все цивилизации, считающиеся высокоразвитыми, по мере своего распространения вбирали в себя элементы «первобытного» образа жизни, «примитивного» мышления, «примитивного» поведения, которые всегда были объектом антропологических исследований»*

[3, с. 31], поэтому тотемизм, как проявление особенностей первобытной культуры, легшей в основу развитой цивилизации, представляет собой особый интерес. В русских сказках мы часто сталкиваемся с медведем, которого мы ласково называем: Мишка, Михайло Потапыч, Мишка Косолапый, про медведицу мы говорим: Настасья Михайловна. Однако в Китае отношение к медведю кардинально противоположное: *«В Китае медведи более характерны отрицательным тоном, например, «толстый», «неуклюжий», «трусливый» и «глупый»* [1]. В Китае тотемным животным является дракон. Китайцы называют себя *«детьми дракона»*. Как и медведь в русской культуре, дракон может быть опасен, но его основное качество – доброжелательность. Он приносит богатство, удачу и процветание. Тем не менее, в России отношение к дракону крайне негативное, вспомним хотя бы Змея Горыныча из русских сказок.

Ключевым организующим принципом китайской культуры является конфуцианство. Несмотря на то, что в начале XX в. конфуцианство было признано помехой для прогресса Китая и было заменено на народные принципы КНР, его влияние сохранилось. Поэтому в китайском обществе принято руководствоваться такими принципами конфуцианства как 1) *«жэнь»* – гуманизм и человеколюбие; 2) *«ли»* – почтительность и ритуал, предполагающие в первую очередь, повышенную требовательность к себе; 3) *«чжэн-мин»*, предполагающий, что в обществе будут порядок и взаимопонимание, если каждый будет себя вести в соответствии своему знанию и должности; 4) *«цзюнь-цзы»* – высокая нравственность и *«вэнь»* – образованность и просвещенность; 5) *«ди»* – повиновение старшим по должности и возрасту; 6) *«чжун»* – преданность государю, нравственный авторитет правительства. Отсюда и китайские поговорки: любовь не во владении, а в уважении; человек, проходя, должен оставить после себя репутацию, как пролетевший гусь оставляет после себя крик; послушать совет

государя лучше, чем читать книги десять лет; одна редька, одна дырка, поэтому у каждого своя задача, и никто не бесполезен.

Несмотря на то, что Россия многоконфессиональная страна, главной религией для нее было и остается православие и, как следствие, надежда и вера в бога: жить – богу служить; что богу угодно, то и пригодно; не бойся никого, кроме Бога одного. В конфуцианстве человек верит в судьбу: если судьба, так встретишься и за тысячу ли, а не судьба, так не увидишь и рядом; то, что случается, случается вовремя; придет весна, и цветы распустятся сами; то, что произойдет, произойдет помимо твоей тревоги. Для русской культуры чрезвычайно важна соборность. Ее отличие от китайского коллективизма в принципе – мы все вместе, но каждый из нас – личность, которая может действовать самостоятельно. Сравним русские и китайские поговорки: есть ты – ничего не прибавилось, нет тебя – ничего не убывало; где каждый думает врозь, там и жизнь горемычна (кит.) & семеро одного не ждут; один в поле не воин, но дружба дружбой, а табачок врозь (русс.). Для русских очень похожее с китайским отношение к власти: царь-батюшка, без царя в голове (о глупом человеке), царь и бог (о человеке, который сосредоточил на себе всю власть) (русс.) & легко найти тысячу солдат, но трудно найти хорошего генерала; послушать совет государя, лучше, чем читать книги десять лет (кит.).

В китайской и русской культурах очень схожее отношение к труду: каждый шаг оставляет след (неуклонно работать и добиваться значительного прогресса); если вы достаточно много работаете, то сможете истереть даже железный стержень до размера иглы; нельзя потолстеть от одного глотка (чтобы чего-то добиться, надо упорно трудиться) (кит.) & умение и труд – все перетрут; без труда не вытащить и рыбку из пруда; работай до поту – так и поешь в охоту, а также отношение к работе: если гонишься за быстротой — не достигнешь; тот, кто мягко ступает, далеко продвинется на своем пути (кит.) & тише едешь – дальше будешь; поспешай медленно; долго запрягать да быстро ехать (русс.).

И в русской, и в китайской культурах общие ценности: правда, честь, добро, репутация: единожды солгавши, кто тебе поверит; лучше горькая правда, чем сладкая ложь; без правды люди не живут, а маются; правду, что шило, в мешке не утаишь; береги платье снову, а честь смолоду (русск.) & истина-источник мужества; глаз видит правду, ухо слышит ложь; лучше умереть, чем отступить от истины; если правда на твоей стороне, любого переспоришь (кит.).

Обращаясь к исследованиям Китая и России, проводимым представителями иноязычной культуры, можно увидеть то, что зачастую оказывается незамеченным. Американские исследователи Б. Томалин и М. Никс в своей книге «*Мировые культуры в бизнесе и как их открыть*» делают попытку проанализировать то, что делает деловые переговоры успешными или неуспешными в 10 выбранных ими культурах мира. Их исследование дает возможность увидеть и русскую, и китайскую культуру глазами американца. Мы сравнили те характерные черты, которые они приписывают русской и китайской культурам.

Таблица 1. Сравнительная характеристика китайской и русской культурных особенностей, которые необходимо учитывать, чтобы провести успешные переговоры (с позиции американских исследователей)

Важно для успешных переговоров в Китае	Важно для успешных переговоров в России
Быть искренним	Быть терпеливым
Оказывать услуги	Быть твердым, русские уважают лидерские качества и силу
Проявлять уважение к старшим по возрасту	Учитывать русский календарь: ваше время встречи может не совпадать с русским
Уделять время своим партнерам	Обращать внимание на иерархию
Всегда отвечать взаимностью	Проявлять личную теплоту: русские строят бизнес на личных взаимоотношениях
Не ждать быстрых результатов	Нельзя критиковать Россию
Сохранять терпение или контроль над своими эмоциями	Нельзя легко уступать в переговорах
Поддерживать регулярные контакты	Важно проявлять единство в команде
Быть консервативным в одежде и привычках	Игнорировать скрытые смыслы
Придерживаться китайского этикета, особенно за приемом пищи	Использовать жесткую тактику в переговорах

Таблица 2. Сравнительная характеристика отношения к таким важнейшим пунктам в переговорах как стиль коммуникации, дресс-код, способ принятия решения, время и повестка дня в Китае и России с точки зрения иностранного исследователя

	Китай	Россия
Стиль коммуникации	Опора на скрытые смыслы	Прямая, открытая коммуникация
Дресс-код	Формальный	Формальный
Скорость принятия решений	медленная	быстрая
Стиль принятия решений	Решение принимается коллективно	Принятие решения зависит от одного человека
Отношение к бизнесу	Ориентирован на долгосрочное партнерство, строится на личных отношениях	Ориентирован на долгосрочное партнерство, строится на личных отношениях
Отношение ко времени	Планируемое	Гибкое
Отношение к работе	Живут, чтобы работать	Живут, чтобы работать

Предложенные в таблицах особенности ведения бизнеса в России и Китае позволяют транспонировать их и на сферу образования. Эта проблема приобретает особое значение в виду расширяющихся межвузовских контактах, культурных обменах, научных стажировок и т.д. Поэтому в качестве выводов мы предложим свои рекомендации для учителей, обучающих китайских студентов в России. Итак, необходимо

1. Быть искренним;
2. Сохранять терпение или контроль над своими эмоциями;
3. Быть консервативным в одежде и привычках;
4. Опирайтесь на трудолюбие студентов;
5. Четко придерживаться расписания;
6. Учитывать, что китайцы слаженно работают в команде, поэтому им можно давать задания для совместной работы;
7. Планировать все заранее, учитывая потребность китайцев в долгой подготовке к работе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дмитриева О.А., Бай Юй Специфика отражения норм коммуникативного поведения на материале китайских и русских афоризмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 76-80.
2. Иванова М.В. Трансформация понятийных способностей основных категорий конфуцианства // Молодой ученый. 2015. № 18 (98). С. 517-520. URL: <https://moluch.ru/archive/98/22108/> (дата обращения: 24.01.2023).
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384с.
4. Сунь Юйно Сравнение символических значений «медведя» в русской и китайской лингвокультуре // E-Scio. 2020. №1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-simvolicheskikh-znacheniy-medvedya-v-russkoy-i-kitayskoy-lingvokulture> (дата обращения: 24.01.2023).
5. Tomalin B., Nicks M. The World's Business Cultures and How to Unlock them. Thorogood Publishing. 2007. 282 p.

РАЗДЕЛ X. УНИВЕРСИТЕТ И ЕГО ШКОЛА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 94

Папилова Елена Вячеславовна

О РАБОТЕ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ МОСКОВСКОГО НЕФТЯНОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

Email: llenochka@mail.ru

Аннотация. В статье, основанной на архивных данных, рассказывается о преподавателях кафедры иностранных языков в 1941-1945 гг., о трудностях, вызванных войной и эвакуацией института в Уфу. Также рассказывается о методике обучения и учебных пособиях – общетехнических и разработанных кафедрой специально для студентов-нефтяников.

Ключевые слова: Московский нефтяной институт; кафедра иностранных языков; история кафедры; Великая Отечественная война; эвакуация; архивные данные.

WORK OF DEPARTMENT OF MODERN LANGUAGES OF MOSCOW OIL INSTITUTE DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Elena V. Papilova

candidate of philological sciences, associate professor of Russian State
University of oil and gas named after I.M. Gubkin, Russia, Moscow

Email: llenochka@mail.ru

Annotation. this article, based on archive data, is about the teaching staff of the Department of modern languages in 1941-1945 and about difficulties caused by the war and the Institute's evacuation to Ufa. It also informs the reader about the teaching methodology and the books employed by the students in their studies – both for general engineering students and those books especially developed for the students of petroleum engineering.

Key words: Moscow Oil Institute; Department of Modern Languages; department history; Great Patriotic War; evacuation; archive data.

Период Великой Отечественной войны был тяжелейшим этапом истории Московского нефтяного института. В период недостатка продуктов питания, постоянного отключения электроэнергии, проблем с отоплением, хворающей дисциплиной, в то время, когда *«не хватало не только книг – не было даже бумаги. Институтские приказы печатались на упаковочной бумаге и, как правило, на обеих сторонах»* [1, с. 78], учебный процесс все-таки продолжался. Большинство студентов и преподавателей, а также оборудование и библиотека уже в конце 1941 были эвакуированы в Уфу, но и в Москве, в условиях вражеских авианалетов, светомаскировки и круглосуточного дежурства в зданиях института обучение продолжалось.

Самый ранний из обнаруженных в Центральном государственном архиве города Москвы протоколов заседания кафедры иностранных языков датируется 1943 г. [2]. В то время на кафедре работают Софья Ароновна Аркина, Александр Михайлович Розеноер, Е.В. Ульянченко, С.И. Межирова, С.С. Махова, Е.А. Мациевская, И.В. Савинова, А.Э. Вадимова, С.С. Китаин, О.З. Гурова, Ф.И. Тумаркина, М.Н. Фалькнер, М.Л. Браницкая, Е.И. Казенина, В.Н. Молчановская. Основным преподаваемым языком являлся английский, вторым – немецкий, его вела В.Л. Муравьева. За кафедрой были закреплены четыре комнаты на четвертом этаже здания по адресу Б. Калужская, дом 6: 431 (преподавательская), 433, 434, 435 (аудитории).

Работа в военное время была особенно сложной. В целях светомаскировки электричество в общежитиях отключали в 18 часов, и

студенты жаловались, что не было возможности заниматься вечером. При этом снижать требования и, таким образом, уровень подготовки не могло быть выходом из ситуации. При эвакуации в Уфу было вывезено большинство учебников и словарей, в Москве их не хватало; книги распределялись из расчета одна на двух студентов, пришлось затребовать из Уфы возвращения части книг. В кабинетах не хватало наглядных пособий: таблиц, карт, картинок с основными видами нефтяного оборудования с надписями по-английски. Необходимые для учебы англоязычные статьи приходилось фотографировать и распечатывать или размножать на стеклографе. Вдобавок пожар 11 мая 1943 г. уничтожил 40% помещений института.

В 1943 г. было заявлено о необходимости ввести в обучение иностранным языкам военную тематику. Эта задача была поручена А.М. Розеноеру. Он разработал систему тематических комплексов, которая была внедрена на всех факультетах вдобавок к основному курсу. Туда входила лексика по следующим темам: части и подразделения армии; лозунги, определяющие цели и характер войны; виды оружия; меры защиты; воздушные силы и воздушные налеты; газовая война; партизаны; морской флот; сухопутные силы; допрос пленного и др. [2, л. 5]

Основной курс изучения иностранного языка длился два года – на первом и втором курсах. К концу 1-го курса студент должен был уметь бегло читать, иметь разговорные навыки и навыки письма; цель 2-го курса – развить навыки правильного чтения и разговорные навыки, закрепить грамматику. На старших курсах начиналось внеаудиторное чтение в количестве 30.000 печатных знаков для студентов 3-го курса и 40.000 – для студентов 4 курса. Для внеаудиторного чтения студентам предлагались статьи из иностранных нефтяных журналов и выбранные из «*Moscow News*» статьи технической направленности. Проверка чтения производилась путем опросов в часы консультаций преподавателей. Методические установки сводились к следующему: чтение проводить не фразами, а абзацами; исправлять студента,

остановив его и обратив внимание всей группы на ошибку; постоянное переключение с одного языка на другой признавалось вредным; полезными признавались диктанты, их рекомендовалось проводить каждый урок; синтаксический разбор проводился с особым вниманием к порядку слов в предложении; увеличение словарного запаса и его активизация предполагались путем пересказа каждого урока и построения студентами общих и специальных вопросов. [3, л. 1]

Из отчетов кафедры за 1943-1945 гг. следует, что использовались учебные пособия, авторами которых были Шевалдышев, Чернухин, Катцер, Гундризер, Гальперин. Вероятно, это были следующие книги: *Шевалдышев Алексей Николаевич. Грамматика английского языка* (М., 1941); *Англо-русский технический словарь: 100.000 слов и выражений из основных областей науки и техники. Под ред. инженера Чернухина Адольфа Ефимовича* (М., Л., 1934; 2 изд. – М., 1938); *Катцер Юлий Морисович. Учебник английского языка с техническим уклоном* (М., Л., 1933); *Гундризер Вера Романовна. Учебник английского языка: утвержден ВКВШ в качестве учебника для втузов и техникумов* (3 изд. – Л., 1939; 4 изд. – Л., 1940); ранние издания словарей *Георгия Львовича Гальперина*.

Как видно, специализированных учебников было еще недостаточно, отмечалась необходимость составления хрестоматии по нефтегазовой тематике и отраслевых словарей (промыслового, геологического, экономического, механического, словаря транспорта и хранения нефти и газа). [4] К их разработке кафедра приступила в 1944 году. Вскоре были выпущены технологический словарь (Седых, Розеноер), словарь глаголов (Розеноер, Муравьева, Хинкис, Тумаркина), словарь существительных (Аркина, Межирова), словарь прилагательных и наречий (Розенталь). [5] Эта работа продолжалась впоследствии постоянно. Можно утверждать, что в 1940-ые годы были созданы основы языковой подготовки в области нефтегазового дела.

За годы Великой Отечественной войны кафедру возглавляли Розеноер А.М. (с 1941 по 1943 гг.) и Аркина С.А. (с 1943 по 1953 гг.). Александр Михайлович Розеноер (даты жизни: 1891, Санкт-Петербург – 21.02.1953) с отличием закончил институт иностранных языков в Москве (МГПИИЯ), владел английским, французским, немецким языками. Из личного дела [6] известна следующая информация о нем: соц. происхождение – бывшее купеческое, до Октябрьской революции – владелец типографии, беспартийный. В 1941 г. участвовал в оборонных работах под Москвой.

Софья Ароновна Аркина (1905 г.р., Киев), бывшее сословие – мещанское, беспартийная, работала в МНИ с 1933 г. [7] С 1941 по 1943 гг. возглавляла кафедру в Уфимском филиале института в эвакуации. Вернувшись в Москву, в декабре 1943 сменила Розеноера на посту заведующего. Кандидат наук, доцент, разработала пособия: *«Хрестоматия для геофизического факультета»* и *«Пособие для продолжающих английский язык групп 1 и 2 курсов»*. Отлично зарекомендовала себя и не раз была отмечена благодарностями: ордер на промтовары (1944), знак Отличника соцсоревнования Наркомнефти (1944), медаль за доблестный труд в ВОВ (1946), медаль за трудовую доблесть (1951). В приказе № 210 от 31.07.1944 г. директор института проф. Топчиев А.В., благодаря кафедре за отличную работу, отметил большое количество проведенных преподавателями консультаций, организацию библиотеки-передвижки, подбор учебного материала для старших курсов, разговорные кружки для студентов и клуб с английской и немецкой секциями для аспирантов и отличников. [8, л. 135] В этом Иностранном клубе каждый четверг делались доклады по текущей политике, велись беседы и чтение издаваемой в Москве английской газеты. Клуб пользовался большой популярностью и значительно повышал знания студентов. [9, л. 106] Клуб просуществовал до конца 1960-х гг.

Кафедра иностранных языков МНИ не только не прекратила свою работу в тяжелые военные годы, но сделала большой шаг в обеспечении

учебного процесса специализированными учебными пособиями по нефтегазовой отрасли.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. История Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. – М.: Нефть и газ, 2005. 443 с.
2. Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАМ). Ф.1072. Оп.1. Д.85.
3. ЦГАМ Ф.1072. Оп.1. Д.106.
4. ЦГАМ Ф.1072. Оп.1. Д.167.
5. ЦГАМ Ф.1072. Оп.1. Д.230.
6. Архив РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Ф.1. Оп.2. Д.1565.
7. Архив РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Ф.1. Оп.3. Д.4.
8. ЦГАМ Ф.1072. Оп.1. Д.89.
9. ЦГАМ Ф.1072. Оп.1. Д.79.

Александрова Ирина Николаевна

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО
ЯЗЫКА В ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И
ПАТРИОТИЗМА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ**

старший преподаватель кафедры русского языка

Российский государственный университет нефти и газа (Национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: iralex6585@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о возросшей в свете актуальных общественно-политических событий роли преподавателя русского языка в формировании гражданской ответственности и патриотизма обучающихся. Автор называет приоритетные направления соответствующей деятельности и делится своим опытом работы с российскими и иностранными обучающимися.

Ключевые слова: патриотизм; гражданственность; учебная экскурсия; художественный, учебный фильм; позитивный образ России; российские и иностранные обучающиеся.

**ON THE ROLE OF THE TEACHER OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN
THE EDUCATION OF CITIZENSHIP AND PATRIOTISM OF STUDENTS**

Irina N. Aleksandrova

Senior lecturer, National University of Oil and Gas «Gubkin University»,

Russia, Moscow

e-mail: Iralex6585@mail.ru

Annotation. The article states that the role of the teacher of the Russian language in the formation of citizenship and patriotism of students, which has increased in the light of current socio-political

events. The author names the priority areas of relevant activities and shares his work experience with Russian and foreign students.

Key words: patriotism; citizenship; educational excursion; fiction, educational film; positive image of Russia; Russian and foreign students.

Будущее России, её суверенитет, политическая и экономическая независимость определяются и формируются сегодня на фронтах специальной военной операции ВС РФ. В этих условиях коренным образом меняются отношения граждан страны с государством и обществом, возрастает их ответственность за судьбу Родины, «...патриотизм, гражданственность становятся важнейшей ценностью, духовно-нравственной основой личности современного человека». [4, с.702]

Сегодня приоритетными направлениями деятельности преподавателя высшей школы становятся формирование у обучающихся государственно-патриотического сознания, высокоразвитого чувства гражданственности, воспитание патриотично настроенной, духовно нравственной и интеллектуально зрелой личности, обладающей созидательным мировоззрением и независимым мышлением. [2, с.5]

Преподаватели кафедры русского языка РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина и раньше уделяли большое внимание воспитанию гражданственности молодёжи. Так, автор статьи в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» (1-3 курсы различных факультетов) проводит учебную экскурсию в Музей и культурно-просветительский центр им. В.И. Даля (ул. Большая Грузинская дом 4/6, стр. 9) Экскурсия формирует у обучающихся представление о В.И. Дале как о выдающемся гражданине, целеустремленном «языковом политике», борце за русский язык. После экскурсии личность этого человека, ранее «закрытая словарем», предстает перед обучающимися во всем многообразии талантов, студенты начинают

воспринимать его как великого труженика, совершившего научный и патриотический подвиг.

Из эссе обучающихся 1 курса факультета АиВТ, написанных после экскурсии: *«Уважения заслуживает В.И. Даль и за свою гражданскую позицию», «Я, познакомившись с экспозицией музея Даля, не только понял, насколько гениальным был этот человек, но и стал относиться к творчеству Даля как к великому наследию русского народа».*

Впечатления от увиденного и услышанного в доме-музее рождает у молодых людей не только восхищение личностью Даля, но и более осмысленное отношение к родному языку. А, как известно, язык *«...формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию».* [3, с. 85]

Воспитание чувства патриотизма, верности долгу и Отечеству – так можно обозначить одну из целей тематического занятия в рамках курса *«Русский язык и культура речи» «В бой идут одни «старики»* (х/ф, реж. Л. Быков, 1973, СССР) *«В чем секрет неослабевающего интереса к фильму?»*

Во время просмотра фильма обучающиеся делятся на две подгруппы и получают задание фиксировать как общеупотребительные, так и окказиональные фразеологизмы, профессионализмы, поговорки, пословицы, песни, речевые клише, увидеть и услышать другие особенности вербального и невербального ряда этого фильма. Сравнивая полученные результаты, обучающиеся приходят к пониманию, за счет чего создается неповторимая афористичность картины, проникаются её трагическим лиризмом, задумываются о судьбах героев фильма, о цене нашей Победы. Так военный художественный кинодискурс заставляет молодого человека размышлять о непреходящих ценностях: мужество, самопожертвование, верность воинскому долгу, товарищество, любовь к Родине.

Нашими преподавателями всегда большое значение придавалось расширению и обогащению *«русской картины мира»* иностранных

обучающихся, формированию у них позитивного образа России, активной гражданской позиции.

Сведения о культуре страны изучаемого языка, необходимые для квалифицированного общения, иностранные обучающиеся могут, в частности, почерпнуть из переработанного и переизданного в 2019 г. учебно-методического пособия *«Великие русские»* [1]. Целью пособия является ознакомление иностранных обучающихся с жизненным путем россиян, которыми по праву гордится Россия и чьи имена знает весь мир. Одна из задач пособия - расширение знаний о науке и культуре народа, чьим родным языком является русский язык. В пособие включены 16 текстов, посвящённых выдающимся деятелям русской и мировой науки и культуры, например: *«М.В. Ломоносов»*, *«Д.И. Менделеев»*, *«В.И. Вернадский»*, *«А.С. Попов»*, *«В.Г. Шухов»*, *«И.М. Губкин»*, *«Ю.А. Гагарин»*, *«Ж.А. Алфёров»* и др.

Системная работа с пособием *«Великие русские»* помогает не только сформировать у иностранных обучающихся профессиональную, коммуникативную и социокультурную компетенции, но и создать и закрепить положительный образ России.

Наряду с пособием на кафедре созданы, находятся в свободном доступе и включены в учебный процесс тематические стенды, наглядно рассказывающие о деятельности выдающихся русских людей: *«2021-й год – 310 лет со дня рождения М.В. Ломоносова»*, *«Великие русские»*, *«В.Г. Шухов – гений российской инженерной мысли»*.

Обучая иностранных студентов РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина русскому языку, невозможно обойти вниманием личность В.Г. Шухова, и мы придаем большое значение знакомству иностранных учащихся с инженерно-изобретательским феноменом этого великого гражданина и патриота России. Знакомство начинается на подготовительном факультете, когда используются тексты пособий, учебный стенд, учебные фильмы *«В.Г. Шухов – великий русский изобретатель»* (2012 г., 6:15), *«Инженер Шухов:*

котлы, стропила, башни» (А.Сбигнев, школа «Интеллектуал» 2014 г, 45:18), и продолжается с бакалаврами и магистрантами работой по пособию «*Великие русские*», комментированным просмотром фильмов «*Инженер Шухов. Универсальный гений*» (2014 г., 44:52), «*Гиперболоид инженера Шухова*» (2003 г., 38:47). На следующем этапе обучающиеся успешно готовят собственные презентации/проекты: «*Шухов и трубопроводный транспорт*», «*Шухов-химик*», «*Неизвестный Шухов*» и т.п. Финальным аккордом изучения деятельности В.Г. Шухова нередко становится посещение иностранцами памятника замечательному русскому ученому на Сретенском бульваре, возложение к нему цветов, фотографирование.

Неотъемлемой частью работы с иностранными обучающимися являются учебные экскурсии различной тематики. Остановимся на экскурсионных маршрутах, связанных с именами личностей, вписавших яркие страницы в русскую и мировую историю.

Экскурсия в Звездный городок проводится периодически и неизменно вызывает интерес у бакалавров и магистрантов. Неоднократно проводилась и экскурсия в Мемориальный дом-музей С.П. Королёва, с чьим именем иностранные магистранты знакомятся на страницах пособия «*Великие русские*». Там же иностранные обучающиеся расширяют свои знания о Ю.А. Гагарине и поэтому с энтузиазмом отзываются на предложение посетить город Гагарин, село Клушино, музей Первого полета, возложить цветы к памятнику первому космонавту на его Родине.

На кафедре русского языка первому полету человека в космос уделяется особое внимание. Ежегодно к 12 апреля с помощью обучающихся оформляется соответствующий стенд, проводятся тематические уроки, организуется комментированный просмотр х/ф «*Гагарин. Первый в космосе*» (2013 г., реж. П. Пархоменко, Россия, 108 мин)

Личность В.И. Ленина традиционно вызывает интерес иностранцев. Преподаватели кафедры периодически организуют экскурсию в Горки

Ленинские, и в один из приездов нашим магистрантам повезло участвовать в посадке яблоневого сада на территории музея-заповедника.

Не ограничиваясь посещением Горок Ленинских, автор статьи с кубинскими магистрантами посещала Мавзолей В.И. Ленина и захоронения у Кремлевской стены с возложением цветов к захоронениям Ю.А. Гагарина и С.П. Королёва.

Посещая с магистрантами Новодевичий некрополь, мы также стараемся передать им нашу любовь к великим соотечественникам, сохранить в их памяти выдающиеся имена. С цветами посещаем захоронения В.Г. Шухова, И.М. Губкина, А.П. Чехова, защитников Москвы в 1941 г.

Автобусные экскурсии в музей-усадьбу Л.Н. Толстого «*Ясная Поляна*», «*Страна двух гениев (Клин – Боблово)*», «*Калуга – родина космонавтики*» с посещением мемориального музея К.Э. Циолковского рождает у иностранных обучающихся ощущение сопричастности с гениальной личностью, с великой русской культурой, безусловно «*работают*» на формирование положительного образа России.

Иностранные обучающиеся знают, что одним из любимых праздников россиян является День Победы. В канун этого праздника преподаватели рассказывают о Великой Отечественной войне, слушают с обучающимися песни о войне, организуют комментированные просмотры фильмов «*В бой идут одни «старики»*», «*Офицеры*», «*Мы из будущего*» и др. Накануне 76-й годовщины Победы во вновь открывшемся кинотеатре «*Художественный*» с иностранными магистрантами первого года обучения состоялся премьерный просмотр х/ф «*Девятаев*».

Думается, что преподаватель русского языка, будучи гражданином великой страны и патриотом, имеет очень большие возможности для формирования сознательной гражданственности, патриотического настроения и осознанного чувства любви к России у лиц юношеского возраста – россиян и иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александрова И.Н., Акишин А.П. Великие русские: Учебно-методическое пособие. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2019. 99 с.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : Учебник / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 2008. – 352 с. – ISBN 978-5-211-05472-1. – EDN RBBKAF.
4. Шинкарева, Н. И. Патриотизм и гражданственность как нравственные основы формирования личности обучающихся / Н.И. Шинкарева, Л.А. Петрова // Студенческая наука Подмоскovie : материалы Международной научной конференции молодых ученых, Орехово-Зуево, 25–26 апреля 2017 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. – Р. 702-704. – EDN ZECCHT.

**Агеева Наталия Валерьевна¹, Максимова Марина Евгеньевна²,
Симакова Екатерина Юрьевна³**

**О СТАНОВЛЕНИИ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
РГУ НЕФТИ И ГАЗА (НИУ) ИМЕНИ И.М. ГУБКИНА**

¹кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков,

e-mail: ageeva.n@gubkin.ru

²кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,

e-mail: maksimova_me@mail.ru

³кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М.

Губкина, Москва, Россия

e-mail: simakova.e@gubkin.ru

Аннотация. Описаны первые шаги в становлении кафедры иностранных языков университета в период с 1930 по 1941 гг.

Ключевые слова: отечественная методика обучения иностранному языку в высшей технической школе, цели обучения, методы обучения.

**EARLY YEARS OF DEPARTMENT OF MODERN LANGUAGES
OF GUBKIN UNIVERSITY**

Nataliya V. Ageeva

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of
Modern Languages

e-mail: ageeva.n@gubkin.ru

Marina E. Maksimova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of
Modern Languages

e-mail: maksimova_me@mail.ru

Ekaterina Yu. Simakova

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Modern Languages
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

Moscow, Russia

e-mail: simakova.e@gubkin.ru

Abstract. The first steps in the formation of the Department of Modern Languages of the University in the period from 1930 to 1941 are described.

Key words: domestic methods of teaching a foreign language in a higher technical school, learning objectives, teaching methods.

История развития кафедры иностранных языков РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина насчитывает более 90 лет и в известной степени отражает развитие лингвистической и лингводидактической науки нашей страны.

Кафедра была основана в 1930 г. одновременно с созданием Московского нефтяного института (МНИ) на базе геолоразведочного факультета Горной академии. С самого начала велось преподавание трех языков – немецкого, английского и французского. Курс обучения носил профессионально-ориентированный характер и готовил будущих специалистов к использованию иностранного языка в профессиональной деятельности.

В 30-е гг. прошлого столетия происходили активные процессы в области развития мировой и отечественной методики преподавания иностранных

языков. Как отмечает А.А. Миролубов [3, с. 143], дореволюционный период и последующие годы в отечественной методике обучения иностранным языкам был накоплен значительный опыт в разных условиях и с разным контингентом, включая взрослых людей с разным уровнем образования.

Однако реформы в сфере образования, проведенные в первые годы советской власти, в значительной степени осложнили положение иностранного языка как учебной дисциплины. Трудности возникли как в отношении студентов, так и в отношении преподавателей.

Поскольку в предшествующий послереволюционный период обучение иностранным языкам в «*трудовой*» средней школе стало необязательным и фактически прекратилось [3, с. 70], выпускники школ демонстрировали чрезвычайно низкий уровень подготовки по этой дисциплине. Кроме того, ощущалась острая нехватка в преподавателях иностранных языков, так как к началу 30-х гг. только 4 вуза страны вели подготовку учителей иностранных языков. В этот период в связи с налаживанием торговых и экономических связей СССР с другими странами организована компания «*Иностранные языки в массы*». Это послужило толчком к возникновению в стране огромного числа курсов [3, с. 82].

Преподавательский состав кафедры иностранных языков МНИ того времени подтверждает этот факт. Преподавание вели в основном выпускники языковых курсов или получившие иное образование за рубежом. Так, в период с 1930 по 1941 гг. на кафедре иностранных языков МНИ работали: Кагарлицкая А.М. (диплом Skerry's College Glasgow (Шотландия), где готовили специалистов для государственной службы; Вихерт Ю.И. (диплом Московского учебного округа на преподавание иностранного языка №12787); Китаин С.С. (диплом Cooper Union Institute (Нью Йорк, США): курсы повышения квалификации преподавателей иностранных языков, Москва); Степанова Е.К. (курсы иностранных языков Общества преподавателей МОНО, Высшие курсы иностранных языков при II МГУ); Салманович М.Н.

(диплом Высших курсов иностранных языков в Санкт-Петербурге); Новицкая-Гиляревская Т. М. (диплом Высших курсов иностранных языков (Тбилиси). Впоследствии большинство из них получили диплом о высшем образовании, поскольку был открыт целый ряд педагогических институтов.

Индустриализация страны и привлечение иностранных специалистов вызвали необходимость в выпускниках технических вузов со знанием иностранных языков. Следует отметить, что преподавание иностранных языков в высшей школе было восстановлено только в середине 1920-х гг. [4, с. 95]. В методическом плане этот период характеризуется постепенным переходом от прямого метода к грамматико-переводному или сознательно-сопоставительному, который со временем стал ведущим методом обучения иностранным языкам в высшей школе. Новый подход предполагал построение обучения иностранному языку на основе сопоставления с родным языком, осознание учащимися значения языковых явлений и способов их применения в речевой деятельности [9]. Для неспециальных вузов были обозначены следующие цели обучения: 1) понимание литературы со словарем, 2) перевод иноязычного текста со словарем, 3) понимание устной речи средней трудности, 4) умение изъясняться на иностранном языке. [1, с. 72]. Это означало развитие таких речевых навыков как чтение, аудирование, говорение, а также умение перевода. Навыку письменной речи внимание не уделялось.

В этот период кафедра вела активную работу в области методов обучения иностранным языкам в высшей технической школе и созданию учебников. Об этом свидетельствуют научные публикации и учебные издания преподавателей кафедры. Вихерт Ю.И. занималась теоретическими проблемами лингводидактики высшей школы. Она опубликовала серию работ: Цели и задачи преподавания иностранных языков. // Материалы конференции-курсов преподавателей иностранных языков. – М., 1930., Иностранные языки в вузах Наркомтяжпрома СССР. Материалы для

участвующих в улучшении постановки преподавания иностранных языков в учебных заведениях Наркомтяжпрома СССР – М., 1932. Салманович М.Н. была соавтором учебников для высшей технической школы (Учебник английского языка с техническим уклоном, Standard English. Ч. 1-2). Новицкая-Гиляревская Т.М. интересовалась вопросами обучения практической грамматике будущих инженеров. Ее учебник «Практическая грамматика английского языка», написанный в соавторстве, издавался многократно. Ученое звание доцента ей было присвоено 13.07.1932 г. несмотря на отсутствие степени – за достижения в педагогической и научной деятельности. [7,8]

Открытие новых специальностей в вузе предполагает создание новых учебных материалов, что, в свою очередь требует создания глоссариев и словарей. Подготовка геологов-нефтяников была новым делом, и, очевидно, что нужно было собирать специализированную иноязычную литературу.

Первой заведующей кафедрой стала А.М. Кагарлицкая. Она возглавляла кафедру до 1939 г. Проработав на кафедре иностранных языков Горной академии с 1926 г., она имела опыт лингвистической подготовки будущих геологов-нефтяников, первый выпуск которых состоялся в 1924 г. Во время своей работы в Горной академии А.М. Кагарлицкая собрала библиотеку на английском языке, которую она полностью перенесла в МНИ. Она возглавила работу кафедры по отбору содержания обучения будущих нефтяников. Под ее руководством на кафедре начали собирать тексты для составления хрестоматий. Началась работа по составлению технического словаря. Большое внимание уделялось тому, чтобы развивать интерес к изучению иностранных языков у студентов института и далее совершенствовать их языковые навыки. А.М. Кагарлицкая ввела в работу кафедры кружки и консультации для помощи студентам. Студенты, уезжавшие на практику, занимались заочно, кафедра отсылала им почтой учебные материалы. Издавалась стенгазета. [2, 7].

Таким образом, в первое десятилетие работы сотрудниками кафедры иностранных языков была заложена прочная лексикографическая и лингводидактическая основа для обучения иностранным языкам. Именно профессионально подготовленные учебные материалы позволили в дальнейшем вывести языковую подготовку будущих нефтяников на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александер В.М. Методика преподавания немецкого языка. – М.; Л.; 1934. 193 с.
2. История Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина. Монография. /Под ред. проф. А.И. Владимирова и проф. В.И. Виноградова. – М., 2005
3. Миролубов А.А. История отечественной методики обучения иностранным языкам. – М.: СТУПЕНИ. ИНФРА-М, 2002. 448 с.
4. Горляков П.Я. Преподавание иностранных языков в высшей школе в первые годы советской власти (1917-1924 гг.). // Общество. Среда. Развитие. №2, 2022 – С. 90-96
5. Колобкова А.А. Исторический экскурс становления и развития методики преподавания иностранных языков в российских университетах // Педагогический журнал. 2019. Т. 9 – С. 73-88
6. Наумова О.В. Развитие методики преподавания иностранных языков: обзор основных направлений // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2014. Т.6 – С. 153-190
7. Папилова Е.В. Из истории образования университета нефти и газа // V Гуманитарные Губкинские чтения. Сборник материалов. Часть 2. – М., 2020. С.140-148.

8. Папилова Е.В. О работе Московского нефтяного института в годы Великой Отечественной войны// Педагогика. 2022. № 5. С.111-115
9. Щерба Л.В. Как надо изучать иностранные языки. – Л.: Госуд. изд-во, 1929. – 54 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

**РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

IV международная научно-практическая конференция

Ответственный редактор:
О.В. Каримов

Сведения о программном обеспечении, которое использовано для создания электронного издания:

Microsoft Word - набор, вёрстка текста, генерация PDF
<https://www.microsoft.com/>

Техническая обработка и подготовка материалов выполнены авторами

Подписано к использованию: 25.09.2023;

Объём издания: 2,11 Мб; Тираж: 50 экз.;

Комплектация издания: 1 CD-ROM;

Запись на физический носитель: Алимин В.В., +7 (499) 507-82-16.

119991, город Москва, проспект Ленинский, дом 65, корпус 2,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, издательский центр (019)

